

Наталия Ивановна Басовская От Калигулы до королевы Марго

НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ

ОТ КАЛИГУЛЫ
ДО КОРОЛЕВЫ МАРГО

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО МИРОВОЙ ИСТОРИИ

«От Калигулы до королевы Марго»:
ISBN 978-5-17-109853-7

Аннотация

Новая книга Наталии Басовской знакомит читателя с самыми яркими героями истории человечества. Был ли император Калигула тем развратным злодеем, которого мы знаем по легендам? Действительно ли королева Марго хранила сердца любовников под юбками? Почему император Карл V, владыка империи в которой не заходило солнце, сам отказался от власти? История – самая человечная из всех наук, имеющая дело с человеческими пороками и слабостями, поэтому каждый персонаж этой книги уникален, порой время и потомки бывают к ним несправедливы, а иногда самые ужасные легенды оказываются правдой.

**Наталья Ивановна Басовская
От Калигулы до королевы Марго**

© Басовская Н.И., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Античность

Император Калигула «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

Римского императора Гая Цезаря Калигулу по масштабу злодеяний мало с кем можно сравнить в мировой истории, разве что с Аттилой и Гитлером. Все они стали своеобразным эталоном злодейства. Но ведь Калигула не всегда был таким жутким символом. Попытаемся всмотреться в его реальную личность и биографию.

I век новой эры – это начало Римской империи на руинах скончавшейся республики. Как известно, то, что завершило существование, еще долго живет в умах и сердцах людей. Усилиями Октавиана Августа, победившего соперников-республиканцев, римские императоры, поначалу стыдливо именовавшиеся принцепсами («первыми среди равных»), стали превращаться в самых настоящих монархов. Возникла первая на римском престоле династия, которая вошла в историю под названием Юлиев-Клавдиев. Династия, которая через Октавиана Августа восходила к самому Цезарю, оставалась у власти с 27 по 68 г. н. э. За Октавианом последовал император Тиберий, а затем Калигула, Клавдий и Нерон. Из этих пяти правителей трое – великие злодеи. И это не случайно. Во времени правления Октавиана Августа и его преемников прозвучал своего рода последний аккорд, завершилась долгая агония Римской республики.

О Калигуле немало написано. Его личность привлекала внимание историков начиная с его современника Сенеки. Много интересного можно узнать из трудов придворного летописца Гая Светония Транквилла, а также Филона Александрийского и, конечно, великого Тацита. Римские писатели-историки были учителями жизни, воспитателями образованного общества. Калигула стал для них ярчайшим отрицательным примером, так что читать эту литературу надо с поправкой на ее нравоучительность.

Из современных трудов можно смело рекомендовать многократно переиздававшуюся работу Е.В. Федоровой «Императорский Рим в лицах». Интересна также вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга И.О. Князького «Калигула». В том, что такой персонаж попал в число людей замечательных, есть некий черный юмор, столь свойственный мировой истории.

Когда размышляешь о Калигуле, нельзя не вспомнить знаменитые слова английского историка и политика лорда Джона Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Вот что писал о Калигуле его современник Сенека: «Гай Цезарь, которого природа создала словно затем, чтобы показать, на что способна безграничная порочность в сочетании с безграничной властью».

Как ни странно, родители у будущего чудовища были не просто хорошие, а идеальные – по римским критериям, да и с сегодняшней точки зрения. Отец – Германик Юлий Цезарь (знатные римляне очень старались подчеркивать связь с великим Цезарем) – родился в 13 г. до н. э., а умер в 19 г. н. э. в возрасте 34 лет. Являясь племянником страшного императора Тиберия, преемника Октавиана Августа, Германик был по приказу императора усыновлен дядей и стал его законным наследником.

Мать Калигулы – Агриппина Старшая, легендарная фигура в римской истории, воплощение женского благородства. Она была внучкой Октавиана Августа и, по

словам Тацита, представляла собой эталон строгой нравственности в духе прежнего, республиканского Рима.

Германик и Агриппина – идеальная любящая пара. Гай Юлий был третьим из шести их выживших детей (остальные умерли в младенчестве). Нельзя сказать, что его баловали. Начиная с раннего детства в жизни Калигулы было множество стрессов, которые, безусловно, ожесточали его натуру. Ребенком он участвовал в германских походах отца. Мальчика одевали по-военному, как легионера, он жил в лагере вместе с простыми солдатами, которые, кстати, очень хорошо к нему относились. Именно тогда появилось прозвище Калигула, что означает «сапожок» («калига» – сапог легионера). Трогательное имя, которое так плохо вяжется с образом будущего взрослого императора!

Германские походы были попыткой Рима проникнуть на правый берег Рейна, в те места, где в 9 г.н.э. легионы Августа были разбиты германцами в знаменитом сражении в Тевтобургском лесу. Легендарной стала история о том, как великий лицемер Август бился головой о притолоку, обращаясь к своему погибшему полководцу: «Квинтилий Вар, верни легионы!» Тогда в глухих лесах и болотах пало около 27 тысяч римских легионеров.

Рим жил идеей реванша, и Германик успешно продвигался к этой цели, одерживая победы. Красивый, сильный, талантливый, он был любимцем армии, участвовал в рукопашных битвах и блестяще выступал в судах (в Риме полноценным гражданином считался лишь тот, кто мог произнести яркую речь). Кроме того, Германик был одарен литературно, он написал несколько комедий. Его популярность не могла не вызывать беспокойства у сильных мира сего.

Когда в 14 г.н.э. скончался Октавиан Август, легионы предложили Германику верховную власть. Если бы он согласился и пошел на Рим, то, безусловно, занял бы город. Но Германик сохранил верность Тиберию. Тот отозвал племянника (официально – сына) из Германии и отправил в Сирию, подальше от преданных полководцу солдат. На Востоке Германик был отравлен наместником Сирии Гнеем Кальпурнием Пизоном и его женой Планциной. Очевидно, что они получили указание сделать это. После совершения преступления их торжественно судили в Риме, и злодеи покончили с собой.

В какой-то момент из Сирии в Рим пришла ложная весть, будто Германик остался жив. В народе ходили стихи вроде таких:

*Жив, здоров, спасен Германик,
Рим спасен и мир спасен!*

Увы, это оказалось иллюзией. Германик был мертв, и его похоронили с великими почестями. Семилетний мальчик Гай Калигула нес урну с прахом великого отца. В тот момент все присутствовавшие были умилены, но с тех пор им редко приходилось испытывать умиление в адрес Калигулы.

Император Тиберий, заняв трон, стал быстро превращаться из человека в зверя. Он задумал расправиться с семьей покойного полководца Германика. Агриппина сначала жила при дворе, но Тиберий только и искал, к чему бы придраться. Однажды на пиру он предложил ей яблоко, а она отказалась и выглядела при этом напуганной. Тиберий продемонстрировал, что оскорблен: неужели она подозревает, что император хочет ее отравить? В итоге Агриппина оказалась в условиях, которые сегодня называют домашним арестом. Сначала ей запретили всякое общение, а потом действительно арестовали, чтобы отправить в заточение на маленький островок в Тирренском море. Агриппина не могла в это поверить и горько сетовала на судьбу. И тогда центурион ударил ее так, что выбил ей глаз. В заточении Агриппина хотела умереть голодом. Тиберий, к которому тюремщики обратились с вопросом, что делать, велел кормить ее насильно. Двух братьев Калигулы объявили врагами государства, и они, как и

некоторые другие родственники, сгинули в тюрьмах.

Эсташ Лёсюёр. «Калигула помещает прах матери и брата в гробницу предков». 1647. Виндзорский замок, Виндзор

Гай Калигула жил с матерью, пока она оставалась в Риме, а потом его взяла под свою защиту вдова Октавиана Августа Ливия. Юноша получил правильное римское образование и воспитание. Он знал древнегреческий язык, читал современных авторов, занимался риторикой, однако больше всего ему нравились танцы.

В 31 г.н. э. девятнадцатилетнего Калигулу призвали ко двору императора. Тиберий правил Римом с острова Капри, куда удалился, боясь заговоров. Скорее всего, юноша думал, что отправляется на верную смерть, но выбора не было – его доставили бы к императору насильно. Но оказалось, что Тиберий не собирается его убивать – просто захотел держать при себе.

На Капри постоянно совершались казни, и Калигула наблюдал за ними не просто с интересом – с удовольствием. Может быть, он мечтал, чтобы так же казнили и Тиберия, уничтожившего его семью, но вида не подавал и притворялся, что у него все прекрасно. Он твердо решил выжить.

Бронзовый бюст императора Гая (Калигулы). 37–41. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

В 33 г. Калигула женился на Юнии Клавдилле. Брак был заключен по любви и выглядел счастливым, но меньше чем через год молодая жена и ребенок умерли при родах. Для Калигулы это был очередной страшный удар судьбы.

Надо сказать, что к этому моменту институт наследования в Риме еще не вполне оформился. Со временем наследника стали определять легионы, но пока решающую роль играла воля императора. В 37 г. Тиберий объявил официальным наследником Калигулу... Но не только его. Вторым наследником стал родной внук императора Гемелл. Это было в духе Тиберия – добиваться того, чтобы претенденты ненавидели друг друга, но ничего не замыслили против него самого.

Наконец (именно так пишут все римские историки) 16 марта 37 г. император Тиберий умер... или был убит в тот момент, когда, находясь при смерти, вдруг открыл глаза. Присутствовавшие очень испугались: если он останется жить, последуют новые казни! И тогда всесильный фаворит префект претория (начальник стражи) Макрон приказал забросать умирающего императора одеждой, из-под которой тот не смог выбраться и в конце концов задохнулся. Есть и другая версия, которая гласит, что Тиберия придушил находившийся рядом Калигула.

Мраморный бюст императора Гая, известного как «Калигула». 37–41 года. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Через несколько дней (очень быстро для той эпохи!) 25-летний Калигула был уже в Риме. Он опередил второго наследника Гемелла и был встречен искренним ликованием: ведь для римлян это был сын Германика и Агриппины, тот самый мальчик, что в детских сапожках нес урну с прахом отца! Сенат, видя ликование народа, поспешил присвоить Калигуле, не имевшему вообще-то никаких заслуг, титул Август – Божественный.

В первое время правления Калигула не творил особых жестокостей. Он, конечно, приказал устранить второго наследника Тиберия – Гемелла, а также префекта претория Макрона, но массовых казней не было. Более того – новый правитель начал с благодеяний. Это отмечали даже его враги. Была объявлена амнистия всем осужденным при Тиберии. Все распоряжения Тиберия объявлялись недействительными. Еще более существенно, что были наказаны доносчики. А ведь в Риме со времен Суллы и Октавиана Августа за доносы награждали!

Калигула отменил закон об оскорблении величества, разрешил пользоваться книгами, которые при Октавиане Августе и Тиберии запрещались как вольнодумные. Началось активное строительство. Наконец, на радость народу, император стал устраивать развлечения. Если Тиберий славился прижимистостью и увеличивал государственную казну, то молодой император Калигула просто сорил деньгами, не жалея их на любимые народом пышные зрелища.

Император Калигула. Позолоченная эмаль. конец XVII – начало XVIII века. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Питер Пауль Рубенс. Германик и Агриппина Старшая. 1614. Национальная галерея искусства, Вашингтон

Объявив, что у него есть долг перед семьей, Калигула отправился на небольшом корабле (это была трирема – судно с тремя рядами гребцов) в плавание по Тирренскому морю и посетил острова, где замучили его мать и братьев. До Рима доходили слухи о том, что он собственными руками собирал прах родных. И хотя он много лет провел при дворе Тиберия, пировал с палачами, – теперь все видели, как он вновь несет урны с прахом близких, и плакали от умиления.

Император учредил множество торжеств и богослужений в честь своих погибших родственников. Ему нравились эти представления, в которых он играл главную роль. А римская публика, по-детски искренняя, рыдала от таких зрелищ. Надо сказать, что Калигула, организовавший эти действия, двигался в сторону церемониала не европейских, а восточных монархий.

Это было не единственное, что он позаимствовал у Востока. Его знаменитые кровосмесительные связи с сестрами (о чем так много сегодня написано) тоже вполне соответствовали традициям, например, египетской монархии. Фараоны нередко женились на собственных сестрах, и это считалось нормальным. Калигула же открыто обожал свою сестру Друзиллу, есть предположение, что он даже вступил с ней в брак. А когда она внезапно умерла совсем молодой, приказал ее немедленно обожествить, что было услужливо выполнено Сенатом.

Тома Кутюр. Римляне времен упадка. 1847. Музей Орсе, Париж

Эллинистический тип монархии многое объясняет. Воля правителя абсолютна, она ничем не отличается от воли богов. Если римляне обожествляли императора после смерти, то на Востоке правитель – живой бог на земле. Не случайно Гай Калигула однажды проскакал по улицам Рима в доспехах Александра Македонского: ведь именно Александр провозгласил соединение Востока и Запада.

Казалось бы, у Калигулы все сложилось просто замечательно. Но не стал ли этот внезапный взлет очередным стрессом, не нанес ли нового удара по его психике? Через восемь месяцев правления Калигула тяжело заболел. Это была некая болезнь мозга:

возможно, эпилепсия (этим недугом страдал Гай Юлий Цезарь) или некая инфекция, например, энцефалит. Поговаривали уже о его скорой смерти. Вопреки этим прогнозам император выздоровел, но стало ясно, что рассудок его пошатнулся.

Правда, в 39 г. Калигула еще пытался сделать для Рима нечто осмысленное – продолжить военные подвиги отца в Германии, но из этого ничего не получилось. Он оказался не просто плохим полководцем, а скорее антиполководцем. Все его распоряжения были неправильными, вредными, а одно – просто безумным. Когда войско готовилось к переправе через Рейн, Калигула вдруг велел всем снять шлемы и собирать в них ракушки. Смысл этого приказа так и остался загадкой. Видимо, это было одним из первых проявлений безумия.

Юлия Друзилла, сестра Калигулы. Глиптотека, Мюнхен

Наряду с этим Калигула проявлял и обыкновенную трусость. Известно, что он однажды так сильно перепугался, что стал поспешно прорываться назад, прочь от войска противника, через свои же легионы, и солдатам пришлось передавать его с рук на руки. А ведь его постоянно сравнивали с доблестным Германиком...

Так что вернулся он из бесславного похода разочарованным и обозленным. И наступили два последних, худших года его правления. Калигулой будто овладели воспоминания о казнях, которых он насмотрелся при дворе императора Тиберия. Кроме того, вызывать у всех страх надо было для того, чтобы обеспечить свое всевластие.

Вслед за Гемеллом и Макроном Калигула казнил преемника Макрона Сеяна. Это был страшный человек, но казнен он был не за свои зверства, а просто потому, что оказал все необходимые услуги и стал не нужен. Исследователи говорят, что трудно сосчитать казненных Калигулой сенаторов. Император как будто постоянно напоминал своему окружению: все вы никто по сравнению со мной!

Бронзовый сестерций Гая Калигулы. 37–38. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Как-то раз Калигула возлежал на пиру (как было принято у римлян) и вдруг громко рассмеялся. Один из подданных спросил, что рассмешило императора. Тот ответил: «Смешно, что стоит мне повести бровью – и твоя голова слетит с плеч».

Он был жаден до всего – до породистых лошадей, до великолепных домов. Он возвел себе дворец на месте уничтоженного дома великого Цицерона.

В последние годы жизни Калигула стал желать чуть ли не всех женщин, которых видел. Всех их он воспринимал как свою собственность. Одной из любовниц он как-то сказал: «Какая красивая изящная шейка! Но стоит мне приказать...»

Его жестокость не знала границ. Одного человека из всаднического сословия отдали на растерзание диким животным. Калигула, любивший видеть страдания и смерть, присутствовал при травле. Несчастный долго и громко кричал, что невиновен. Калигула сделал жест, чтобы зверей убрали... и приказал здесь же, на арене, отрезать жертве язык, а затем продолжить расправу.

Лоуренс Альма-Тадема. Римский император Клавдий. 1871. Художественный музей Уолтерс, Маунт-Вернон

Понятно, что при таком императоре Сенат утратил какое бы то ни было значение. Он более не утверждал приговоров, да и нельзя было успеть их утвердить. Были попораны важнейшие идеи Рима, где каждый гражданин (рабы к их числу не относились) чувствовал себя личностью, где действовал принцип римского права: «Да будет выслушана и другая сторона».

Калигула демонстрировал полное презрение даже к сенаторам, которых в Риме всегда высоко ценили и уважали. Император ненавидел и боялся этих людей и потому стремился их унижить. Вот откуда возникла его безумная идея привести на заседание своего коня и сделать его сенатором. Вероятно, слова Калигулы звучали не совсем так; может быть, он заявил, что его лошадь понимает больше, чем сенаторы. Он любил посмеяться, а особенно – поиздеваться над людьми.

Очень важно, что Калигула разрешил рабам доносить на господ. Это тоже шло вразрез со всеми римскими правилами. У современников появилось ощущение катастрофы: Рим погибал у них на глазах.

Заговоры против Калигулы составлялись несколько раз, но их разоблачали, а участников казнили. В 41 г. очередной заговор возглавили Кассий Херей, служивший еще при Германике, Анний Винициан и Эмилий Регул. Если первого Калигула извел жестокими насмешками, а второй был одержим мстью за казненных родственников, то у последнего были и политические идеи – он мечтал о возвращении республики.

Сценарий оказался на удивление похож на убийство Гая Юлия Цезаря в 44 г. до н. э. Заговорщики решили, что после театрального представления каждый должен нанести удар проклятому Калигуле. После театра император направился в термы. Он несколько раз менял маршрут, и преследователи метались по улицам, не в силах его найти. В конце концов они настигли его и с кличем «Делай это!» (так кричали при жертвоприношениях) нанесли Калигуле множество ударов мечами. Это и было своего рода жертвоприношение уходящей в прошлое Римской республики. И хотя впереди были и достойные императоры, такие как Марк Аврелий, все равно великий Рим шел к неминуемой гибели.

Никола Пуссен. Смерть Германика. 1626–1628. Художественный институт, Миннеаполис

Заговорщики не пощадили и семью императора. Убили даже двухлетнюю девочку – его единственную дочь: ей разбили голову то ли о скамью, то ли о стену. Они восприняли уроки жестокости, которые давал им Калигула. И напрасно римские историки позже объясняли на его примере, каких поступков не должен совершать правитель. Их мир был разрушен и восстановлению не подлежал.

Марк Антоний Политик и полководец

Говоря о великих людях Древнего Рима, трудно остановиться на ком-то одном. Произносишь: «Марк Антоний», а в памяти всплывают Гай Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Гней Помпей, блистательная Клеопатра – целая плеяда ярчайших фигур. Но у Марка Антония, несомненно, есть среди них свое место.

Он жил в I веке до н. э., с 83 по 30 год. Это был завершающий этап разрушения Римской республики, порог ее превращения в империю. Агония политической системы, казавшейся когда-то непобедимой.

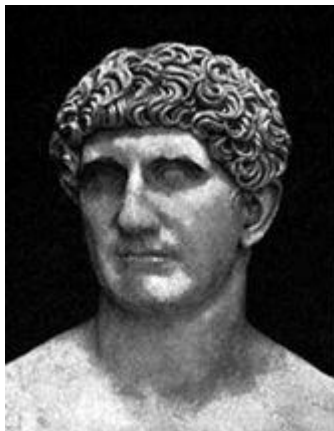
Как личность Марк Антоний – это вояка, рубака и гуляка. Он, конечно, не сводится к этим характеристикам, но именно такой его образ запечатлен в произведениях Уильяма Шекспира и Бернарда Шоу. Писатели сильно его романтизировали, в то время как он был не только героем, но и одним из активных разрушителей Римской республики.

Разрушение, как всегда бывает в политике, шло под прекрасными лозунгами. Чаще всего то, что уничтожают, объявляют объектом спасения. Так было и в эпоху гражданских войн в Риме. Все активные участники событий были уверены, что спасают республику.

Начиная с 27 г. до н. э. Римом единолично правил Октавиан Август, но считалось, что республика жива. Позже к власти пришли люди, открыто называвшие себя императорами, однако видимость республиканского правления сохранялась – в виде должностей, которые назывались магистратурами. Марк Антоний занимал в течение жизни более десяти магистратур. Он успел побывать префектом конницы, трибуном, проконсулом и даже консулом. В 43 г. до н. э. он входил в состав так называемого второго триумvirата – союза наиболее влиятельных политических деятелей, и тем не менее остался в тени еще более великих исторических фигур.

Марк Антоний происходил из знатного плебейского рода. Для нас это сегодня звучит весьма странно, но для Рима «знатный плебейский род» – явление вполне нормальное. На заре римской истории, в VIII–VI веках до н. э., плебеи были угнетенным бесправным сословием. Может быть, оно образовалось из потомков первоначального населения области Лациум. Плебеи долго и отчаянно бились за то, чтобы стать полноценными гражданами республики, и в конце концов получили те же права, что и нобилитет (римская знать). Вот откуда понятие «знатный плебейский род».

И деда, и отца будущего политика звали так же – Марк Антоний. Дед был ритором – мастером произнесения речей. Во времена республики все граждане должны были обладать красноречием, чтобы участвовать в политической жизни. Высшим воплощением республиканских систем правления были в Греции – Демосфен, в Риме – Цицерон. Ритор же – это тот, кто пишет тексты речей на заказ, за деньги, а также дает уроки ораторского мастерства. Должность не самая уважаемая, но востребованная, предполагавшая наличие интеллекта и образования.

Скульптурный бюст римского генерала, консула и триумвира Марка Антония. Конец I века н. э. Музеи Ватикана, Ватикан

Отец Марка Антония был претором – это очень высокая должность, следующая после консула. Претор – правая рука одного из двух консулов – первых лиц государства. Мать, Юлия Антония, тоже происходила из знатного рода.

Юность Марка Антония была разгульной, что типично для римской золотой молодежи времен поздней республики. Он гулял по улицам в шумной компании друзей, вел беспорядочный образ жизни, легко тратил деньги. В итоге ему пришлось бежать от кредиторов. Дело это было обычное. Так, Цезарь, получивший должность претора Галлии, не мог выехать из Рима: его не выпускали кредиторы. Помогло только поручительство богатого жулика Красса.

Марк Антоний, такой поддержки не имевший, направился в Грецию, бывшую в то время одной из римских провинций. Но будучи покоренной Римом, Греция, можно сказать, победила победителей: она оставалась центром науки, искусства, утонченной культуры. Туда ездили учиться. Например, в школе ораторского искусства на одном из греческих островов, видимо, обучался Цицерон.

Марк Антоний тоже хотел взяться за ум и начал учиться у философов и риторов, но науки плохо ему давались. Его привлекали тяжелая поступь легионеров, ржание коней, звон мечей... Он был рожден для военной карьеры, которая к тому же, как и во все времена, была прекрасным способом обогащения.

Лоуренс Альма-Тадема. Встреча Антония и Клеопатры. 1888. Частное собрание

Исторический момент оказался вполне подходящим для применения военных талантов. Во второй половине II века до н. э., во времена братьев Гракхов, искренне

стремившихся спасти республику, начался кризис полисной системы управления. Республика обладала множеством замечательных черт. Все должности были выборными. Среди них существовала и такая, как народный трибун – человек, в доме которого никогда не закрывается дверь: к нему всегда можно прийти за заступничеством. Народный трибун имел право вето и мог помешать принятию любого постановления великого Сената.

Главная причина кризиса республики заключалась в том, что Рим стал мировой державой, что сделалось особенно заметно после победы над Карфагеном. Занятое римлянами пространство было необозримо: колонии появились не только в Европе, но и в Азии и Африке. Многие – очень далеко от центра, где принимались решения. Когда возник кризис, начались гражданские войны, выросла значимость полководцев, способных влиять на судьбу государства.

Постепенно становилось понятно, что рано или поздно республика рухнет, а Римом будет управлять один человек. Как его назовут – пока не было ясно. Слово «царь» вызывало отторжение, потому что ассоциировалось с глубокой древностью (цари были в Риме в VIII–VI веках до н. э.). Потом появилось название «принцепс», а значительно позже – «император», причем вначале это слово обозначало военного руководителя.

Сложная эпоха требовала сильных личностей – и рождала их. В 60 г. до н. э. было заключено соглашение Гая Юлия Цезаря, Гнея Помпея и Марка Лициния Красса – трех богатых, ярких, популярных, решительных, овеванных военной славой людей. Возник первый триумвират. Его участники договорились вместе спасать государство, но между строк читалось и иное: они решили помогать друг другу. Пока. А там будет видно. Победителем из этой истории вышел Гай Юлий Цезарь: сначала он был избран консулом, затем стал диктатором.

Винченцо Камуччини. Смерть Цезаря. ок. 1806. Музей Каподимонте, Неаполь

В период консульства Цезаря, в 59 г. до н. э., и был замечен Марк Антоний, который к тому времени уже продвинулся по военной службе и стал начальником конницы у проконсула Сирии Габиния. Это была важная и уважаемая должность. Триумвират направил Габиния и Марка Антония в Египет, чтобы помочь царю Птолемею XII Авлету (отцу прекрасной Клеопатры VII) подавить бунт, во время которого трон захватила Клеопатра VI.

Египетского царя в Риме не слишком уважали, посмеивались над его привычкой играть на флейте, смешно надувая щеки, называли Авлет – «Дудочник». Но он обещал хорошо заплатить за помощь. Условием поддержки было и то, что Птолемею XII будет именоваться другом и союзником римского народа. Это означало примерно то же самое, что в Средние века объявить себя вассалом. Рим хорошо умел устанавливать с другими государствами такие неравноправные отношения.

В Египте Марк Антоний встретил главную трагическую любовь своей жизни. Впрочем, он вряд ли тогда ее заметил, ведь младшей дочери Птолемея XII, Клеопатре VII, было всего одиннадцать или двенадцать лет. А вот она, вероятно, обратила внимание на 25-летнего римлянина, который был бесстрашен и хорош собой. В Древнем Египте девочка в этом возрасте считалась и чувствовала себя взрослой.

Появление римлян произвело на египтян такое впечатление, что узурпаторша

Клеопатра VI была убита собственным окружением. Сторонники еще одной дочери Птолемея – Береники – провозгласили ее царицей, но она была вскоре казнена римлянами.

В 50 г.до н. э. Марк Антоний вернулся в Рим и получил должность квестора. Это была первая ступень в политической карьере. Мысль сделаться политиком овладела им быстро и внезапно. Он был человеком настроения, легко увлекался, а на пути к своей цели не желал видеть преград.

В 48 г.до н. э. Цезарь был объявлен диктатором – сначала на десять лет, а потом и бессрочно. Значительная часть верхушки общества не принимала идеи единоличной власти. Но низы, так называемый плебс, волновало одно – кто будет лучше кормить.

Марк Антоний считался прежде сторонником Помпея, полководца, овеянного великой славой и пока соблюдавшего республиканские правила. Его солдаты готовы были идти за него в бой. Но и войско Цезаря было предано своему лидеру. Марк Антоний, увидев в диктаторе перспективного правителя, перешел на его сторону.

Цезарь относился к Марку Антонию благосклонно, и тот при содействии диктатора стал народным трибуном и авгуром – членом коллегии жрецов. В 49 г.до н. э. он вместе со вторым народным трибуном Луцием Кассием Лонгином выступил в Сенате с горячей поддержкой всех полномочий Цезаря, всех его действий. Марк Антоний сделался таким пылким сторонником Цезаря, что предложил ему даже царский венец, от которого великий политик мудро уклонился.

Сенат не разделял столь восторженного отношения к Цезарю и намеревался принять постановление, ограничивающее его полномочия. Однако народные трибуны Марк Антоний и Луций Кассий Лонгин наложили на него вето. Тогда был отдан приказ арестовать народных трибунов – большая политическая ошибка! Арест народного трибуна – это покушение на святые принципы римского мироустройства.

Джон Уильям Уотерхаус. Клеопатра. 1888. Частная коллекция

У Марка Антония появились основания опасаться за свою жизнь. Ведь относительно незадолго до этого, в 60-х гг. до н. э., был разоблачен заговор аристократа Катилины, а его участники арестованы и казнены в Мамертинской тюрьме. Боясь, что с ними произойдет то же самое, Марк Антоний и Луций Кассий Лонгин бежали и примкнули к войску Цезаря в Цизальпийской Галлии (на северной границе Италии).

Надо сказать, что их появление подтолкнуло Цезаря к тому, чтобы в январе 49 г.до н. э. двинуть войско на Рим. Именно на этом пути он, согласно легенде, перешел реку Рубикон и произнес великие слова: «Жребий брошен!»

Марк Антоний лично участвовал в решающем сражении гражданской войны – битве при Фарсале (в Северной Греции). В этом сражении ярко проявился полководческий гений Цезаря. В отличие от многих других военачальников он был способен вовремя отступить от первоначального плана.

Помпей накануне битвы у себя в шатре читал «Илиаду» Гомера. Его вдохновляли образы древнегреческих героев. Он и сам был прекрасным воином, но не обладал той

гибкостью сознания, которой был наделен Цезарь.

Помпей предполагал, что десятый легион Цезаря одним броском заберется на холм, устанет и сделается легкой мишенью для атаки. Но все пошло иначе. Легионеры по пути остановились и отдохнули. К тому же Помпей не знал, что за спинами не очень многочисленных всадников Цезарь спрятал несколько когорт. Заметив скопление конницы на левом фланге у Помпея, Цезарь понял, что там возникнет давка. Когда войско Помпея пошло в атаку, конница Цезаря расступилась, а пешее войско стало бить всадников копьями в лицо. Те растерялись и повернули коней. После еще нескольких точных маневров армия Цезаря одержала победу. О своем главном сопернике он сказал: «Помпей не умеет побеждать».

Несмотря на безусловную победу в сражении, Цезарь еще не стал полным хозяином положения. Помпей остался жив и сумел бежать, а в гражданских войнах никто не может считаться победителем, пока не уничтожен главный противник. Поэтому, несмотря на прежние добрые отношения и даже родство (он был одно время женат на родственнице Помпея), Цезарь погнался за проигравшим соперником и настиг его в Египте. Правда, еще до прибытия Цезаря Помпей был коварно убит. Его голову торжественно преподнесли Цезарю – тот с отвращением отвернулся.

Убедившись в гибели Помпея, Цезарь не сразу покинул Египет. Его очаровала повзрослевшая уже Клеопатра VII. Он ценил в женщинах не только красоту, но и интеллект. Клеопатра была прекрасна – и при этом знала несколько языков, могла поддержать беседу. Так или иначе, Цезарь был покорен и не мог ее оставить.

Тем временем реальная власть перешла к Марку Антонию – консулу, ближайшему к Цезарю человеку, и он всеми силами обеспечивал порядок в Риме. В 47 г. до н. э. народный трибун Публий Корнелий Долабелла возглавил восстание плебеев и вольноотпущенников против долгов. Он утверждал, что граждане не должны платить за жилье. Марк Антоний жестоко расправился с восставшими.

В 45 г. до н. э. Цезарь вернулся в Рим, по пути разбив Боспорского царя Фарнака. Именно об этом он писал Клеопатре: «Пришел, увидел, победил». Ему было за сорок, и он хотел, чтобы молодая возлюбленная оценила его доблесть. Он прибыл в Рим триумфатором (это был его четвертый по счету триумф). Марк Антоний был правой рукой Цезаря, но о заговоре против него, видимо, не знал.

Шарль-Жозеф Натуар. Прибытие Марка Антония в Эфес. 1741. Музей изобразительных искусств Нима, Ним

Цезарь правил разумно, действовал в интересах Рима. В отличие от многих своих предшественников (например, Суллы), он не создавал атмосферы постоянного ужаса. Пламенные республиканцы, такие как Цицерон, все еще надеялись восстановить республику.

В день покушения на Цезаря, 15 марта 44 г. до н. э., Марка Антония намеренно отвлекли, задержали, чтобы он не явился вовремя в Сенат. Между прочим, у входа во дворец стояла статуя Помпея. Цезарь, убитый заговорщиками, упал мертвый к ногам своего побежденного некогда противника.

В первое время после убийства Цезаря Марк Антоний пребывал в растерянности, но затем он стал делать политический капитал на идее отмщения. Интересно, что он всю жизнь провел в лучах чьей-то славы. На сей раз это была слава покойного Цезаря,

которого, надо сказать, сразу после смерти стали буквально обожествлять.

На похоронах Марк Антоний произнес знаменитую речь против лидеров заговора – Брута и Кассия. Для усиления эффекта оратор показал собравшимся окровавленную тогу Цезаря. Позже Плутарх писал о Марке Антонии: «Он взял за образец так называемое азиатское направление в красноречии, которое в ту пору процветало и обнаруживало, вдобавок, большое сходство с самою жизнью Антония, полною хвастовства и высокомерия, глупого самомнения и непомерного честолюбия». И далее: «Он обладал красивою и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Существовало даже предание, будто Антонии, все Антонии, ведут свой род от сына Геракла – Антона».

Лоренцо А. Кастро. Сражение при Акциуме. 1672. Национальный морской музей, Лондон

По словам Плутарха, Антоний и внутренне не был лишен привлекательных черт. Так, его щедрость, «широта, с которой он одаривал воинов и друзей, сперва открыла ему блестящий путь к власти...» Однако Марк Антоний не был дальновиден. Его пламенная речь привела к последствиям, на которые он вряд ли рассчитывал. Возмущенная чернь ринулась громить дома убийц. Брут и Кассий к тому времени скрылись, но толпа уже не могла остановиться и стала рушить все вокруг.

Такое возбуждение умов вообще характерно для периодов гражданских войн. В подобные эпохи всегда выдвигаются любители ловить рыбку в мутной воде. Например, в Риме появился некий Лже-Марий – грек, объявивший себя внуком великого полководца Мария, республиканца, соперника диктатора Суллы. Лже-Марий призывал к отмщению и за своего деда, и за Цезаря. А в основе постоянной готовности народа к возмущению были, разумеется, недостаток продовольствия, высокие налоги и прочие тяготы военного времени.

Антоний, который в отсутствие Брута и Кассия стал фактическим хозяином Рима, подавил восстание, а самого Лже-Мария казнил без суда.

Марк Антоний, окруженный титанами, почувствовал себя великим человеком. Но он явно заблуждался. Не обладая, как уже отмечалось, политической зоркостью, он поздно заметил самого опасного соперника – внучатого племянника Цезаря Гая Октавия. Несмотря на то, что Цезарь провозгласил этого юношу своим наследником, Антоний видел в нем просто мальчишку. А тот оказался человеком незаурядного ума, хитрым и ловким, что и позволило ему пробраться к власти.

У Октавиана был ценный союзник – блестящий оратор Марк Туллий Цицерон. Он двадцать лет отсутствовал и вернулся в Рим пожилым человеком, что не помешало ему включиться в политическую борьбу. В правлении Марка Антония Цицерон видел власть солдатни. Он произнес против консула четырнадцать речей, которые сам назвал филиппиками (это слово использовал когда-то греческий политик Демосфен, выступавший против Филиппа Македонского накануне падения независимой Греции). Тексты многих филиппик Цицерона дошли до нас и демонстрируют яростность политической борьбы.

Во второй филиппике Цицерон назвал Марка Антония «человеком совершенно невоспитанным» – страшный порок в глазах римской аристократии! Более того – он призывал слушателей обратить внимание на «невероятную глупость» Антония, заявлял, что его нельзя признать консулом, потому что он ведет разгульную жизнь и не умеет управлять государством. Да и само избрание Антония на должность консула произошло под давлением авторитета Цезаря, а значит, не было законным. В конце речи Цицерон восклицал: «О, гнусная мерзость! О, нестерпимое бесстыдство, ничтожность и разврат этого человека!»

Тем временем назревало решающее сражение. Брут и Кассий собирали войска. Антоний в союзе с другом Цезаря Лепидом собирался им противостоять. Хитроумный Октавиан предпочел в такой момент объединиться с Антонием, чтобы вместе отомстить за убийство его родственника. Так в ноябре 43 г. до н. э. возник второй триумвират. Его лозунгом вновь было спасение республики, хотя по крайней мере двое из участников – Антоний и Октавиан – стремились к единоличной власти.

Анисе Шарль Габриэль Лемонье. Смерть Антония. Конец XVIII века. Музей изящных искусств, Руан

В годы правления второго триумvirата вернулось то, что казалось невозможным – возникшая во времена Суллы система проскрипций. Проскрипция – это список врагов, которых может убить любой, кто их встретит, причем он еще и получит часть конфискованного имущества. На основании проскрипций были убиты 300 сенаторов и 2 000 представителей всаднического сословия. Ради получения чужого имущества люди охотно писали доносы.

Попал в список врагов и Марк Туллий Цицерон. Его обвинили в том, что более двадцати лет назад он, будучи консулом, позволил казнить участников заговора Катилины без утверждения приговора Сенатом. Сам Антоний тоже казнил врагов без суда, но Цицерону этого прощать не собирался.

Октавиан три дня колебался, прежде чем принять решение о казни Цицерона, чьей поддержке был обязан политической карьерой. Но Антоний настаивал. В конце концов Цицерон, пытавшийся скрыться, был убит, а его руку и голову убийцы доставили в Рим. По словам Плутарха, Марк Антоний поставил голову Цицерона на обеденный стол и позволил своей жене Фульвии колоть язык убитого большой толстой иглой. Как это непохоже на Цезаря, отвернувшегося при виде головы убитого Помпея и приказавшего захоронить его останки в храме Немезиды...

Осенью 42 г. до н. э. войска второго триумvirата разбили Брута и Кассия в битве при Филиппах (Македония, север Балканского полуострова). Убийцы Цезаря, которым так и не удалось вернуть Риму республиканское правление, покончили с собой. Таково было римское представление о чести.

После победы Марк Антоний и Гай Октавий поделили примерно пополам территорию великой умирающей республики, определив таким образом свои сферы влияния. Антонию достался Восток, и он поспешил туда, навстречу своей судьбе.

В Риме осталась его жена Фульвия. Плутарх пишет о ней как о женщине удивительно энергичной, самостоятельной, не желавшей ограничиваться домашними

заботами. В «Жизнеописаниях» говорится: «Ей хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником». А далее Плутарх даже иронизирует: «Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин».

Да, у Антония возник бурный роман с царицей Египта Клеопатрой VII. Он прибыл в ее владения сорокалетним триумвиром, в зените физической силы, с намерением показать крепкую руку римлянина. Его не устраивали недостаточно крупные поступления из Египта в казну Рима.

Антоний приказал доставить для отчета Клеопатру в Киликию (это север Малой Азии). Царица прибыла на корабле, отделанном золотом, с веслами, обитыми серебром. Ее полуобнаженные служанки играли на флейтах и изображали нимф. Сама она была, по свидетельствам современников, в костюме Афродиты. Антоний забыл, зачем организовал эту встречу, и полностью поддался чарам Клеопатры.

Если Цезаря Клеопатра некогда покорила умом и утонченностью, то с Антонием она была совершенно другой. Она пошла на встречу его вкусам и привычкам. Пиршества следовали за пирами. Иногда Антоний и Клеопатра совершали ночные прогулки по северной столице Египта Александрии, переодевшись простолюдинами, и развлекались вместе с толпой. Народу это даже нравилось.

В угоду Клеопатре Антоний готов был на любую жестокость. Так, по ее просьбе была казнена ее сестра Арсиноя, которая когда-то боролась за власть в Египте, была побеждена Цезарем, но им же помилована. Теперь же Антоний казнил Арсиною прямо на ступенях храма Артемиды в Эфесе.

Тем временем законная супруга Антония Фульвия, объединившись с братом мужа консулом Луцием Антонием, собрала войско и подняла в Перузии (современная Перуджа, северо-восток Италии) восстание против Октавиана. Однако войска заговорщиков были разбиты. Фульвия бежала в Грецию и в скором времени умерла – по всей видимости, была отравлена.

В 40 г. до н. э. Антоний, может быть пресытившийся египетскими наслаждениями, прибыл в Рим. Октавиан все еще был настроен на мирное решение вопросов. Он решил образумить своего разгульного соправителя с помощью разумной жены и женил Антония на своей добродетельнейшей сестре Октавии. Кстати, она подтвердила слухи о своем благонравии после смерти мужа, храня верность его памяти и воспитывая его детей.

В то же время пришла информация из Египта: Клеопатра родила Антонию близнецов. Их называли Гелиос и Селена – Солнце и Луна.

Под предлогом необходимости навести порядок в Сирии, где активизировались враги Рима (Парфянская держава отняла у римлян часть сирийских владений), Антоний вновь двинулся на Восток. Он все еще мнил себя великим полководцем, хотя для этого не было никаких оснований.

Октавиан не стал возражать против похода Антония на Парфию. Он прекрасно помнил, что именно там сгинул участник первого триумvirата воинственный Марк Лициний Красс. Теперь был шанс, что Марк Антоний не вернется из опасного похода.

Герард де Лересс. Пир Клеопатры. 1675–1680. Рейксмюсеум, Амстердам

В 37 г. до н. э. в Антиохии, на территории Сирии, состоялось бракосочетание Антония и Клеопатры. Жених не считал важным то, что у него осталась в Риме другая законная супруга. Во время пиршества, которое называли «свадьба Востока и Запада», он поднял над головой своих детей – близнецов, что означало их признание.

После празднеств Антоний отправился в парфянский поход, оказавшийся, как и все его крупные военные предприятия, неудачным. Он потерял двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Надо помнить, что в глазах римлян не было ничего худшего для мужчины, чем неуспех в войне.

И все-таки сам Марк Антоний вернулся из похода живым, что, наверное, несколько разочаровало Октавиана. Хитрый политик понял, что пора перестать притворяться другом и любящим родственником. Он принялся делать все, чтобы окончательно разрушить и без того подмоченную репутацию Антония. Да и могла ли не смущать римлян тень загадочной египетской красавицы Клеопатры, которая чуть было не стала женой Цезаря!

Октавиан ворвался в храм Весты и вырвал у жрецов завещание Антония. Так когда-то сам Антоний отнимал у них завещание Цезаря. Все это было грубым нарушением правил. Так называемый «виртус» – система римских добродетелей – рушился на глазах.

Заполучив завещание, Октавиан объявил, что его нельзя признать, потому что в нем не учтены интересы законных дочерей Антония и Октавии. Римляне не могли с этим не согласиться. Ужасало то, что Марк Антоний объявил сына Клеопатры от Цезаря – Цезариона – царем царей. Еще хуже: Антоний предал гласности решение подарить своим детям от Клеопатры несколько римских владений на Востоке. А ведь завоеванные земли были Риму чуть ли не дороже добродетелей... Марк Антоний стал предателем Рима.

Все это дало Октавиану основания собрать войско против Антония, который более не мог считаться римлянином. Происходящее выглядело не как борьба за власть, а как намерение покарать изменника.

2 сентября 31 г. до н. э. состоялась битва у берегов Греции, в Ионическом море, при мысе Акциум. Римская флотилия насчитывала 260 кораблей, со стороны Египта было 170 римских кораблей и 60 египетских – силы примерно равны. Антоний и Клеопатра лично командовали войсками. В разгар сражения царица повернула свои корабли, Антоний устремился за ней.

Антоний и Клеопатра еще некоторое время укрывались в Александрии. Чувствуя свою обреченность, они создали общество друзей смерти. Войска, которые ранее подчинялись Марку Антонию, переходили на сторону Октавиана. Лишенные поддержки, Антоний и Клеопатра хотели бежать в Индию, но что-то произошло с кораблем и побег не состоялся.

Жан Леон Жером. Смерть Цезаря. 1859–1867. Художественный музей Уолтерс, Маунт-Вернон

Узнав о том, что в Египет пришел Октавиан со своими войсками, Клеопатра распустила слух о своей смерти. Антоний, поверивший, что его возлюбленной нет в живых, 1 августа 30 г. до н. э. приказал рабу себя заколоть, но тот вместо этого совершил самоубийство. По легенде, Антоний произнес: «Ты показал мне, как должен вести себя мужчина», – и ударил себя мечом. Он прожил еще несколько часов. Когда же он скончался, Клеопатра испросила у Октавиана разрешения похоронить возлюбленного. Вскоре она тоже покончила с собой, не желая идти в триумфе Октавиана. По улицам Рима провели только ее детей. Так закончилась история Римской республики и началась история империи.

Птолемей I Сотер Можно ли повторить Александра?

Жизнь Птолемея I неразрывно связана с личностью и биографией Александра Македонского. Великий полководец скончался 13 июня 323 г. до н. э. Это было событие мирового масштаба. Началась новая эпоха в истории человечества. Впрочем, современники, в том числе и близкий друг Александра Птолемей, этого, конечно, не понимали. Впереди была многолетняя битва бывших соратников – диадохов – за наследие Александра. В ходе этой борьбы возникли новые государства, получившие позже название эллинистических.

Птолемей был сыном одного из македонских племенных вождей. Участвуя в великом походе Александра на Восток, воюя с персами, македонцы старались представлять себя благородными эллинами. В какой-то момент стали говорить даже, что они «больше чем эллины». На самом же деле это были потомки пастухов-козопасов. Это была особая, варварская знать. Правда, ближайшее окружение Александра приобщилось к греческой культуре: нельзя забывать, что учителем полководца был гениальный Аристотель.

Отец Птолемея звался Лаг, в буквальном переводе – «Заяц». Как знать, не была ли жизнь Птолемея, прославившегося исключительной отвагой, постоянным опровержением унижительного прозвища, приставшего к его отцу? Да и само имя Птолемей образовано от греческого «ptolemos» – «война» – и может быть переведено как «Воинственный».

Мать звали Арсиноя – вероятно, она была гречанкой. По одной из легенд, она была близка с отцом Александра Филиппом II Македонским, который поспешно выдал ее, уже ожидавшую ребенка, замуж за Лага. То есть Птолемей мог приходиться Александру Македонскому старшим сводным братом. Но вполне вероятно, что это всего лишь льстивая выдумка придворных, которые хотели выделить Птолемея среди других преемников Александра.

В детстве и юности Птолемей Лагид – близкий друг Александра, товарищ по играм и учебе. Учился он, видимо, неплохо – через много лет он, единственный из диадохов, написал воспоминания о великом походе. До нашего времени они не дошли, но этими мемуарами пользовался римский историк Арриан, чьи труды изучаются и сегодня.

Незадолго до состоявшегося в 336 г. до н. э. убийства отца Александра,

македонского царя Филиппа II, он прогневался на сына, собиравшегося жениться без родительского согласия, и отправил его вместе со всеми близкими друзьями в ссылку. На самом деле между отцом и сыном был более глубокий конфликт. Филипп отверг мать Александра, свою жену Олимпиаду, отправил ее на родину, в Эпир, и женился на молодой македонянке Клеопатре. Новая жена ждала ребенка, и царь надеялся в будущем передать ему трон. Александру мать постоянно внушала, что он сын бога, а вовсе не македонского царя. Девятнадцатилетний сын от первой жены, энергичный, независимый, да еще и поверивший в свое божественное происхождение, – это очень опасно для властителя. Вот почему Александру пришлось последовать за матерью в Эпир. Вместе с ним там оказался и Птолемей.

Но Филипп пал жертвой политического убийства. Скорее всего, это сделали агенты Персии, против которой он готовил поход. Александр вернулся в Македонию и занял престол. Юная Клеопатра и рожденная ею девочка были убиты по его приказу. Птолемей стал телохранителем молодого царя. Александр не ошибся в выборе: он заметил в друге детства необычайную энергию и отвагу.

Весной 334 г. до н. э. Александр, более или менее уладив дела в Греции, начал свой великий поход против Персии под лозунгом отмщения за греко-персидские войны 500–449 гг. до н. э. и за убийство царя Филиппа.

В апреле, после переправы через Геллеспонт (современный пролив Дарданеллы), состоялось первое знаменитое сражение – при Гранике, на севере Малой Азии. В этом бою Птолемей был среди полководцев Александра, но не на первом месте. Главные роли играли Антипатр и Парменион. Во время сражения жизнь Александра спас его молочный брат Клит, которого позже полководец собственноручно убил в пьяном угаре.

Осенью 333 г. до н. э. произошла битва при Иссе. Численность персидских войск была в три раза больше, но греко-македонцы наголову разбили противников. По легенде, в этом бою жизнь Александра спас Птолемей. Сам телохранитель в мемуарах опроверг эти слухи.

В 332 г. до н. э. был почти без боя занят Египет. Птолемей не ведал тогда, что именно этой территории предстояло стать его царством и просуществовать как государству дольше всех основанных последователями Александра – почти триста лет.

Египетские жрецы предложили Александру признать его богом, сыном великого солнечного божества Амона-Ра. Полководец не возражал. Он ведь и так знал со слов матери, что является сыном Зевса. Со временем обожествление при жизни ожидало и Птолемея.

Лоуренс Альма-Тадема. Египетские шахматисты. 1865. Частная коллекция

1 октября 331 г. до н. э. Александр одержал решающую победу над персами при Гавгамелах, в Месопотамии, в междуречье Тигра и Евфрата. Численно превосходящими персидскими силами командовал лично царь Дарий III, последний из династии Ахеменидов. Он в панике бежал с поля боя в разгаре сражения. Известно, что в древности в случае гибели или бегства полководца войско переставало сражаться.

Дарий искал укрытия в Центральной Азии, у своего вассала – сатрапа Бактрии по имени Бесс, но был убит по его приказу. Все ожидали, что Александр Македонский будет в восторге. Но он возмутился: нельзя так поступать с царями! Птолемею было

поручено поймать Бесса и доставить к Александру.

Птолемей с отрядом проскакал за четыре дня расстояние, которое обычно преодолевали за десять дней. Он схватил преступника и привез к Александру. Бесс и его приспешники были казнены с особой жестокостью. Участие в этой операции полностью соответствовало характеру Птолемея, который сам был воплощением верности и не считал возможным прощать предателей.

Александр продолжил поход. В Северной Индии он столкнулся с отчаянным сопротивлением местных правителей. Птолемей продолжал верно и бесстрашно служить своему царю и другу. В одном из сражений в Пенджабе он кинулся в погоню за индийским вождем. На крутом подъеме сначала скакал на коне, потом спешился – и сумел свалить на землю индийского всадника. Во время поединка он получил удар копьем в грудь, но панцирь выдержал. Считалось, что победа Птолемея в этой схватке решила судьбу сражения.

Оценив доблесть Птолемея, Александр отдал под его командование треть своей армии. Птолемей со своим войском не раз отвлекал на себя индийские силы, чтобы Александр мог, например, переправиться через один из притоков Инда. Бывало и такое: Птолемей забирался со своими солдатами ночью на немыслимо крутые скалы и светом костра подавал сигнал: путь свободен!

Но Птолемей отличался не только смелостью, выносливостью и физической силой. Он был еще и внимательнее, осторожнее, разумнее многих других. Он хотел предотвратить убийство Клита, когда тот на пиру стал читать взбешенному Александру насмешливые стихи. Птолемей увел Клита из зала, но тот вернулся и был убит.

Бюст Птолемея I. III век до н. э. Лувр, Париж

Именно Птолемей сообщил Александру о так называемом заговоре пажей. Во время похода некоторые молодые придворные были возмущены тем, что Александр насаждал в лагере восточные обычаи, прежде всего – низкие поклоны. Заговорщики собирались ночью убить царя, но Птолемей предупредил его – и с предателями расправились. Среди прочих был казнен внучатый племянник Аристотеля Каллисфен, несмотря на заступничество знаменитого родственника.

Трагедией для верного Птолемея стала внезапная смерть Александра 13 июня 323 г. до н. э. Царь, совсем еще молодой, слег в Вавилоне в разгар подготовки к новому походу. Ему пришлось уйти из Индии, и теперь он собирался двинуться в обход Аравийского полуострова в Средиземноморье и Северную Африку. Судьбы мира могли сильно измениться, если бы он реализовал этот замысел. Но после нескольких дней непонятной болезни Александр скончался. Видимо, он был отравлен. Незадолго до этого столь же внезапно умер и его ближайший друг и возлюбленный Гефестион.

Александр Македонский не оставил преемника. У него был сводный брат Арридей от брака Филиппа и фессалийской танцовщицы. Арридей был слабоумным – большое удобство с точки зрения тех, кто претендует на реальную власть. У малолетних и безумных наследников всегда находятся энергичные сторонники. Таков был полководец Пердикка, выступивший за права Арридея. Был еще и незаконный сын Александра Геракл, рожденный одной из наложниц, который жил где-то в Пергаме, но

его всерьез никто не рассматривал. Наконец, через два месяца ожидалось рождение законного ребенка – его ждала жена Александра Роксана.

Колоссальную империю начали делить между собой ближайшие соратники, получившие название диадохи («преемники»). Они собрались для обсуждения главного вопроса – к кому перейдет власть. Птолемей высказался против всех претендентов и предложил избрать самого достойного из своей среды. Это гораздо больше соответствовало республиканской греческой традиции, чем монархическое наследование престола.

Понятно, что, предлагая такой вариант, Птолемей имел в виду прежде всего себя. Ведь ему были свойственны все качества преемника: близость к покойному царю, авторитет в глазах войска, сильный характер. Он буквально нарисовал свой портрет. Птолемей предложил проголосовать, но диадохи категорически отказались: каждый из них считал себя лучшим.

Империя была разделена между диадохами. За этим последовали двадцать два года войн: наследники рвали друг у друга куски бывшего огромного государства. Лет через десять они начали объявлять себя царями.

Птолемей стал сатрапом (наместником) Египта. Правда, там уже был сатрап Клеомен, назначенный самим Александром. Но преданность Птолемея распространялась только на самого царя, он не считал себя обязанным служить Клеомену. Было объявлено о связях Клеомена с Пердиккой, правившим в Греции и Македонии. Это стало основанием для казни бывшего сатрапа.

Птолемей продолжал хранить верность памяти Александра. Через год после его смерти он организовал пышные похороны. Для этого потребовалось завладеть гробом, который перевезли из Месопотамии в Сирию, а затем в Египет. Грандиозная церемония прошла в Мемфисе. Это соответствовало воле Александра, завещавшего похоронить его как бога Амона-Ра. После этого Птолемей приобрел опору среди египетской знати.

Тело Александра перезахоранивали еще несколько раз. Считается, что через триста лет римский император Октавиан Август, заняв Египет, подошел к гробнице Александра в Александрии и даже прикоснулся к мумии.

Будучи сатрапом, Птолемей продолжал сочетать отвагу и разумное поведение. В 321 г. до н. э. в Египет вторглись войска Пердикки. Этот сильный соперник не мог не бояться Птолемея, который, похоронив Александра, в очередной раз продемонстрировал, что претендует на место его преемника.

Птолемей лично участвовал в военных действиях. При штурме крепости Верблюжья спина в долине Нила он собственноручно длинным копьем ослепил слона. От боли и ужаса слон начал топтать всех подряд. Воспользовавшись суетой, Птолемей спрыгнул с вала и сбросил многих македонцев со стены.

Фаянсовый Систрам с начертанным именем Птолемея I. 305–282 до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Использовал он и приобретенные в Египте знания. Жители долины Нила начиная с III тысячелетия до н. э. научились учитывать сложный режим этой великой реки. Она берет начало в сердце Африки, в горах, и ее течение существенно меняется в разное время года. Войско Пердикки об этом, естественно, ничего не знало. Когда вода в Ниле начала прибывать, македонцы не успели отступить – и многие утонули.

Сначала в лагере Пердикки стоял плач по погибшим. Потом стали искать виновного. Некий грек Пифон ворвался в шатер Пердикки и убил его. Так у Птолемея не стало главного соперника.

Птолемей старался во всем напоминать Александра. В том числе – в великодушии. Во время войн диадохов он занял сирийский город Тир и захватил в плен начальника гарнизона. Вместо того чтобы казнить его, Птолемей преподнес ему дорогие подарки и произнес красивую речь о том, как он восхищен мужеством своего врага. Так когда-то Александр даровал жизнь семье Дария III – и даже с ней породнился.

В 305 г. до н. э. до Птолемея дошла информация о том, что диадохи начали провозглашать себя царями. Возглавили это движение сатрап Фригии Антигон и его сын Деметрий. Узнав об этом, Птолемей заявил, что он тоже царь. Египетские подданные, согласно восточным традициям, стали ему поклоняться и обожествили при жизни.

В 304 г. до н. э. Птолемей помог жителям острова Родос противостоять осаде сына Антигона Деметрия. Судя по всему, именно там у царя Египта появилось прозвище Сотер – «Спаситель».

Последнее крупное сражение войны диадохов произошло в 301 г. до н. э. при Ипсе, в Малой Азии. Бывшие полководцы Александра – Антигон I, Селевк, Лисимах, Кассандр перебили друг друга. Их потомки продолжали править эллинистическими государствами: Селевкиды – Сирией и другими областями Азии, наследники Антигона – Македонией и Грецией. Птолемей, оставшийся в стороне от битвы, сохранил за собой Египет.

Политический успех Птолемея I был обеспечен тем, что он всегда оставался верным солдатом, обладая при этом независимым умом, умея не только воевать, но и договариваться. Он успешно соединил многовековые традиции Египта с элементами греческого правления.

Через четырнадцать лет Птолемей передал власть младшему сыну, родившемуся от

любимой жены Береники. Птолемей II Филадельф стал царем, а отец остался при его дворе. Известны его слова: «Я понял, что лучше быть отцом царя, чем владеть какими угодно царствами».

Жан Фуке. Взятие Иерусалима Птолемеем Сотером ок. 320 г. до н. э. 1470–1475. Национальная библиотека Франции, отдел рукописей, Париж

Римский полководец Флавий Стилихон Варвар против варваров

Флавий Стилихон – один из тех, кто хотел спасти великий Рим. Он пытался спасти то, что было обречено, ибо этот человек жил в начале V века, а Западной Римской империи (Рим был уже разделен после кризиса III века, со времен Домициана) предстояло пасть в конце того же столетия. Приближалась эпоха Великого переселения народов.

Флавий Стилихон – римлянин в глазах варваров, но безусловный варвар в глазах чистокровных римлян. Он – полководец римского типа, хотя среди его солдат римляне далеко не все. Он – правитель Западной Римской империи примерно за семьдесят лет до ее окончательного падения.

О Флавии доступно не очень много литературы на русском языке. Стоит обратиться прежде всего к переводным трудам последнего великого римского историка Аммиана Марцеллина. Это был тонкий мыслитель, понимавший, что его мир гибнет. Переведены и книги римлянина Павла Орозия, готского писателя Иордана, византийцев Зосима и Олимпиодора. Из работ наших соотечественников особенно интересна статья Н.А. Фирсова «История Стилихона», опубликованная в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1855 г.

Диптих. Германо-римский генерал Стилихон с женой Сереной и сыном Евхерием. Копия резьбы по слоновой кости. Римско-германский Центральный музей, Майнц

Отражен образ Стилихона и в многочисленных трудах по истории Рима, в частности – в книге Е.В. Федоровой «Императорский Рим в лицах», а также в исследованиях В.П. Будановой, посвященных Великому переселению народов. Можно рекомендовать и статьи Е.А. Мехмадиева о римской варваризированной армии

IV–V веков.

Стилихон родился около 358 г. Происхождение во многом определяет его судьбу. Отец, тоже Флавий, полководец римского императора Восточной Римской империи Валента II, по крови – вандал. Вандалы – это несколько германских племен. В 455 г. они захватят Рим и поведут себя так, что слово «вандализм» навсегда станет обозначением дикого погрома, агрессивного уничтожения культурных ценностей.

Мать Стилихона – римлянка, христианка. Рубеж IV–V веков – это время, когда христианство уже признано великим императором Константином, но еще не стало официальной религией.

Отец не жалел усилий, чтобы сын стал настоящим римлянином – сильным, воинственным, но и образованным. Римлянин Клавдиан, ставший восторженным биографом Стилихона, утверждал, что юноша был хорош собой, умен, ловок, красноречив и остроумен. Панегирист подчеркивает и еще одну деталь: «У него было пылкое воображение, столь свойственное варварским народам».

Карьера Стилихона тоже началась при дворе императора Валента II, в Константинополе – столице Восточной Римской империи. Рим находился под постоянной угрозой со стороны варваров, западная столица иногда переносилась в Равенну. Восточная же столица была построена на месте греческой колонии Византия в 330 г.

Оказавшись при дворе, Стилихон вскоре получил важное поручение – отправиться для переговоров в столицу Персии Ктесифон. Римская дипломатия продолжала даже под давлением наступавших со всех сторон врагов искать на границах союзников. Договор был успешно заключен. Император Валент, довольный службой Стилихона, назначил его командовать несколькими легионами.

В 378 г. состоялась роковая для римской истории битва при Адрианополе. Ей предшествовали драматические события, связанные с передвижением варварских племен.

На вестготов давили гунны, пришедшие из глубин Монголии. В 376 г. вытесненные со своих территорий вестготы перешли Дунай и с разрешения Валента II поселились в римской провинции Мезии (территория современной Болгарии). Беженцам было обещано какое-то содержание, но по пути из Константинополя в Болгарию римские чиновники разворовывали всю помощь, которая должна была доставаться вестготам. Беженцы жили в ужасных условиях, голодали. Местное население всячески их притесняло, их детей насильственно забирали в армию.

Жозеф-Ноэль Сильвестр. Разграбление Рима вандалами в 410 году. 1890.

Музей Поля Валери, Сет

9 августа 378 г. вестготы восстали – и разгромили римлян под Адрианополем (территория современной Турции). Прежде такого невозможно было себе представить. Лет за двести до этих событий подобное утверждение звучало бы так же, как «Дунай повернул свои воды вспять». Варвары разбили римское войско!

В этом сражении император Валент погиб, Стилихону же удалось отличиться. В древности после гибели полководца обязательно случалось массовое бегство армии. Но Стилихон, которому было всего восемнадцать лет, сумел собрать и построить остатки своего войска и организованно вывести с поля боя несколько тысяч человек.

Современники не понимали, что поражение при Адрианополе означало фактический конец Древнего Рима. Слепота современников – явление естественное.

После гибели Валента престол занял Феодосий I Великий – последний, кому предстояло править Римской империей долго, целых шестнадцать лет. Он также приблизил к себе Стилихона, сделав его начальником кавалерии и женив его на своей любимой племяннице Серене.

Это была женщина неординарная. Она, как и ее дядя, родилась в Испании, то есть была римлянкой лишь условно. Серена рано осталась без отца, и Феодосий принял ее к своему двору как родную дочь. Она получила хорошее образование, читала императору вслух Гомера и Вергилия – это его успокаивало. Мужу, когда он уезжал, отправляла письма, в которых подробно обрисовывала придворную обстановку, интриги и даже международные новости.

Джон Уильям Уотерхаус. Фавориты императора Гонория. ок.1883. Художественная галерея южной Австралии, Аделаида

Любовь к античной культуре парадоксально сочеталась в ней с фанатичным христианством. В 394 г. Феодосий объявил христианство единственной религией империи. Почему он принял такое решение? Судя по всему, христианство с его идеей очистительного страдания точно соответствовало трагическому духу эпохи.

Решение дяди, видимо, подтолкнуло Серену к тому, чтобы ворваться в языческий храм богини Весты и осквернить его. Женщина сорвала некое украшение, предназначенное богине, и надела его на себя. Весталка прокляла Серену. И проклятие сбылось...

Стилихон больше всего времени уделял организации армии. В этом была острая необходимость, потому что римская армия стремительно варваризовалась. Стилихон, чтобы сохранить ее римский дух, создавал лагеря для юношей-готов. Там их не только обучали военному делу, но и внушали им идею верности Римской империи.

В одном из таких лагерей Стилихон мог заметить талантливого юношу-гота по имени Аларих, которого вестготы в 382 г. провозгласили своим королем, тем самым создав первое европейское варварское королевство.

В 394 г. Западная Римская империя была захвачена узурпатором-варваром Арбогастом. Он убил императора Запада Валентиниана II (официально считалось, что тот покончил с собой). На троне оказался некий Евгений – ритор и философ.

Для борьбы со смутой Феодосий призвал на помощь готов. Он заверил возмужавшего Алариха, что его соплеменники станут равной частью римской армии.

Однако в сражении на реке Фригид (территория современной Словении) Феодосий откровенно сэкономил римский контингент, выдвигая вперед исключительно готов. В результате Аларих стал врагом Рима и лично Стилихона.

В 395 г. умер император Феодосий I Великий, но положение Стилихона только укрепилось. Он стал регентом при несовершеннолетних наследниках Аркадии и Гонории. Как только Гонорий подрос, Стилихон женил его на своей дочери Марии. А когда Мария умерла – на второй своей дочери!

Понятно, что у Стилихона, ставшего фактическим правителем Западной Римской империи, находилось все больше озлобленных врагов. Завистники шептали, что творится недопустимое: кровь Августов смешалась с кровью варваров. И не надеется ли Стилихон возвести на императорский престол своего внука?

Но врагам долго не удавалось одолеть Стилихона, потому что он вовремя оказывался спасителем Рима. В 401 г. вестготы под руководством Алариха вторглись на территорию Италии. Они были остановлены войсками Стилихона. При дворе поговаривали: да, остановил, но почему дал им уйти?..

Жан-Поль Лоуренс. Император Гонорий. 1880. Музей искусства Крайслера, Норфолк

Ответ на этот вопрос нам точно неизвестен, но нельзя исключать того, что Стилихон продолжал видеть в вестготах потенциальных союзников. И ведь Рим действительно вскоре объединился с ними – в противостоянии гуннам.

Для спасения Рима Стилихон добился укрепления стен Вечного города, очень энергично организовал строительные работы, сам надзирал за ними. Он отозвал легионы из Британии и рейнскую армию из Германии. В 405 г. шестнадцатилетний Гонорий, не отличавшийся смелостью и ранее прятавшийся в Равенне, торжественно вступил рядом со Стилихоном в Рим.

В 406 г. Стилихон совершил величайшую ошибку своей жизни – он лично встретился с Аларихом. Это произошло в Иллирии, на территории современной Сербии. Несмотря на прежнюю вражду, они общались дружески. Стилихон даже вручил Алариху подарок – изготовленный мастерами готский меч, символ участия в защите Рима. Участники встречи обнялись.

Почему Стилихон на все это пошел? Дело в том, что ему решительно не хватало солдат. Римский контингент нельзя было больше пополнить, не отзывая легионы из провинций. Как только войска уходили с какой-либо территории, так вспыхивало восстание. Против Рима поднимались то бритты, то англы, то саксы. Возник своего рода Тришкин кафтан, который надо латать постоянно. А у Алариха были люди – и он

умел воевать. Кроме военной помощи Стилихон просил у вестготов денег – больше тонны золота.

Эти переговоры дали врагам Стилихона основания подозревать его в предательстве Рима, поскольку он обещал вестготам некоторые уступки, например, небольшие участки земли на севере Восточной Римской империи. Римляне были уверены, что владеть землей в империи должны исключительно ее граждане. Да, жителей провинций давно уже объявили гражданами. Но варвары!..

Противостояние римлян и германцев, описанное Тацитом в I веке н. э., все еще сохранялось. При Гонории предпринимались попытки запретить римлянам выглядеть как варвары, например, носить большие плащи и отпускать длинные волосы и бороду. Но все это были жалкие попытки остановить неотвратимое.

Мыслящие современники понимали, что Рим стоит на краю пропасти. Замечательный историк Аммиан Марцеллин с горечью писал о том, что философы и мыслители больше никому не нужны, книги заперты в библиотеках, как мумии в гробницах, – популярны только жонглерские номера, пустые вечеринки и бессмысленные разговоры.

Если раньше варвары не приходили в Рим, потому что он был огромной, неодолимой силой, то теперь он внутренне ослабел. Возникший как полис – город-государство, он вырос в мировую империю и – при тогдашних коммуникациях – превысил пределы управляемости. Рим изжил сам себя, нарушая собственные законы, попирая принципы гражданственности. Была и такая язва, как рабство. Это болезнь, которая не лечится терапевтически.

Гонорий, трусливый, не способный к государственному управлению, сам склонный к предательству, легко поверил слухам о предательстве Стилихона и отдал приказ его арестовать. В те времена арестовать означало казнить. О приказе узнали готы, служившие в римской армии. Они готовы были защищать своего полководца. Римляне же были настроены бить ненадежных готов. Началась волна антиготских погромов.

Стилихон укрылся в церкви в Равенне. Убежище окружила разъяренная толпа, требовавшая выдать на растерзание недавно еще любимого полководца. Здесь же появились посланники Гонория, которые привезли знаменитый приказ об аресте. Они уверяли, что, если Стилихон выйдет добровольно, он будет арестован – но не убит. И он вышел.

Трудно предположить, чтобы он, с его опытом, поверил обещаниям Гонория. Некоторые романтически настроенные историки предполагают, что Стилихон не хотел кровопролития. Но это мало похоже на правду. Может быть, он просто устал сопротивляться?

Когда он вышел из церкви, его поставили на колени, сорвали с него доспехи и отрубили ему голову. Вскоре была казнена и его вдова, а ее голову выставили на городскую стену для устрашения готов. Их это, правда, несколько не устрасило. В 410 г., через два года после смерти Стилихона, Аларих захватил Рим и, помня о том, как поступали с его соплеменниками, на три дня отдал город на поток и разграбление. Горько думать о том, что гибнущие империи убивают даже тех, кто их защищает, – и все равно не могут спастись.

Возрождение

Генрих VIII Тюдор

От гуманизма к деспотизму

Пристальное рассмотрение биографии этого человека наводит на мысли о деградации личности. Он начинал как прекрасный принц Возрождения, как король эпохи гуманизма, а закончил образцом западноевропейской тирании, воплощением

сложившегося абсолютизма. Самый знаменитый символ абсолютизма – французский «король-солнце» Людовик XIV, но он не отличался ни таким деспотизмом, ни такой кровожадностью, как Генрих VIII Английский. Впрочем, к ним обоим применимо высказывание английского историка лорда Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

Особая жестокость Генриха VIII проявилась в том, что он легко лишал жизни не только бунтовщиков (а при нем было повешено огромное количество противников так называемого огораживания), но и близких, тех, кто недавно вроде бы был ему дорог. Он казнил собственных жен, казнил мыслителя Томаса Мора, с которым был дружен и у которого бывал дома. Генрих VIII не признавал помилования, не отправлял в изгнание – только казнил.

Годы жизни Генриха VIII – 1491–1547. Королем он стал в 1509 г. На Руси в это время был на подступах свой образцовый тиран – Иван IV, прозванный впоследствии Грозным. Он вступил на престол царем всея Руси в год смерти Генриха VIII. Сходство этих персонажей ошеломляет. Вероятно, в них воплотились некоторые важные черты эпохи и той системы абсолютизма, которая утверждалась тогда в Европе, как казалось современникам – навсегда. На самом деле не за горами были великие революционные потрясения.

О Генрихе VIII написано очень много. Чрезвычайно интересна книга К. Дэниела «Англия. История страны» (перевод на русский язык издан в Санкт-Петербурге в 2007 г.). Это краткая история, основанная на множестве источников и написанная очень живо. Более подробная «История Великобритании», под редакцией К. Моргана, опубликована в Москве в 2008 г. Есть книга английского автора К. Линдсей «Разведенные, обезглавленные, уцелевшие жены Генриха VIII» (Москва, 1996). Из отечественных работ можно порекомендовать научную статью Ю.Е. Ивонина «Генрих VIII Тюдор» (журнал «Вопросы истории», 2008).

Происхождение Генриха VIII было безупречно: он сын короля Генриха VII – основателя династии Тюдоров, который был коронован условно, предварительно в 1485 г., прямо на поле сражения при Босворте, когда боролся против Ричарда III Йоркского. Ричард в этой битве надел корону на голову, но ему разрубили череп – и корона отлетела в кусты. И тогда сторонники дальнего королевского родственника Генриха Тюдора решились его короновать. Этот момент считается окончанием многолетней кровавой войны Алой и Белой розы, в ходе которой Ланкастеры и Йоркифактически истребили друг друга.

Генрих Тюдор, долго живший в эмиграции, был связан династическими узами с родом Ланкастеров. Его мать была правнучкой Джона Гонта, герцога Ланкастерского, всемогущего правителя Англии при бессильном Ричарде II. По отцовской линии были довольно незначительные уэльские феодалы. Но существовало еще родство с домом Плантагенетов по линии одного из незаконнорожденных детей Эдуарда III. В общем, претензии Генриха Тюдора на трон нельзя назвать вполне основательными, но лучшего претендента в тот момент не нашлось.

Йос ван Клеве. Портрет короля Генриха VIII. 1540–1541. Хэмптон-Корт, Лондон

Матерью Генриха VIII была Елизавета Йоркская, состоявшая также в родстве с Плантагенетами. Она происходила от сына Эдуарда III Эдмунда. Словом, в Генрихе соединились остатки аристократических родов, ввергших Англию в тяжелейшую гражданскую войну.

Детство Генриха VIII было в целом благополучным. Он жил в Англии, при дворе отца. Очень значительной фигурой была бабушка – Маргарита Бофорт, графиня Ричмондская. Умная, образованная, набожная, она существенно влияла на будущего короля, когда он был ребенком. Бабушка следила, чтобы он знал псалмы и вообще думал о вере. Однажды он по ее заданию написал сочинение о святости брака. Какая мрачная ирония истории!

Генрих получил хорошее образование. В это время в Англию пришел дух Возрождения, и это влияло на обучение детей аристократии. Принц хорошо говорил на латыни, свободно – по-французски, знал испанский и итальянский, играл на лютне, сочинял песни.

Ему приписывают слова: «Празднества в хорошей компании я люблю и буду любить до самой смерти». Так оно и было, он всегда охотно участвовал в придворных праздниках. Дальше там поется: «Ворчите те, кто завидует, но не смейте отрицать; да будет Господь милостив, так я и буду жить; для моих развлечений – охота, песни и танцы; лежит мое сердце к каждой доброй забаве для моего утешения: кто мне может не позволить?» Это было написано по-французски – на языке изящной культуры. С конца XV века английский король уже произносил на коронации речь на английском языке, но во многих ситуациях все еще использовали французский.

Генрих VIII писал не только забавные песенки. Он создал религиозный трактат, который был замечен папой римским. Скорее всего, в работе над этим текстом королю помогал Томас Мор.

Кроме наук, искусств и пиров Генрих VIII любил стрельбу из лука и был мастером этого занятия. Став королем, он издал указ, согласно которому каждый англичанин каждую субботу один час должен был посвятить упражнениям в стрельбе из лука. Он хотел поддержать эту народную традицию, навык, который не раз оказывался полезным на полях сражений. Да, английские лучники уже вытеснялись артиллерией, но их умение все еще высоко ценилось.

Даниэль Маклиз. Первая встреча Генриха VIII с Анной Болейн. 1836. Британский институт, Лондон

Рыцарский век ушел в прошлое, но Генрих VIII продолжал любить и устраивать рыцарские турниры. Кстати, это роднило его с одним из современников – французским королем Франциском I. Именно на турнире погиб сын Франциска Генрих II Валуа.

Принц Генрих Тюдор – умный и образованный юноша, поклонник искусств и любитель веселья, привлек симпатии многих, в том числе главных интеллектуалов эпохи. Но суждено ли ему было стать королем?

У Генриха был старший брат Артур, 1486 года рождения, прямой наследник престола. Поэтому Генриха, с его задатками, готовили к духовной карьере. Это казалось решением той проблемы, которая привела к гражданской войне, – слишком много мальчиков в аристократических семьях, слишком много претендентов на трон... Надо бы второго мальчика занять какой-нибудь спокойной деятельностью.

Но 2 апреля 1502 г. принц Уэльский Артур, которого незадолго до этого успели женить на Екатерине Арагонской – младшей дочери испанских правителей Фердинанда и Изабеллы, внезапно скончался. Правда, все источники отмечают, что он был слаб здоровьем. И он не пережил пышных свадебных торжеств.

Дэниэл Маклиз. Кардинал Вулси перед арестом. 1850

После смерти брата Генрих стал принцем Уэльским, наследником престола. Он запомнился окружающим на свадьбе Артура – веселый десятилетний крепыш, который отплясывал, в том числе и с невестой брата. Екатерина Арагонская была старше Генриха на шесть лет.

В последние годы правления Генриха VII атмосфера при дворе была затхлая, а молодой красивый сын короля вызывал всеобщие симпатии. Вот каким предстал

повзрослевший, едва вступивший на престол Генрих перед венецианским дипломатом Паскуалиго: «Один из самых привлекательных монархов, которого я когда-либо видел. Выше среднего роста, с короткими золотисто-каштановыми волосами. Его округлое лицо настолько прекрасно, что скорее подошло бы хорошенькой женщине. Шея – длинная и крепкая. Он великолепно владеет английским, французским, латынью, немного говорит по-итальянски. Недурно играет на лютне, на арфе, поет с листа и при этом натягивает тетиву лука с большей силой, чем кто-либо другой в Англии. Замечательно бьется на поединках».

Еще в статусе принца Генрих казался идеальным наследником престола. Его отец к концу жизни отличался безмерной скупостью, вводил все новые налоги. Томас Мор впервые ярко проявил себя как депутат Парламента от Палаты общин, резко возражавший против дополнительных пошлин, которые вводил Генрих VII.

22 апреля 1509 г. старый король скончался. Семнадцатилетний Генрих VIII взошел на престол, а уже в апреле он женился на вдове своего старшего брата Екатерине Арагонской. Ходили слухи, что такова была последняя воля его отца, ведь для английского королевского двора брак наследника с Екатериной означал союз с Испанией. Соперничество двух государств становилось все острее по мере того, как главными делались морские торговые пути. Но Генрих VIII традиционно считал противником Францию, а с Испанией стремился установить партнерские отношения. В этом смысле женитьба на вдове брата была очень важна. Велись и туманные разговоры о том, что брак Екатерины с Артуром не был реализован из-за слабого здоровья молодого мужа.

В начале правления Генрих VIII зверствовал не очень много. Правда, два фаворита отца были отданы на растерзание волкам. Но были и другие поступки. Одному из друзей молодой король сказал: «Без ученых людей мы едва ли смогли бы существовать». Это вызвало ликование среди гуманистов. Сам Томас Мор написал оду на коронацию Генриха. В ней были такие слова: «День этот – рабства конец. Этот день – начало свободы. Рады законы теперь силу свою обрести».

А ведь Томас Мор был уже зрелым тридцатилетним мужем, блестяще образованным юристом с опытом придворной службы и политической деятельности. Он входил в кружок гуманистов, который составляли самые образованные люди Англии. Так, преподаватель древнегреческого языка Уильям Гроцин был значительно старше Мора и пригласил его выступить в церкви Святого Лаврентия с лекциями о сочинении Блаженного Августина «О граде Божием». Еще один участник кружка – Томас Линакр – учился в Италии и бывал при дворе самого Лоренцо Великолепного, занимался медициной и в то же время готовил к изданию труды Аристотеля. Чтобы пообщаться с этими людьми, в Англию приезжал сам Эразм Роттердамский.

Эдуард Кибо. Анна Болейн в Тауэре. 1835. Музей Ролен, Отён

Лорд Маунтджой писал Эразму: «Я говорю, не сомневаясь, мой Эразм: когда ты услышишь, что тот, кого мы могли бы назвать нашим Октавианом, когда ты узнаешь, что он достиг отцовского трона, твоя меланхолия вмиг тебя покинет». Генрих сравнивается здесь с Октавианом Августом – принцепсом времен расцвета Римской республики. Автор письма был уверен, что молодой король жаждет не драгоценностей, а добродетели, славы и бессмертия.

Военной славы Генрих VIII действительно жаждал. В 1511 г. он вступил в Священную лигу, которую учредил воинственный папа Юлий II для борьбы с Францией. В Лигу вошли также тесть Генриха – испанский король Фердинанд Арагонский – и правители Венецианской республики. Потом состав союза много раз менялся.

В 1513 г. Генрих одержал блестящую победу в так называемой Битве шпор. Такое название возникло во второй раз в европейской истории. Впервые его использовали в 1302 г., когда состоялось сражение между восставшими фламандцами и французской армией возле города Куртре. Французы бежали, изо всех сил прищипывая коней, а с тех, кто остался на поле сражения, сняли шпоры и сложили в алтаре собора.

Генрих VIII в глубине души наверняка мечтал о возрождении славы ранних Плантагенетов, прежде всего – Эдуарда III, который так успешно воевал с Францией в начале Столетней войны. Не давали ему покоя и утраченные английские владения на континенте. И вот, объединившись с германским императором Максимилианом I, он разбил французов под Гингейтом.

В том же году состоялась битва при Флоддене с шотландцами – давними союзниками Франции. В сражении погиб шотландский король Яков IV и была уничтожена большая часть высшей шотландской знати. Генрих VIII там лично не присутствовал, но все равно гордился одержанной победой. После этих событий популярность пришла и к Екатерине Арагонской, которая была регентом, пока ее супруг находился во Франции, и направила войска в Шотландию.

Предпринимал Генрих и дипломатические шаги, оказавшиеся в основном неудачными. В 1514 г. он, желая улучшить отношения с Францией, вынудил свою юную сестру, красавицу Марию, вступить в брак с 52-летним Людовиком XII, который для нее был стариком. Через несколько месяцев после заключения брака Людовик скончался. Мария вернулась домой и добилась, чтобы ей разрешили брак по любви со знатным англичанином.

Неизвестный автор. Генрих VIII с семьей. Фрагмент. Слева направо: принц Эдуард, Генрих VIII, Джейн Сеймур. ок. 1545. Хэмптон-Корт, Лондон

Король же сделал еще одну дипломатическую попытку. В июне 1520 г. он организовал так называемую «встречу на Поле золотой парчи» – переговоры близ Кале с молодым французским королем Франциском I. Все проходило в обстановке невероятной роскоши и пышности. Монархи обнялись. Правда, наблюдательный венецианский посол записал: «Они всей душой ненавидят друг друга». Никаких результатов переговоры не дали.

В личной жизни Генриха тоже не все было благополучно. Несчастливая Екатерина Арагонская непрерывно производила на свет детей, в основном девочек, но они или рождались мертвыми, или сразу же умирали. В 1511 г., на Новый год, родился мальчик. Его назвали Новогодний Мальчик. Вся Англия ликовала: у короля появился наследник! Но младенец умер через несколько недель. В 1513 г., после битвы при Флоддене, родился мертвый мальчик. В 1516 г. – девочка, будущая Мария Кровавая. В 1519 г. фаворитка Элизабет Блаунт родила ребенка, который получил имя Генри Фицрой, буквально – «сын короля».

Вопрос о наследнике имел для Генриха, продолжателя молодой династии, чрезвычайную важность. Поэтому он задумался о разводе с Екатериной Арагонской. Осуществить задуманное было непросто. Екатерина, с которой он прожил в браке восемнадцать лет, была преданной женой, и ее не представлялось возможным в чем-либо заподозрить. Более того – она не раз проявляла себя очень достойно. 1 мая 1517 г. в Лондоне случился страшный бунт (эту дату назвали потом «черный Майский день»). Это был погром, направленный против иноземных (фламандских, французских, испанских) купцов и ремесленников.

В это время помощником шерифа Лондона был знаменитый Томас Мор, которого Генрих VIII приблизил к себе в самом начале своего правления. Философ пытался уладить дело миром, но герцог Норфолк, которого в городе ненавидели, решил действовать силой. Он ввел в Лондон войска, которые хватили всех подряд. Арестованы, заключены и приговорены к повешению были четыреста мужчин и одиннадцать женщин. В это время в Лондоне были жена короля Екатерина Арагонская и две его сестры – Мария Французская и Маргарита Шотландская. Они бросились к ногам Генриха и стали просить о милости. Он ничего твердо не обещал, но, выдержав недельную паузу, организовал очень красивую, как ему казалось, сцену. К нему, торжественно восседавшему, ввели несчастных заключенных, связанных, с веревками на шеях, королевы снова бросились к его ногам – это, конечно, уже был спектакль.

Надо сказать, что Генрих подражал великому Эдуарду III Плантагенету. Во время Столетней войны, в 1347 г., тот обещал помиловать захваченный после десятидневной осады Кале, если шесть самых уважаемых горожан выйдут с веревками на шее, чтобы быть повешенными. Граждане Кале пришли к королю – и тогда королева Филиппа Геннегаузская бросилась к ногам мужа с просьбой их помиловать. И им была дарована жизнь.

Неизвестный автор (Английская школа). Портрет Генриха VIII в год вступления на престол. ок. 1513. Денверский художественный музей, Денвер

Эту историю Тюдоры, конечно, прекрасно знали. К тому же Генрих VIII вообще любил спектакли. После этих событий Екатерина Арагонская стала еще более популярна: народ любит сцены милосердия. Сохранилась посвященная королеве фольклорная баллада: «Пусть мрачною рекой струится испанцев кровь по мостовой, да не устану я молиться о благе Англии родной. В честь нашей доброй королевы слышна немолчная хвала, ей вторят радости напевы, ее да славятся дела!» Ценилось то, что она заступилась не за соотечественников-испанцев, а за своих новых, обретенных в браке детей – народ Англии.

Развод был сложен и с точки зрения католической церкви: требовалось разрешение папы римского. Но Генрих VIII в конце концов решился на это пойти. Важную роль сыграло его увлечение фрейлиной Анной Болейн, которая не уступала его ухаживаниям и настаивала на законном браке.

Генрих был уверен, что никто в мире не может чего-либо ему не позволить, однако он не хотел открыто идти против папы. Король, которого в детстве готовили к духовной карьере, написал, например, в 1521 г. при помощи Томаса Мора трактат «В защиту семи таинств», направленный против лютеран, и получил от папы титул защитника веры.

Теперь же от папы Климента VII требовалось разрешение на расторжение брака. Но глава Ватикана очень опасался Габсбургов, чья власть стала почти необъятной. С 1519 г. у власти находился племянник Екатерины Арагонской – испанский король Карл V. Приняв это во внимание, папа категорически отказался аннулировать брак Генриха VIII.

Намерение развестись не встретило поддержки и в ближайшем окружении Генриха VIII. К этому времени Томас Мор уже стал лордом-канцлером. Известны его слова: «Если бы не милость короля, я считал бы свое место столь же приятным, сколько Дамоклу был приятен меч, висевший над его головой». Ему же принадлежит высказывание: «Если бы за мою голову королем посулили замок во Франции, она бы тут же скатилась с плеч». Но пока Генрих бывал в гостях у Томаса Мора в деревне Челси, обедал с ним, гулял по саду, обняв хозяина за шею. Между тем Мор решительно противился мысли короля о разводе: святость брака в католической церкви абсолютна.

В конце концов 38-летний Генрих решился на опасный шаг. Он призвал богословов, которые подсказали ему аргумент из Библии: там говорится, что не должно жениться на вдове брата, иначе не будет детей.

Чтобы избавиться от власти папы, Генрих задумал реформировать церковь. В тот момент вопрос о церковной реформе назрел во всей Западной Европе. Прежде всего это открывало перспективу секуляризации монастырских земель и невиданного обогащения казны. Надо сказать, что Генрих, объявивший себя лично главой церкви, очень разумно распорядился монастырскими землями и обеспечил Англии стабильный доход. Понятно, почему сторонников у реформации было немало.

Одним из советников Генриха VIII был всемогущий, как казалось, кардинал Томас Вулси. Именно ему, опытному политику, было поручено добиться разрешения папы на расторжение брака короля с Екатериной Арагонской. Кардинал не справился с заданием и потерял расположение короля. В условиях абсолютизма это означает: готовь голову на плаху. Правда, сначала Вулси был сослан в Йорк, но через год, в 1530-м, за ним пришли: король требует на допрос. По дороге в Лондон Вулси умер: не выдержало сердце.

Ганс Гольбейн (Младший). Портрет Томаса Мора. 1527. Национальная портретная галерея, Лондон

В эти годы Генрих VIII изменился почти до неузнаваемости. Он окружил себя новыми людьми. Дружба с Томасом Мором угасла. Ученый, как истовый католик, был решительно против подчинения церкви королю. К тому же Мор жалел крестьян, которых сгоняли с земель ради строительства мануфактур и производства сукна из овечьей шерсти, и писал в «Утопии» о «кровожадных овечках», которые пожирают людей. В 1535 г. Мор был казнен.

На смену Вулси и Мору пришли Томас Кромвель, однофамилец будущего революционера Оливера Кромвеля, и доктор богословия из Кембриджа Томас Кранмер. Оба новых приближенных были, что называется, выскочками. Кромвель происходил «из простых», был солдатом, потом учился в Италии и стал секретарем Вулси. После низвержения кардинала, как ни удивительно, уцелел, продемонстрировав незаурядную ловкость и изобретательность.

Кранмер же – выходец из церковного сословия – умел вовремя угодить. Именно он предложил собрать мнения теологических факультетов Европы о разводах, найти научные обоснования для решения короля.

В 1534 г. Актом о супрематии было введено прямое подчинение церкви королевской особе. Это была английская форма реформации, представлявшей собой в разных странах Европы одну из форм духовного и материального расставания со Средневековьем. Тысячелетие с V по XV век было временем духовной, культурной, а во многом и административной монополии церкви, которая занималась делами отнюдь не только небесными. Но пришло время, когда такие разные люди, как Джон Виклиф в Англии, Ян Гус в Чехии, Мартин Лютер в Германии заговорили о необходимости реформ. В Германии после кровавых битв между сторонниками и противниками изменений был достигнут компромисс и в 1555 г. заключен Аугсбургский религиозный мир. Княжества Германии разделились на католические и протестантские.

В Англии такое разделение было невозможно, и Генрих VIII присвоил себе власть над церковью. По сей день Англиканская церковь сохраняет самобытность, отличаясь от других протестантских течений.

После восемнадцати лет брака Генрих объявил Екатерине Арагонской, что их союз не был угоден Господу и что больше она ему не жена. Бывшая супруга жила в изоляции то в одном то в другом замке. Убить ее Генрих не решился: дело, безусловно, было в ее испанском происхождении. Она дожила в забвении до 1536 г. Генрих, кстати, не раз сетовал на то, что она все еще жива.

В целом же казни практиковались все шире. Массово казнили так называемых бродяг – бывших крестьян, которых сгоняли с церковных земель, переходивших в собственность сеньоров. Люди, лишённые земли и дома, шли по дорогам Англии: некоторые – чтобы наняться на мануфактуры, где их ожидал 14-часовой рабочий день, некоторые же так и оставались бродягами. За это полагалась смертная казнь. По сведениям знаменитого хрониста Холиншеда, в правление Генриха VIII были казнены 72 тысячи человек. Это гораздо больше, чем при первом Тюдоре Генрихе VII.

Еще в 1532 г. Генрих VIII вступил в тайный брак с Анной Болейн. Его предыдущий брак аннулировал Кранмер, ставший архиепископом Кентерберийским и правой рукой короля. В 1533 году он объявил брак Генриха с Анной законным. В ответ папа Климент VII отлучил Генриха от церкви, но это не произвело особого впечатления: английский король был теперь сам себе господином.

Ганс Гольбейн (Младший). Портрет Генриха VIII. Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид

Тираническая натура Генриха проявлялась буквально во всем. Чего стоит только торговля рукой его единственной тогда дочери Марии! Ей было три года, когда король объявил, что она станет женой французского дофина. А в шесть лет ее провозгласили будущей женой Карла V Габсбурга (у отца изменились планы). Были и другие многочисленные вариации, пока 38-летняя Мария не вышла наконец за 26-летнего Филиппа II Испанского.

Второй брак Генриха длился около трех лет. Анну Болейн успели короновать. Она твердо обещала Генриху, что родит ему сына. Были подготовлены пышные празднества в честь рождения наследника... Но родилась девочка – Елизавета. Никто и подумать не мог, что это будущая великая английская королева, один из умнейших правителей Западной Европы. В момент ее рождения никто не решался сообщить королю о случившемся: все понимали, что за одно это известие можно лишиться головы.

Вторая беременность Анны закончилась выкидышем. А у короля тем временем возникла новая привязанность, и он затеял процесс против второй жены, которую обвинили в супружеской неверности. Многие свидетели давали показания под пытками. В конце концов вместе с Анной казнили пять ее предполагаемых любовников – несколько знатных вельмож и одного придворного музыканта. Казнен был даже

родной брат Анны, также объявленный ее любовником. Дошло до абсурда: Генрих весело рассказывал послам, что у его жены было не меньше ста любовников. Испанский посол писал, что никогда не встречал такого жизнерадостного рогоносца.

Дж. Бэзир. «Поле золотой парчи». 1774. По картине XVI века. Британская королевская коллекция, Лондон

Почему король был в таком прекрасном расположении духа? Он переживал очередное увлечение – и опять надеялся на появление сына. Его возлюбленной стала бывшая фрейлина Анны Болейн Джейн Сеймур. На одиннадцатый день после казни Анны Генрих вступил в новый брак. В 1537 г. Джейн в страшных мучениях произвела на свет сына и вскоре скончалась от послеродовой горячки. Известно, что во время родов медики могли спасти мать, но тогда погиб бы ребенок. И король, разумеется, выбрал сына. Это был будущий Эдуард VI – английский король с 1547 по 1553 год, тихий болезненный человек, далекий от большой политики.

После смерти Джейн Сеймур Генрих вступил в новый брак. Надо сказать, что после казни Анны Болейн западноевропейские монархи уже не горели желанием выдавать своих дочерей за английского короля. Известно, что одна из принцесс сказала даже, что у нее слишком тонкая шея и нет запасной головы, чтобы иметь дело с английским королем.

К тому же после пятидесяти Генрих заметно одряхлел. У него был постоянный свищ в ноге. В последние годы жизни он настолько располнел, что не мог самостоятельно передвигаться. Чтобы поднять его по лестнице, использовали специальные приспособления. При этом его страстью была еда, особенно мясо.

Но начавший уже толстеть и слабеть король все еще хотел жениться на красавице. При его дворе работал художник Ганс Гольбейн Младший, который за хорошие деньги создавал великолепные картины. Генрих отправил его в поездку по Европе, чтобы тот написал портреты возможных невест. В Германии Гольбейн создал портрет дочери герцога Клевского Анны, которая согласилась на этот брак.

Портрет Генриху очень понравился, но когда он увидел невесту, то назвал ее фламандской кобылой: она показалась ему слишком высокой и тучной. Король все еще любил миниатюрных и изящных женщин.

Свадебная церемония состоялась, но вслед за этим брак был аннулирован. Как ни странно, в этом случае Генрих не продемонстрировал особой свирепости. Анна Клевская пробыла при короле около месяца, после чего он одарил ее землями, назначил ей прекрасное содержание – и удалил от себя. Брак аннулировали в связи с тем, что

некогда Анна была помолвлена с герцогом Лотарингским. Кроме того, король стал открыто говорить, что этот его брак не был реализован. Таких разговоров он нисколько не смущался. Поскольку возвращаться такой несостоявшейся королеве было некуда, Анна осталась в Англии, продолжала бывать при дворе Генриха и дружила с его детьми.

Сразу после аннулирования брака с Анной Клевской Генрих избавился от Томаса Кромвеля, обвинив его в государственной измене. А ведь дело было всего лишь в том, что королю не понравилась невеста.

Эммануэль Готлиб Лойце. Ухаживание за Анной Болейн. 1846. Смитсоновский музей американского искусства, Вашингтон

В 1540 г. Генрих вступил в новый брак – с Екатериной Говард. Она, в отличие от своей кузины Анны Болейн, которую, видимо, обвинили беспочвенно, действительно сделала супруга рогоносцем. У нее и до замужества был возлюбленный, и потом продолжались тайные встречи. Но при дворе ничто не может остаться тайным, и в двадцать один год пятая супруга короля была казнена.

А в 1543 г. Генрих женился в шестой раз. Его избранницей стала дважды вдова Екатерина Парр. Никто из современников не сказал о ней дурного слова. Главное, что последняя жена короля была милосердна к его детям: она заботилась о Марии, Эдуарде и даже Елизавете, которую до этого то признавали, то объявляли незаконнорожденной.

Но несмотря на то что Генрих обрел успокоение в последнем браке, власть его делалась все более мрачной. Интеллект короля явно слабел, а жестокость нарастала. Он казнил все больше людей – и все более страшными способами (применялись, например, утопление и четвертование). Расправлялись отнюдь не только с бродягами. В 1547 г., за несколько дней до смерти, Генрих VIII казнил сына герцога Норфолка – выдающегося поэта Генри Говарда, графа Суррей.

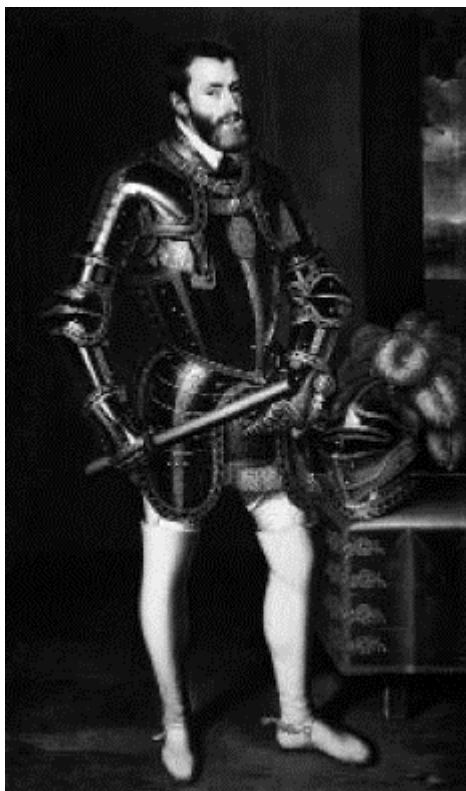
В 1540-х гг. правление Генриха VIII сопровождалось сплошными просчетами, неудачами и откровенно глупыми шагами, особенно во внешней политике. Король грезил продолжением Столетней войны и победой над Францией, но стремиться к чему-либо подобному было уже поздно. Многочисленные неудачи Генриха на международной арене лишний раз свидетельствуют о том, что абсолютизм в его крайних формах вовсе не гарантирует так называемого порядка и тем более процветания страны.

Карл V Габсбург Обладатель 27 корон

Карл V Габсбург был и Карлом I, и Карлом II. Германский император, испанский король... а его родным языком был французский. Будущий великий монарх вырос на территории Фландрии – современной Бельгии. Но вообще он говорил на многих языках. Как любой образованный человек того времени, он знал латынь. Владея

существенной частью тогдашнего мира, изучил испанский, немецкий. Не исключено, что объяснялся и по-итальянски.

Эпоха Возрождения началась в Италии в XIV веке, а к рубежу XV–XVI столетий пришла во все западноевропейские страны, выросшие из слияния германского и романского миров. Ренессанс подарил миру немало колоритных фигур, таких как Франциск I во Франции, Генрих VIII в Англии. Человеком Возрождения был и Карл V. О необычном монархе – обладателе 27 корон – написано очень много, причем как историками, так и популяризаторами науки. Из сугубо специальной литературы можно порекомендовать статьи Ю.Е. Ивонина «Карл V Габсбург» и В.В. Суховерхова «Карл V и Франциск I» (обе опубликованы в журнале «Вопросы истории»). Есть интересный очерк в книге К.В. Рыжова «100 великих монархов» и статья немецкого журналиста Р. Клювера «Карл V. Император мира».

Хуан Пантоха де ла Крус (копия портрета Тициана). Император Карл V в доспехах. 1605. Национальный музей Прадо, Мадрид

Откуда берется такое фантастическое количество корон? Карта Европы существенно отличалась от современной. Отдельными королевствами были, например, Сардиния и Сицилия. Даже в Испании, еще не до конца объединившейся, Карл был коронован двумя коронами – кастильской и арагонской. Особые короны приносили и герцогства – Австрийское, Миланское и другие. Так и получилось, что по числу корон Карла V в европейской истории просто не с кем сопоставить.

Именно ему приписывают фразу: «В моих владениях никогда не заходит солнце». И оно действительно не заходило, потому что кроме европейских у него были владения в Новом Свете – Центральной и Южной Америке.

В молодые годы Карл избрал себе латинский девиз «Plus ultra» – «сверх предела» – и всю жизнь стремился ему соответствовать. Даже тогда, когда в 1555 г. отрекся от своей необъятной власти.

Родился Карл во Фландрии, в Генте, 24 февраля 1500 г. Его отец – Филипп Красивый, эрцгерцог Австрийский – плод одного из самых знаменитых европейских династических браков. Его родители (дед и бабушка Карла) – германский император Максимилиан Габсбург и Мария, единственная дочь и наследница последнего герцога независимой Бургундии Карла Смелого, павшего, как и положено рыцарю, в бою в 1477 г. Он погиб при Нанси, сражаясь со швейцарскими наемниками Людовика XI Французского. Заманчивые бургундские земли, а также соседние владения на территории современных Бельгии и Голландии после замужества Марии перешли к Габсбургам.

Бургундия XV века – это почти королевство, переживающее экономический и культурный расцвет. Там были элементы парламентской формы правления, существовали городские коммуны, прорастало Возрождение – такое, которому трудно было развиваться, например, в Англии, под железной пятой Генриха VIII.

Мать Карла V – Хуана Безумная, плод еще одного великого европейского брака между Изабеллой Кастильской и Фердинандом Арагонским. У Изабеллы некоторые странности стали проявляться к старости: она впадала в странную меланхолию, по много часов смотрела в одну точку. Эти особенности передались ее второй дочери Хуане. Она всегда была странновата, а когда внезапно умер (то ли простудился, то ли был отравлен) ее муж Филипп, которого она, видимо, очень любила, просто сошла с ума. Хуана не позволяла его похоронить, долго не впускала в комнату, где лежало тело, ни одну фрейлину, говоря, что ревнует покойного мужа. Потом, когда погребение все-таки состоялось, она приказала останки извлечь, упаковать – и возила по стране. В конце концов ее отправили в монастырь, где она провела многие годы.

Бернарт ван Орлей. Портрет Карла V. ок. 1516. Музей изобразительных искусств, Будапешт

Когда отец скончался, а мать лишилась рассудка, Карлу было шесть лет. Гент, где он появился на свет, – древний город, упоминается в хрониках с VII века. В XI–XII столетиях он составил вместе с Ипром и Брюгге триаду богатейших городов Нидерландов, центров мировой торговли. Ими символически владел французский король, но на самом деле они были самостоятельны. В Генте расположен замок графов Фландрских. Одна из главных достопримечательностей города – Гентский алтарь XV века.

Когда Карл внезапно осиротел, его стала воспитывать тетюшка Маргарита, которая управляла Нидерландами. Ее дворец находился в городе Мехелен под Брюсселем. К мальчику пригласили прекрасных учителей. Сохранилась картина, на которой Карл сидит на троне, окруженный преподавателями, причем среди них можно узнать самого Эразма Роттердамского. По мысли этого великого ученого, ребенок не может любить науку, он может любить только учителя. Это важная идея и для современной педагогики.

Якоб Зайзенеггер. Портрет императора Карла V с собакой. 1532. Музей истории искусств, Вена

Тициан. Конный портрет Карла V. 1548. Национальный музей Прадо, Мадрид

У гуманистов эпохи Возрождения, в частности у Эразма Роттердамского и Томаса Мора, была мечта воспитать идеального государя. Они попробовали влиять на Генриха VIII Английского, который пришел к власти одновременно с Карлом, и ни в одном случае не преуспели, как ни старался Эразм внушить мальчику гуманистические идеи. Великий мыслитель был противником войн, считал, что ничего более омерзительного не выдумало человечество. А его ученик Карл потом всю жизнь воевал и верил, что поступает правильно.

Науки же Карл V не очень любил – предпочитал охоту и турниры. От рождения Карл был слабого здоровья, у него случались некие припадки, порой он производил впечатление слабоумного, когда замирал, разинув рот. Дед Максимилиан сказал о внуке: «Если бы не его страсть к охоте и турнирам, я бы подумал, что он незаконнорожденный».

В юности Карл тщательно занимался своим физическим развитием и благодаря упражнениям многого достиг. Он стал отличиться на турнирах, а когда позже прибыл в Испанию, то однажды вышел на арену и убил быка. Это был один из способов понравиться испанским подданным.

В возрасте девяти лет Карл стал магистром Ордена Золотого руна. Орден составлял 31 рыцарь из знатных нидерландских родов. С этого времени будущий император мечтал об утверждении христианства во всем мире. Придворный врач Морлеано как-то

заговорил с принцем Карлом о его будущем правлении и о возможности объединить весь христианский мир и защитить его от опасностей. Мальчик нисколько не возражал – напротив, сказал, что он хотел бы посвятить жизнь такой прекрасной миссии. Например, Австрию надо защищать от турок, а Сицилию и Южную Италию – от африканских пиратов.

Тициан. Портрет Изабеллы Португальской. 1548. Национальный музей Прадо, Мадрид

В 1515 г. пятнадцатилетний Карл был за год до положенного срока объявлен совершеннолетним. Нидерландские провинции сразу же присягнули ему на верность. Подданным нравилось, что он заменит свою тетку Маргариту Австрийскую. Ни одно женское правление в период Средневековья и раннего Возрождения энтузиазма не вызывало. Карл получил от бургундских Генеральных штатов первую корону – герцога Бургундского. Его владения в тот момент – это в основном будущая Голландия и Бельгия, а также родовые земли Габсбургов – Северная Швейцария и Южная Германия, плюс эрцгерцогство Австрийское. Немалый кусок стратегически важной части Европы.

В 1516 г. умер его дед Фердинанд. Карлу надо было утвердиться в Испании, куда он прибыл в 1517 г. Однако получить очередные короны было нельзя без согласия кортесов – сословных представительств, в которых всегда шли серьезные дебаты. Нового короля могли и не принять. Через несколько лет Карл ограничил полномочия кортесов, но сначала ему пришлось ждать целый год, пока в 1518-м кастильские, а затем и арагонские кортесы после долгих прений утвердили его в статусе короля Испании.

По случаю коронации Карла I Испанского состоялись пышные торжества, но в стране росло недовольство: король не понравился. Он был слишком молод, окружен фламандской знатью, которая испанцам казалась грубоватой, простоватой, недостаточно утонченной и в то же время заносчивой. Чопорные испанские гранды называли бургундских и фламандских аристократов ордой неумных поклонников Бахуса и Венеры. Да и сам Карл плохо владел испанским языком, путался в ударениях. Все это крайне раздражало. Такая враждебность на этнической почве свойственна людям во все эпохи.

Питер Пауль Рубенс (вслед за Тицианом). Портрет Карла V и императрицы Изабеллы Португальской. 1628. Дворец Лирия, Мадрид

Вместо того чтобы постараться угодить испанцам, Карл будто бросил им вызов. Он стал откровенно выкачивать из Испании средства. Например, отправил к себе на родину 300 лошадей и 80 мулов, нагруженных золотом и драгоценными камнями, поступившими из американских колоний. Можно ли было его не возненавидеть?

Новый Свет был открыт совсем недавно, при бабушке и дедушке Карла – Изабелле и Фердинанде. Говорили, что Изабелла продала или заложила свои лучшие драгоценности, чтобы дать Колумбу средства на путешествие. И вот золото потекло рекой. Испанцы не собирались ни с кем делиться, а Карл чуть ли не демонстративно вывозил из страны деньги.

В 1519 г. умер второй дед короля – Максимилиан I. Титул императора по наследству не передается, императора избирает коллегия курфюрстов. Но дед Максимилиан Габсбург начал заранее готовить почву, чтобы его внуку досталась императорская корона. Он стал подкупать курфюрстов. Их было семь: три духовных лица, четыре светских. Каждому требовалось заплатить очень много.

У юного Карла были серьезные соперники – Франциск I Французский и Генрих VIII Английский, оба тогда еще молодые и энергичные. Однако курфюрсты единодушно избрали императором Карла I Испанского.

В Испании опять были недовольны: вот куда пошло американское золото, надо ждать повышения налогов! Подозрения были не напрасны. Уже в следующем, 1520 г. Карл потребовал у кортесов новых субсидий.

Ему постоянно не хватало денег. Он занимал у всех финансистов и всю жизнь был в долгах. Самым крупным его кредитором был знаменитый голландский банкир Якоб Фуггер. Через несколько лет он обратился к императору со словами: «Ваше Величество, вы, должно быть, помните, что без моей помощи не заняли бы императорский престол?»

Так или иначе, под властью девятнадцатилетнего Карла Габсбурга объединилась огромная часть христианского мира: Испания, занимающая большую часть Пиренейского полуострова, Нидерланды, германские княжества, области на границе Франции и Германии, Миланское герцогство на севере Италии, Неаполитанское королевство, королевство Сицилия, королевство Сардиния, королевство на Балеарских островах, таких как Мальорка, Ивиса и другие, более мелкие. А в Новом Свете – Центральная и часть Южной Америки.

Летом 1520 г. Карл отплыл из Испании в Нидерланды, а затем в Германию. Ему предстояла коронация императорской короной. Именно в это время в Кастилии, в самом сердце Испании, вспыхнуло восстание комунерос – городских коммун. Эти события показали, насколько города были недовольны нарастанием абсолютизма: ведь во времена Реконкисты у них было много привилегий, действовали коллегиальные

органы управления. Они требовали, чтобы Карл не покидал Испанию, чтобы он не получил новых субсидий для коронации.

Антон фон Вернер. Лютер в Вормсе. 18 апреля 1521 года. 1877. Государственная галерея, Штутгарт

Когда он, не обращая внимания на их требования, отправился в Германию, в Испании возникла Святая хунта – союз городов, в который вошли Толедо, Сеговия, Мурсия, Саламанка, Авила, Мадрид.

Восставшие добивались реформ, которые расширили бы права кортесов и муниципальных судов, а также запрета вывоза золота из страны. У них появился предводитель – комендант Толедо Хуан Падилья.

Сначала к горожанам примкнули среднее и низшее дворянство, некоторые гранды и часть духовенства. Но когда к хунте стали присоединяться крестьяне, дворяне, разумеется, отшатнулись: их пугал дикий народный бунт.

Восставшие потерпели поражение в битве при Вильяларе 23 апреля 1521 г. Падилья и другие предводители были взяты в плен и, конечно, казнены. Жена Падильи, Мария Пачеко, довольно долго руководила обороной осажденного Толедо. 25 октября 1521 г. город пал, а она бежала в Португалию. До 1522 г. в Испании то и дело происходили вспышки в целом уже подавленного восстания.

Когда Карл после коронации вернулся в Испанию, он, как ни странно, не чинил особых репрессий. Да, около 20 человек были казнены, 80 изгнаны, но остальные участники восстания – амнистированы. Это была относительная милость. Может быть, все-таки сказалось влияние Эразма Роттердамского? Кстати, став королем испанским, Карл не забыл учителя и предложил Эразму чин королевского советника без каких-либо серьезных обязанностей и с жалованьем 400 флоринов в год, что позволяло ученому спокойно творить.

Германии Карл достиг 22 октября 1520 г. Он прибыл в Ахен – столицу Карла Великого. На пути к своей великой цели – объединить всех христиан – Карл должен был надеть на себя корону Оттона I Великого – первого императора Священной Римской империи германской нации, правившего в X веке.

Но и этого было мало. Настоящий император – это только тот, кто коронован самим папой римским. Отношения с папой складывались непросто. Поэтому Карл в течение десяти последующих лет настаивал на том, что является избранным римским королем.

Он не хотел называть себя императором, пока не состоится коронация в Риме, в Соборе Святого Петра. У Карла V были принципы.

В начале 1520-х гг., несмотря на то что в Испании полыхало восстание комунерос, Карл решил сначала уладить дела в Германии, чтобы развязать себе руки для неизбежной войны с Францией. Эта богатая и сильная страна граничила и с Германией, и с Нидерландами, и посягала, как и все, на итальянские территории. Столкновение интересов было неизбежно.

Чтобы воевать с Францией, Карлу нужен был порядок в тылу, в Германии, а вместо этого в стране усиливались религиозные противоречия. Доктор богословия Мартин Лютер прославился тем, что в 1517 г. прибил к дверям собора в Виттенберге свои знаменитые 95 тезисов. Его заявление, что человеку для общения с Богом не нужен такой посредник, как Католическая церковь, совершило революцию в умах.

Католическая церковь несколько веков утверждала, что владеет истиной – теперь на знание истины претендовал протестантизм. Сам Лютер, считавший, что вера и смирение выше красоты и знания, решительно двигался к крайнему религиозному фанатизму.

Избранный римский король Карл предпринял попытку решить вопрос мирно. В 1520 г. он собрал в Вормсе рейхстаг – совещание представителей всех немецких княжеств, чтобы договориться о вопросах веры. Карл полагал, что Лютера надо выслушать, и даже выдал ему охранную грамоту. Причем она не была фальшивкой, как охранная грамота, выданная примерно за сто лет до этого Сигизмундом I Яну Гусу, которого вскоре сожгли на костре.

Лютер же не был арестован и действительно в присутствии Карла излагал свои взгляды. Но король потребовал, чтобы он отрекся от своих 95 тезисов. Лютер, который был значительно старше Карла, горделиво отказался подчиниться. Это было удивительно: в средневековой Европе с королями не спорили.

Что придавало Лютеру решимости? У него появилась серьезная поддержка в Германии. Местные князья становились его покровителями, были готовы укрыть его за стенами своих замков: ведь он разоблачал Церковь, а это давало шанс «законно» конфисковать ее богатства.

Лукас Кранах Старший. Портрет Мартина Лютера. 1528. Крепость Фесте Кобург, Кобург

Получив отказ, Карл был потрясен. Всю ночь он работал над ответом Лютеру, а наутро произнес довольно длинную речь на своем родном французском языке. Дебаты в Вормсском рейхстаге шли на немецком, который Карл знал не очень хорошо.

Публика заметила, что в какой-то момент, когда богословы излагали сложные идеи, касающиеся таинства пресуществления, король вздремнул. Но теперь он говорил очень увлеченно и ярко. Например, произнес такие слова: «Клянусь, что не пожалею ни своих королевств и владений, ни своих друзей, ни своей плоти и крови, ни своей жизни и души ради защиты католической веры».

Лукас Кранх Старший. Портрет императора Карла V. 1533. Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид

Он выбрал позицию. О компромиссе речь более не шла. До конца своей жизни Карл не отказался от этих принципов. Он даже компромиссный договор после долгих лет войны подписывать не стал и препоручил это своему брату.

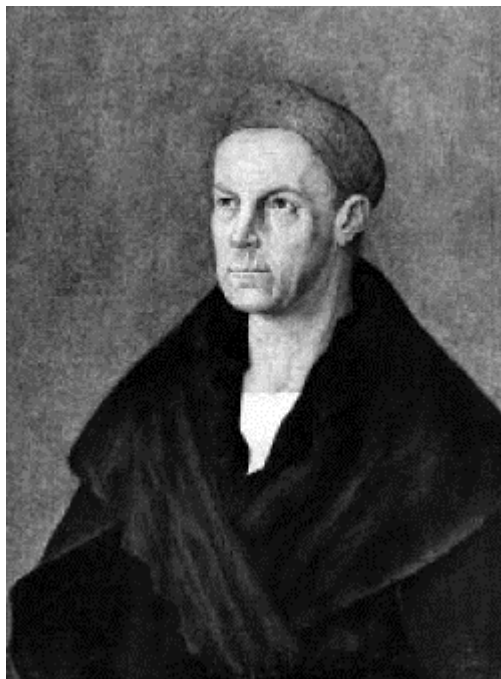
Выступив против Лютера, Карл обнародовал эдикт, который лишал богослова всех гражданских прав. Впрочем, Лютеру это не очень помешало, потому что его продолжали поддерживать германские князья. Расправиться с Лютером и тем самым взорвать Германию Карл не решился. К этому времени княжества, сохранявшие некоторую независимость, разделились на протестантские и католические. Если бы Лютера убили, это бы точно означало войну. Ей все равно предстояло начаться, но Карл не хотел быть поджигателем.

Лукас Кранх Старший. Портрет курфюрста Иоганна Фридриха Великодушного. 1531. Лувр

Когда в 1540-х гг. все-таки развернулась так называемая Шмалькальденская война между Карлом V и протестантами, католический фанатик герцог Альба предлагал

выбросить останки Лютера из могилы и сжечь. На это Карл V ответил: «Оставьте его в покое, у него сейчас другой судия. А я воюю с живыми, а не с мертвыми».

Альбрехт Дюрер. Портрет Якуба Фуггера. ок. 1519. Государственная галерея Старых немецких мастеров в Аугсбурге, Аугсбург

Не справившись с умиротворением Германии, Карл все же вступил в войну с Францией. Итальянские войны, в которых императоры Священной Римской империи сталкивались с Францией и Испанией, начались за шесть лет до его рождения, в 1494 г., при французском короле Карле VIII. Италия была для европейских стран вечным соблазном. Кроме того, французское дворянство, несколько обескураженное тем, что не смогло однозначно победить в Столетней войне, хотело продемонстрировать миру свою мощь.

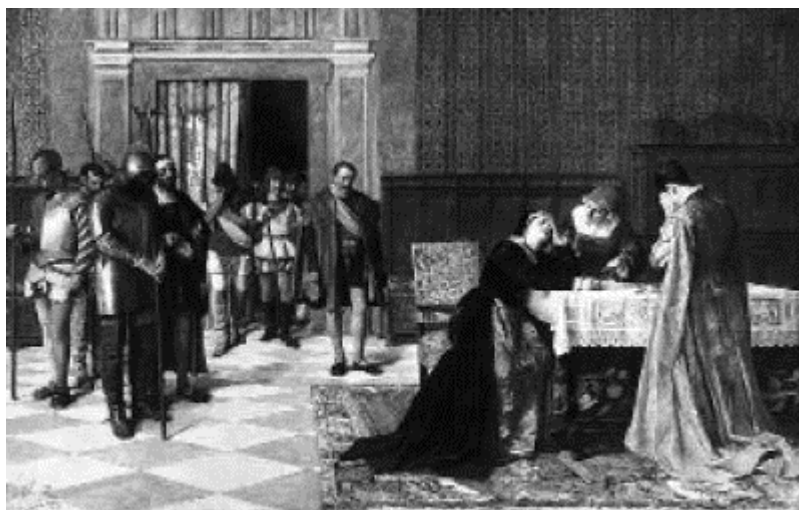
У французов были династические притязания на Милан. Прекрасный повод захватить всю Северную Италию! В свое время Карл VIII Французский двинулся в Италию с юга, не через труднопроходимые Альпы, и временно захватил Неаполь. А Людовик XII захватил Милан в 1499 г., Неаполь – в 1501 г. Некоторое время вся Северная Италия была под французской властью.

В 1511 г. образовалась Священная лига, в которую вошел воинственный папа Юлий II. Испания, Венеция, Швейцария, позднее Англия и Священная Римская империя объявили, что спасут Италию от варваров-французов. В 1513 г. многие итальянские города действительно были освобождены. К власти вернулись прежние фамилии – Сфорца в Милане и Медичи во Флоренции. Но они не были популярны, и против них то и дело вспыхивали восстания.

В 1515 г. рыцарственный французский король Франциск I возобновил Итальянские войны в союзе с Англией и Венецией. Ему казалось, что он одержит окончательную победу, но этого не происходило. Победы сменялись поражениями, обострения – затишьями. В этот сложный конфликт и вторгся в 1521–1522 гг. Карл Габсбург со своей идеей всемирной христианской католической империи.

Сначала все складывалось удачно. Карл направил войска против союзников Франциска I. Талантливый полководец маркиз ди Пескара осенью 1521 г. овладел Миланом. Это был позор для Франции, потому что Франциск I с ранней юности клялся, что, став королем, вернет Милан Франции.

Карл посетил английского короля Генриха VIII, и тот вроде бы послал ему поддержку – направил войска в порт Кале. Правда, в основе этого решения был исключительно английский интерес. Город был расположен так, что у Англии всегда оставался шанс его захватить. К тому же после Столетней войны он длительное время находился под английской властью.

Висенте Боррас Момпо. Донья Мария Пачеко после поражения под Вильялар. 1881. Национальный музе Прадо, Мадрид

В ходе Итальянских войн Карлу приходилось, разумеется, бывать и в Испании. Он вообще проявлял необыкновенную подвижность, перемещаясь часто и на огромные для той эпохи расстояния. Не слишком жестоко расправившись с участниками восстания комунерос, король вернулся к войне с Францией.

В 1525 г. французский король Франциск I, окруженный войсками испанцев и германских правителей, узнал, что ему изменил главнокомандующий, коннетабль Бурбон. Это был страшный удар. Кроме того, пришли дурные вести о том, что англичане напали на Пикардию, испанцы – на Гиень. Франциск вторгся в Ломбардию, осадил Павию и принял сражение под ее стенами. 24 февраля произошло сражение, в котором Франциск I был ранен и допустил серьезные тактические ошибки. Он не остановил вовремя кавалерийскую атаку, и она попала под огонь своей же артиллерии. Это была эпоха, когда огнестрельное оружие только осваивалось. Часть французских рыцарей погибла, что сильно ухудшило моральное состояние армии. Последовала атака со стороны немецких наемников – и французский король был захвачен в плен.

В XV веке, несмотря на примитивные коммуникации, слухи распространялись быстро. В основном информацию передавали купцы. Весть о пленении Франциска потрясла Европу. Особенно поражали подробности: короля захватили не по-рыцарски, грубо, солдат прислонил шпагу к его груди и вдобавок придавил монарха своим ботфортом.

Из Мадрида, где его содержали в суровых условиях, пленник писал матери: «Потеряно все, кроме жизни и чести». Что ему оставалось, кроме красивой позы?

Казалось бы, Карл Габсбург должен торжествовать: у него в плену знаменитый французский король, одержана важная победа. Но, как пишут специалисты, триумф имперских войск при Павии вызвал большую тревогу по всей Европе, испугавшейся необыкновенного усиления человека, в чьих владениях никогда не заходит солнце. Эта победа, как это часто бывает, оттолкнула от него многих потенциальных союзников.

Проведя одиннадцать месяцев в заточении в страшной тоске, Франциск I подписал Мадридский мирный договор. Он отдал все, что завоевал в Италии и Нидерландах. Кроме того, он вступил в брак с сестрой своего соперника Карла V Элеонорой. Позже два сына Франциска были отправлены в Мадрид в качестве заложников и находились там почти четыре года. А Франциск, когда, возвращаясь домой, пересек границу Франции, произнес фразу: «Я король, я еще король». И все поняли, что Итальянские войны еще не закончены. Завершились они только в 1559 г. заключением мира в Като-Камбрези. Истощенная Франция все-таки отдала Испании все итальянские земли, за которые так долго боролась. А Карл V не продвинулся на пути к всемирной христианской империи.

Кроме большой политики, у Карла была и личная жизнь. Вскоре после триумфа под Павией состоялся его брак. В апреле 1526 г. он женился на красавице принцессе

Изабелле Португальской. Это был брак по любви, но любимая жена Карла, мать будущего Филиппа II Испанского, умерла рано, в 1539 г., при очередных родах. В королевских семействах старались иметь как можно больше детей, так как все понимали, что часть их не выживет.

Антонио Хисберт. Комунерос Падилья, Браво и Мальдонадо на эшафоте (деталь). 1860. Конгресс депутатов Испании, Мадрид

Франсиско Хавьер Америкго и Апаричи. Разграбление Рима. 1887. Национальный музей Прадо, Мадрид

После смерти жены Карл искренне скорбел. Он до конца своих дней, еще двадцать лет, ходил только в черном. Больше он не женился, но у него было четверо внебрачных детей. Двое из них вошли в историю: известный полководец дон Хуан Австрийский и Маргарита Пармская, правительница Нидерландов в момент начала там великой революции XVI века.

Если вернуться к характеру Карла V, нельзя не вспомнить несколько интересных эпизодов времен Итальянских войн. Первый имел место в мае 1527 г., когда Карл Габсбург оказался банкротом. Ему нечем было платить наемникам. Часть их изменила ему под руководством коннетабля Бурбона, остальные требовали денег. А потом они решили взять деньги самостоятельно и для этого напасть на Рим. Город был богатый, но в военном отношении не укрепленный.

Эти события вошли в историю под названием Sacco di Roma – «разграбление Рима». Город был фактически уничтожен, убито до 50 тысяч человек – половина населения. Наемники вскрыли гроб папы Юлия II: они были уверены, что там спрятаны сокровища. А ведь это была вовсе не гробница египетского фараона. Разочарованные грабители сняли дорогой перстень с руки покойного. И эти люди считали себя верующими!

Карл V, который в это время пышно праздновал в Испании рождение своего первенца, сразу же прекратил торжества и долго извинялся перед всей Европой за ужасный эпизод в Риме. Впрочем, вряд ли он делал это вполне искренне.

Дело в том, что действующий папа Климент VII до этого долго оттягивал коронацию Карла. Во время разграбления Рима понтифик укрылся в неприступном замке Святого Ангела и находился там фактически в положении пленника. Семимесячное заточение и выкуп в 300 тысяч дукатов, который пришлось заплатить за свободу, сделали его намного сговорчивее. В 1530 г. церемония коронации Карла V наконец состоялась, правда, в Болонье, а не в римском Соборе Святого Петра. Разоренный Рим был в тот момент в таком ужасном состоянии, что провести там коронацию не представлялось возможным.

Мануэль Пиколо Лопез. Битва при Вальялар. 1877. Дворец маркиза де Саламанка, Мадрид

Бартель Бехам. Император Карл V. XVI век. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Второй показательный эпизод из жизни Карла Габсбурга: в 1535 г. он послал французскому королю Франциску I вызов на дуэль. Карл писал: «Лучше нам двоим разрешить этот спор между собой, чем проливать столько христианской крови». Ответа на вызов не последовало.

В 1535 г. Карл V показал себя полководцем в Тунисе, где ему противостояли турки под предводительством Сулеймана Великолепного. Флот Карла взял город Тунис и освободил около 20 тысяч томившихся там рабов-христиан. Сам Карл в этой войне называл свое войско крестоносным.

А в 1544 г. Карл V чуть не захватил Париж. Приближаясь к городу, он даже сказал: «Бог мой, как дорого заплатит мне эта корона!» Но взятие Парижа не состоялось. Англичане осознали опасность и не допустили победы Карла.

Самым страшным, трагически завершающим его жизнь эпизодом была междоусобная Шмалькальденская война в Германии 1546–1547 гг. Католики под руководством Карла V (в основном испанские наемники) сражались против армии протестантов, образовавших союз в городе Шмалькальдене. Война шла с переменным успехом. В

ходе ее Карл начал физически страдать от подагры. Он превратился в полководца, которого носят на носилках. В этих условиях Карл начал заметно ожесточаться.

Леон Леони. Император Карл V и его сын Филипп II Испанский. Камея. Сардоникс. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

В 1547 г. был захвачен в плен курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих, главный лидер протестантов. Карл сначала в горячах приговорил его к казни, но отменил ее, оставшись верен себе.

Война продолжалась пять лет. Иллюзии скорой победы быстро развеялись. Во Франции на смену Франциску I пришел его сын Генрих II, который возобновил боевые действия против Священной Римской империи. Французская армия захватила Туль, Мец, Верден. Это вечные спорные территории, не случайно их названия ассоциируются у нас с Первой мировой войной. Лучший полководец Карла Габсбурга Мориц, одержавший немало побед, неожиданно изменил ему, перешел на сторону протестантов.

Войну в Германии необходимо было прекратить. Для этого выработали проект соглашения, основанного на принципе *Cuius regio – eius religio* («Чья власть – того и вера»). Если во главе княжества католик – там вера католическая, если протестант – лютеранская. Недовольным предлагалось переезжать из княжества в княжество.

Но Карл не мог это подписать! Ведь он поклялся положить жизнь на алтарь католической веры. Поэтому в Аугсбург, где в 1555 г. собрали специальную конференцию, отправился его брат Фердинанд. По поручению императора он подписал Аугсбургский религиозный мир.

Для Карла V это был политический крах. Вскоре он передал власть в Испании своему сыну Филиппу, а германскую корону – Фердинанду. Он прочел отречение, в котором были такие слова: «Признаю, что я допускал многие ошибки: в юные годы – по неопытности, в зрелом возрасте – из-за гордыни и иных слабостей человеческой натуры». Отречение правителя такого масштаба можно сопоставить разве что с уходом от власти римского императора Диоклетиана в начале IV века.

Даниэль Хопфер. Пять ландскнехтов. Гравюра. ок. 1530. Аугсбург

Наследники не верили в происходящее и робели. Когда Филипп стал задавать вопросы о причинах его решения, Карл сказал ему: «Правьте, сын мой, правьте так, словно я уже умер». Но он прожил еще три года, занимаясь преимущественно рыбной ловлей. Политикой он более не интересовался, стал очень религиозен и приказал при жизни отслужить по нему заупокойную мессу: хотел послушать, чтобы подготовиться. Из великих замыслов Карла V мало что получилось, но биография его остается одной из самых ярких в истории.

Маргарита Валуа **Знаменитая королева Марго**

При жизни Маргариту Валуа королевой Марго (La Reine Margot), конечно, не называли. Такая фамильярная вариация встречается лишь однажды в мемуарах ее брата, короля Карла IX. Но художественная литература часто оказывается сильнее реальных фактов. Замечательный писатель Александр Дюма использовал именно такое имя в качестве названия романа, и читатели во многих странах знают именно королеву Марго.

Маргарита была последней представительницей прямой ветви династии Валуа, правившей во Франции невероятно долго, с 1328 г. В конце XVI века ее сменила династия Бурбонов. С этой фамилией Маргарите предстояло породниться.

В юности Маргарита вовсе не была королевой, а носила официальный титул «мадам», будучи сестрой трех поочередно правивших французских королей – Франциска II, Карла IX и Генриха III. А ее сестра Елизавета была женой испанского короля Филиппа II. В замужестве же Маргарита – королева Наваррская, супруга короля Наварры Генриха Бурбона. После развода она получила такой титул: королева Маргарита, герцогиня де Валуа. Сохранение за Маргаритой титула «королева», несмотря на отсутствие у нее королевства, было одним из условий развода, на который давал разрешение сам папа римский.

Неизвестный автор. Миниатюра из молитвенника Катерины Медичи, изображающая Генриха III Наваррского и Маргариту Валуа. 1572. Национальная библиотека Франции, Париж

Иногда Маргариту путают с тезкой и двоюродной бабушкой – сестрой короля-рыцаря Франциска I писательницей Маргаритой Наваррской, чьи годы жизни – 1492–1549. Маргарита Валуа родилась в 1553 г., через четыре года после ее смерти. Маргарита Наваррская создала знаменитый кружок интеллектуалов, в который входил сам великий Рабле, а ее роман «Гептамерон» – подражание «Декамерону» Боккаччо. В честь родственницы девочка и получила имя Маргарита. С греческого оно переводится как «жемчужина».

Кто только не писал о Маргарите Валуа как о жемчужине Франции! Вот, например, слова одного из иностранных послов: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа – значит не видеть ни Франции, ни французского двора».

Портреты не передают красоты этой женщины. Ее внешность дополнялась остроумием, образованностью, музыкальностью, изяществом движений, яркой речью. Когда польская делегация во главе с епископом краковским приехала во Францию приглашать на престол ее брата Генриха III, Маргарита произнесла речь на латыни. Поляки были потрясены и называли ее Минервой – римской богиней мудрости и красноречия.

Маргарита была седьмым по счету ребенком французского короля Генриха II и его супруги Екатерины Медичи, которая в течение двенадцати лет произвела на свет десять детей. Поскольку родившиеся последними мальчик Эркюль и девочки-близнецы умерли в младенчестве, Маргарита оказалась младшей дочерью в королевском семействе. При этом она была самой умной и самой талантливой из детей Екатерины Медичи.

Братья ее совершенно не тяготели к наукам. Их интересовали охота, балы, пиры, война, но только не учеба. Генрих III был к тому же поглощен собственной красотой и очень заботился о блеске двора. А Маргарита изучила латынь, древнегреческий, итальянский и испанский. Ее занимали философия и литература. В Лувре была большая библиотека, и Маргарита постоянно читала.

С детства она была предана также католической вере. Живя в то смутное время, когда во Францию проник протестантизм, она нисколько не поддавалась этим веяниям. В отличие от своего супруга, она всегда твердо стояла на позициях официальной католической церкви.

Неизвестный автор. Генрих, король Наварры. ок. 1575. Национальный музей замка По, По

Вообще Маргарита демонстрировала не вполне типичную для женщины ее времени самостоятельность. Ходило много слухов вокруг ее рано развившейся чувственности. Поговаривали даже о ее подозрительных отношениях с братьями. Правда это или нет, неизвестно, но к любовным приключениям она явно была склонна. Когда Генрих Наваррский давал согласие на брак с Маргаритой, он остроумно заметил: поскольку все важные придворные должности – первого министра, первого финансиста и даже главного шута – уже заняты, остается только пост главного рогоносца. В эпоху Возрождения нравы при дворе были относительно свободными. Супружеской верности большого значения не придавали. Таков дух Ренессанса, с его культом материальной, физической стороны жизни.

Как и все европейские принцессы, Маргарита с детства представляла собой династический товар. Заниматься поиском варианта замужества, выгодного для государства и престола, начинали очень рано. По легенде, когда и Маргарите, и ее будущему мужу Генриху было по четыре года, мальчика привезли в Париж из Наварры – крошечного государства на границе Испании и Франции. Король Наварры Антуан Бурбон был чем-то вроде бедного родственника при французском дворе. Бывший тогда королем рыцарственный Генрих II спросил у четырехлетнего тезки: «Ты хотел бы, чтобы я был твоим отцом?» Мальчик ответил, что у него уже есть отец. Тогда король поинтересовался: «А зятем моим ты быть хочешь?» И ребенок сказал: «Да». Получилась некая преамбула к будущему династическому браку.

Но сначала Маргариту попробовали продать дороже. Екатерина Медичи умела торговаться. Она была не очень умна, и ей казалось, что все раздирающие страну конфликты можно погасить, если устроить удачные браки своих детей с соседними принцами и принцессами. От будущих родственников она ждала помощи во внутренних делах. Однажды она даже написала испанскому королю: «Думайте о браках детей – и войны не будет».

Маргариту планировали предложить дону Карлосу, сыну Филиппа II Испанского от первого брака. Но отправили в Испанию ее старшую сестру Елизавету. Филипп не отдал ее сыну – забрал себе, а дон Карлос от горя сошел с ума и рано умер.

Эдуард Деба-Понсан. Утро у ворот Лувра. 1880. Коллекция Музея Роже-Кийо, Клермон-Ферран

Вторым предполагаемым женихом был португальский король Себастьян I. Породниться с португальским двором было выгодно, чтобы получить союзника, граничащего с главным соперником – Испанией. Но Себастьян был под огромным влиянием иезуитов. Они внушили ему, что женитьба отвлекает от борьбы за христианскую веру, и направили все его силы на борьбу с неверными. Он воевал в Марокко и погиб, когда Маргарите было пятнадцать лет.

Еще один проект – Рудольф Габсбург, сын императора Максимилиана II. Союз должен был поддержать Филипп II – испанский представитель династии Габсбургов. Екатерина Медичи совершила ради этого большое путешествие. Она приехала на испанскую границу, в город Байонна, где с ней обещал встретиться Филипп. Но вместо себя он прислал герцога Альбу и свою жену Елизавету. Они заняли непримиримую позицию: никакого разговора о браке Рудольфа Габсбурга с домом Валуа! Известно, что Екатерина Медичи сказала Елизавете: «Какой же испанкой вы стали, дочь моя!»

В конце концов в 1572 г. в поисках жениха для девятнадцатилетней Маргариты вернулись к не самому блестящему варианту – Генриху Наваррскому. К этому времени младшая дочь французского короля была уже известна тягой к любовным приключениям. У нее случился бурный роман с герцогом Генрихом де Гизом – главой

одной из противоборствующих придворных партий. Де Гиз, крупный политический лидер, яркий и умный человек, возглавлял Католическую лигу. До конца своей жизни – а он был убит в 1588 году – он сохранял какие-то чувства к Маргарите. Она к нему, видимо, тоже.

Екатерина Медичи вновь задумалась о кандидатуре Генриха Бурбона, когда после смерти отца он стал королем Наварры: все-таки брак с королевской особой – это неплохо. Генрих Наваррский был в то время лидером протестантов – гугенотов. Екатерине казалось, что его брак с Маргаритой способен примирить враждующие стороны и остановить религиозные войны.

Во время бракосочетания 18 августа 1572 г. Маргарита стояла пред алтарем одна: жених не мог войти в католический Собор Парижской Богоматери. Место жениха занимал брат невесты Генрих Анжуйский, будущий Генрих III. Странное начало семейной жизни!

Официально было объявлено, что есть разрешение папы на этот беспрецедентный брак гугенота и католички. Это был обман, столь типичный для большой политики.

Спустя годы Маргарита писала («Мемуары Маргариты де Валуа» изданы на русском языке): «Наша свадьба совершалась с таким триумфом и великолепием, как никакая другая. Король Наварры и его свита были в богатых и красивых одеяниях, а я – по-королевски в бриллиантовой короне и горностаевой пелерине. Трен моего голубого платья несли три принцессы». Она помнила это через двадцать лет!

Свадьба Маргариты и Генриха вошла в историю как «кровавая». Через несколько дней после венчания – 23–24 августа 1572 г. – случилась Варфоломеевская ночь. Это было спровоцированное массовое убийство гугенотов католиками. В покоях Маргариты и Генриха собрались человек сорок дворян. Говорили о совершившемся накануне покушении на лидера гугенотов адмирала Гаспара Колиньи. Этот немолодой человек, заслуженный воин, сумел произвести большое впечатление на Карла IX, и тот собирался идти вместе с ним в поход в Нидерланды. Мать Карла, Екатерина Медичи, страшно ревновала. Возможно, ее рука направляла незадачливого убийцу, который смог только ранить адмирала Колиньи в руку. Соратники Генриха Наваррского всю ночь бурно обсуждали, как они наутро пойдут к королю за справедливостью.

Франсуа Дюбуа. Варфоломеевская ночь (деталь). ок. 1572–1584. Кантональный музей изящных искусств, Лозанна

Часа в три утра Генрих сообщил Маргарите, что идет играть в мяч. По дороге его и принца Конде вызвал к себе король Карл IX. Этим он спас Генриха, чьи товарищи, оставшиеся у дверей покоев короля, вскоре были убиты.

Маргарита уснула, но ее разбудили стук в дверь и крики: «Наварра! Наварра!» Служанка решила, что это вернулся супруг ее госпожи, и открыла дверь. Ворвались потенциальные убийцы – офицеры-католики. Первым вперед шагнул некий окровавленный дворянин. Он падал, и Маргарита его подхватила. Остальным показалось, что он в ее объятиях. Офицер, который возглавлял эту команду, сказал:

«Господа, это не деликатно». Хмыкнули и ушли. Так Маргарита спасла жизнь раненому дворянину. Дюма предложил свою версию: в его романе в покоях королевы Марго оказался молодой гугенот граф де Ла Моль, с которым у нее вспыхнул страстный роман. Реальный де Ла Моль действительно был любовником Маргариты Валуа и его казнили за участие в заговоре, но герой Дюма мало похож на свой исторический прототип.

В Варфоломеевскую ночь были пролиты моря крови. Кровью были залиты полы в Лувре. Карл IX, как говорят, стрелял по гугенотам из окна своей спальни. Так что свадьба Маргариты и Генриха точно не стала символом религиозного примирения.

В течение следующих четырех лет Маргарита и Генрих Наваррский оставались при французском дворе и были условными супругами. У каждого была своя личная жизнь. При этом оба они находились при дворе, Генрих – фактически в положении заложника. Он перешел в католицизм, но ему не очень верили. Маргарита в мемуарах утверждает, что пыталась быть посредницей, помочь примирению мужа с католическим французским двором, хотя после Варфоломеевской ночи мать советовала ей затеять развод. Всеуже догадывались, что брак не осуществляется. Но Маргарита ответила: «Вы отдали меня ему – и я останусь с ним». Не совсем понятно, почему она приняла такое решение, ведь Генриха Наваррского она никогда не любила. В мемуарах она вскользь упомянула о том, что он был ей физически неприятен. При этом Генрих нравился многим другим женщинам. А у Маргариты с 1574 г. был роман с Луи де Клермоном Бюсси де Амбюзом – поэтом, дуэлянтом и, видимо, злодеем.

В 1576 г. Генрих Наваррский бежал из Парижа. Маргариту заподозрили в том, что она знала о планах мужа, но не донесла брату – королю Генриху III. Некоторое время она была изолирована в каких-то из покоев Лувра. Сама она писала об этом: «Я пребывала взаперти несколько месяцев, и никто, даже самые близкие мои друзья, не осмеливались навещать меня, боясь впасть в немилость». Вот какие мысли пришли тогда ей в голову: «При дворе в своем несчастье вы всегда одиноки, а в благоденствии окружены толпой. И опала – это котел испытаний для настоящих и верных друзей». Интересно, что она говорит об испытании не для гонимого, а для тех, кто поддержит его или предаст.

Джон Эверетт Милле. Гугенот в день святого Варфоломея, отказывающийся надеть римско-католический знак, который защитит его от опасности. 1852. Бриджменская библиотека искусств, Лондон

В 1578 г. Маргариту выпустили на волю. Вероятно, она обещала брату-королю, что, если получит важную информацию о Генрихе, непременно ему передаст. Она

отправилась в Наварру, ко двору супруга. Несмотря на то что по сравнению с Парижем это было захолустье, Маргарите сумела организовать там веселую придворную жизнь, тем более что в религиозных войнах было временное перемирие.

Хотя у Маргариты не было никаких чувств к мужу, его фаворитки ее раздражали. К тому же Генрих начал настаивать, чтобы она с ними дружила. Ему даже написала оскорбленное письмо Екатерина Медичи. По настоянию матери Маргарита вернулась в Париж. Там у нее начался роман с маркизом де Шанваллоном. Генриху III не нравилось, что сестра перестала быть его «связной». Родственники никак не могли понять, на чьей она все-таки стороне.

В 1585 г. Маргарита почувствовала, что становится не нужна брату: он и сам пошел на политическое сближение с Генрихом Наваррским. Объяснялось это просто: после смерти младшего брата, Франсуа Алансонского, бездетный Генрих III увидел в зяте реального наследника французского престола. Не была Маргарита интересна и мужу, у которого развивался очередной роман – с «прекрасной Коризандой», графиней Дианой де Грамон. Генрих Наваррский начал задумываться о наследнике. Было понятно, что детей у них с Маргаритой не будет. Значит, пришло время затевать развод.

Джон Эверетт Милле. Милосердие: день святого Варфоломея. 1886. Британская галерея Тейт, Лондон

В тот момент Маргарита решила доказать, что она важная фигура в политической жизни. Это был наивный бунт. Она бежала в свои родовые владения в центре Франции, в город Ажан, и объявила, что присоединяется в Католической лиге, которую возглавлял Генрих де Гиз. До этого она ни к кому не присоединялась. Кроме того, Маргарита решила просить помощи у Испании. Несколько месяцев она ожидала, что ей пришлют военные отряды из Испании и она докажет свою самостоятельность, будет политической фигурой, проявит свое недовольство мужем. Но вместо этого взбунтовались горожане, которые не захотели быть на стороне Католической лиги. Они сдали город королевскому войску. По приказу короля Генриха III Маргарита была арестована и заточена в замок Юссон в области Овернь.

Все быстро обернулось романтической трагикомедией. Узница соблазнила своего тюремщика – маркиза Канийяка. Правда, французские специалисты подчеркивают, что, вероятно, маркиз получил материальную поддержку от Генриха де Гиза. Заточение превратилось во вполне сносную, почти светскую жизнь, Маргарита могла даже выезжать с визитами. Тем не менее ей не было позволено вернуться в Париж, и она провела в Оверни восемнадцать лет.

Литератору Пьеру Брантому, работавшему над ее жизнеописанием, Маргарита объясняла, что ей не понравилось: «Я еще больше восхваляла бы ваш труд, если бы не была в нем столь прославлена. Не желая, чтобы похвалу эту воспринимали как стремление удовлетворить мое самолюбие, а также думали, что я, подобно Фемистоклу, предпочитаю говорить комплименты только тому, кто более всех меня превозносит» (у греческого полководца действительно была такая слабость). «Главный недостаток всех дам, – продолжает Маргарита, – благосклонно внимать лести, даже незаслуженной. Я не одобряю их за это и не хотела бы следовать по такому пути». Недовольная результатом работы Брантома, Маргарита собиралась сначала «кое-что подправить», но вместо этого погрузилась в написание мемуаров. Текст оказался стилистически ярким и весьма информативным. Специалисты говорят, что Маргарита создала новый литературный жанр – аристократические мемуары.

Франсуа Клуэ. Маргарита Валуа. ок. 1574. Национальная библиотека Франции. Париж

После смерти Генриха III (он был коварно убит) супруг Маргариты отчаянно воевал за французский престол. На эту борьбу ушли годы, потому что французскую аристократию еретик Генрих Бурбон совершенно не устраивал. Но в 1589 г. он все-таки, не в первый раз переменяв веру, стал королем – и должен был думать о наследнике. И Генрих IV твердо решил развестись с Маргаритой и жениться на своей очередной возлюбленной, Габриэль д'Эстре, от которой у него уже ожидался ребенок.

Сознавая, видимо, что никому более в политике не интересна, Маргарита заняла своеобразную позицию в отношении развода. Она не стала бурно протестовать, но выдвинула некоторые условия и высказалась за брак Генриха с Марией Медичи. Сама же Маргарита сохранила титул королевы и была возвращена ко двору.

В 1601 г. у Генриха и Марии Медичи родился мальчик – будущий Людовик XIII. А в 1610 г. Генрих IV был убит. Маргарита же продолжала жить в Париже, где построила себе красивый дворец на берегу Сены. Она пригласила туда лучших писателей и ученых эпохи и стала наконец жить так, как ей хотелось. Несмотря на годы и внешние признаки старения, она была окружена поклонниками, подчас юными. Ходили слухи о том, что один из них, восемнадцатилетний, убил другого, девятнадцатилетнего, когда ей было за пятьдесят. Потом она приказала казнить убийцу и сама при этом присутствовала.

Как ни удивительно, Маргарита полюбила как родного Людовика – сына своего бывшего мужа и Марии Медичи. Она завещала ему все свое состояние.

Скончалась Маргарита Валуа от воспаления легких в 1615 г. Она была похоронена в часовне августинского монастыря (в это время во Франции опять была смута), потом прах перенесли в Сен-Дени, в королевскую усыпальницу.

Такой была удивительная жизнь Маргариты Валуа – Жемчужины Франции.

Марина Мнишек Царица русская

Если спросить кого-то из наших соотечественников: «Что вы знаете о русской царице Марии Юрьевне?» – человек, скорее всего, на некоторое время оцепенеет. А тем не менее в течение девяти дней законной русской царицей была полька Марина Мнишек, венчанная жена Самозванца, царя Дмитрия Ивановича.

Начало XVII века – эпоха загадок и противоречий. Это время гражданской войны на Руси. Такие войны постигли фактически все европейские государства на рубеже Средневековья и Нового времени: это и религиозные войны во Франции, и Тридцатилетняя война в Германии. Гражданские войны часто сопровождаются интервенцией. Чьи только солдаты не прошли по германским землям во время войны! Не миновала эта судьба и Московию, как на Западе называли Русь. И не случайно первой коронованной русской царицей стала тогда женщина вовсе не русская. Марину Мнишек короновали 8 мая 1606 г. как Марию Юрьевну (осмыслив таким образом имя ее отца – Ежи). А следующая коронация женщины была устроена Петром I: в 1724 г. он торжественно короновал любимую жену Екатерину I, особу тоже не русскую.

До начала XVII столетия в отечественной истории были другие царицы – жены царей, с которыми обращались без особого почтения. Верный способ расстаться – отправить супругу в монастырь. Это не рассматривалось как большое событие. Смена жен по необходимости – в традиции западноевропейского Средневековья.

Кто такая Марина Мнишек? Авантюристка? Игрушка в руках католической церкви, папства, иезуитов? Жертва личного властолюбия? Несчастливая женщина, пережившая казнь малолетнего сына?

О ней написано очень много. Лучший источник, который был в 1834 г. переведен на русский язык, – так называемый «Дневник Марины Мнишек и послов польских». Сама она его не писала, автором был кто-то из ее окружения. Стоит почитать и записки французского военного, капитана Жака Маржерета «Состояние Российской империи», составленные для короля Генриха IV. Маржерет успел послужить и Борису Годунову, и Лжедмитрию I. Записки несколько раз переводились на русский язык. Одно из изданий – в серии «Языки славянских культур», 2007 г.

Замечательный очерк о Марине Мнишек есть в книге Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Из работ недавнего времени можно рекомендовать книгу В.Н. Козлякова, вышедшую в 2005 году в серии «ЖЗЛ». Надо обратить внимание и на исследования В.А. Лётина, посвященные репрезентации образа Марины Мнишек в живописи.

Кстати, портреты XVII века несколько условны и не позволяют уверенно сказать, была ли Марина красавицей. Очевидно только, что лицо у нее довольно злое. А еще известно, что она была маленького роста и не отличалась дородностью, а это считалось в те времена серьезным недостатком.

Важнейший эпизод биографии Марины Мнишек юмористически представлен в «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого:

Жан-Франсуа Вильян после рисунка Маурина, вдохновленный оригинальной гравюрой Антония Олещинского. Портрет Марины Мнишек. Литография. сер. XIX. Австрийская национальная библиотека, Вена

*К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.
И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.*

Откуда же взялась эта невеста? Отец Марины, сандомирский воевода (губернатор) Ежи Мнишек – представитель шляхетского рода, уходившего корнями в Чехию. Для Польши XVI–XVII веков это не вполне аристократическое происхождение. Впрочем, сами Мнишеки утверждали, что происходят от Карла Великого. В двух браках у Ежи родилось девять или десять детей. Мать Марины – дочь сандомирского хорунжего Ядвига Тарло.

Ежи Мнишек был когда-то очень богат, потом большую часть состояния растратил. И репутацию он имел не очень хорошую. Он и его брат Николай подозревались в сводничестве – в том, что поставляли любовниц и знахарок (точнее – гадалок, колдуний) ко двору короля Сигизмунда II.

Братья Мнишек особенно прославились похищением монахини Барбары Гизанки из варшавского монастыря бернардинок. Она стала фавориткой Сигизмунда II, родила ему дочь, и шляхта опасалась, как бы эта женщина не сделалась польской королевой. А виноваты во всем были бы Ежи и Николай. Но король умер – и дело замяли.

Мнишеки вели роскошную жизнь: кутили, играли в карты... И при этом щедро жертвовали деньги церкви. Сохранились адресованные им благодарственные письма. Семейство находилось под влиянием иезуитов.

Марина родилась около 1588 г. К этому времени у отца уже образовались долги. Решать свои финансовые вопросы Ежи пытался, используя своих многочисленных детей. Один из зятьев Ежи, пан Константин Вишневецкий, познакомил тестя с русским царем Дмитрием Ивановичем – Лжедмитрием I.

Предположительно это был беглый дьяк Чудова монастыря Григорий, сын небогатого галичского феодала Богдана Отрепьева, один из многочисленных безденежных потомков мелких дворянских родов. Выдав себя за погибшего в 1591 г. царевича Дмитрия, претендент на русский престол в 1603 г. появился в Польше, а в 1605 г. пошел на Москву.

Шимон Богушович. Портрет Юрия Мнишека. 1610. Олесский замок, Олеско

Именно Константину Вишневецкому, зятю Мнишека, загадочный русский, то ли тяжело заболевший, то ли притворившийся больным, открыл тайну своего происхождения. Подано это было так, будто, умирая, он не может молчать, и его признание в таких обстоятельствах внушало определенное доверие.

Лжедмитрий I, кем бы он ни был на самом деле, отличался недюжинным умом и яркой харизмой, был неплохо образован. Позже, оказавшись на московском престоле, он пытался вести что-то вроде европейской политики, правда, плохо понимая, в каком контексте он действует.

Почему именно в этот момент истории оказались возможны захват Москвы поляками и воцарение Самозванца? Начало XVII века было отмечено на Руси страшными бедствиями: неурожаем, голодом, эпидемиями. Причину всего этого молва находила в злодействе царя Бориса Годунова, который якобы, борясь за власть, послал убийц к малолетнему царевичу Дмитрию. И хотя Борис не был очевидным узурпатором, власть его прочностью не отличалась. К тому же он был не царского происхождения.

Борис породнился с царским семейством, женив свою сестру на втором сыне Ивана Грозного Федоре, человеке больном и безвольном. При нем именно Годунов стал реальным правителем. А в 1598 г., после смерти Федора, Борис венчался на царство.

И вот через несколько лет объявился некто, объявивший себя законным наследником престола Дмитрием Ивановичем. В доме сандомирского воеводы Самозванец был принят с царскими почестями. Мнишек то ли сразу ему поверил, то ли притворился, — он пошел ва-банк. Ему удалось добиться разрешения прибыть в Краков, к двору Сигизмунда III — любителя европейских корон — «с сыном тирана Ивана» (так говорилось в письме Мнишека).

Ян Непомуцен Гловацкий. Вид на Вавельский замок. ок. 1847. Местонахождение неизвестно

В конце марта 1604 г. Лжедмитрий был принят при польском дворе. Дочери Ежи Мнишека, красавице Марине, было в тот момент шестнадцать лет. Как и ее сестры, она воспитывалась в замке, вдали от соблазнов. Мнишек держал дочерей в строгости и поручал их воспитание монахам. Девушки должны были строго соблюдать религиозные обряды и хранить благочестие.

Царевич же Дмитрий, за которого выдавал себя Самозванец, с раннего детства отличался весьма дурным нравом и странными привычками. Наверное, некоторые качества он унаследовал от отца – Ивана Грозного. Он, например, любил смотреть, как мучают кошек. Ему нравилось лично забивать палками бродячих собак.

Такой вот потенциальный жених был представлен юной Марине Мнишек. Начался торг. Видимо, в их отношениях присутствовал не только расчет: при дворе Сигизмунда III Лжедмитрий бился за Марину на поединке с неким польским аристократом, а сама она разжигала страсть Дмитрия умелым кокетством.

25 мая 1604 г. был составлен документ, который предполагаемый русский царевич выдал Ежи Мнишеку. В соответствии с этой бумагой Дмитрий, став царем на Москве, должен был выплатить Мнишеку миллион злотых и, кроме того, жениться на Марине. А еще – передать Марине как русской царице Новгород и Псков с округами – важные торговые русские города.

Новгород и Псков – две феодальные республики, которые к этому моменту все еще сохраняли черты своеобразного развития по европейскому пути. Неким отзвуком римского наследия были и республиканское управление, и коммунальные принципы, которые там действовали. Передача именно этих земель царице польского происхождения свидетельствовала о намерении укрепить связи Московии с Западом.

Сигизмунд III разрешил шляхте идти с Дмитрием на Москву. В итоге войско Самозванца составило к весне 1605 г. две тысячи запорожских казаков и три тысячи польских добровольцев. Финансовую поддержку ему оказывали и католическая церковь, и польский король, и лично Ежи Мнишек.

Войско вторглось в московские пределы. Тем временем 13 апреля 1605 г. внезапно умер Борис Годунов. Царем сразу же объявили его шестнадцатилетнего сына Федора, но через несколько недель он был убит вместе с матерью. Смутное время есть Смутное время, оно развивается по нарастающей.

Русские отбивались от войска Лжедмитрия с переменным успехом. Московское войско было ненадежно и готово в любой момент перейти на сторону Самозванца. В этом сказался еще вполне средневековый характер мышления людей XVII века, которые легко верили легенде о чудесном спасении царевича Дмитрия.

В июне 1605 г. Самозванец победоносно вступил в Москву. Его встретили радостно. Признала его и мать убиенного царевича – Мария Нагая, в монашестве инокиня Марфа.

Через четырнадцать лет она узнала сына... и только потом где-то обронила, что просто хотела жить.

Карл Вениг. Последние минуты Дмитрия Самозванца. 1879. Нижегородский художественный музей, Нижний Новгород

Победа Дмитрия стала основанием для обручения с Мариной, точнее – для заключения брака по доверенности. Это принятая в Западной Европе рыцарская форма: представитель государя – граф или герцог – может вместо него принять участие в церемонии. Православная церковь такой формы брака не признает.

Тем не менее обручение состоялось. При нем присутствовал польский король Сигизмунд III. Дмитрия 22 ноября 1605 г. представлял в Кракове дьяк Афанасий Власьев – русский министр иностранных дел. Кардинал Бернард Мациевский задал ему вопрос, положенный по процедуре: не давал ли царь прежде кому-нибудь обещания? Ответ дьяка был замечательный: «А я почему знаю?» Похоже, что Власьев хотел рассмешить собравшихся и старательно изображал простодушие. Следующая его реплика была такой: «Коли б кому обещал, то меня бы сюда не прислал». После свержения Лжедмитрия «простодушный» дьяк, который приобрел известность после участия в обручении Марины, был сослан с отъятием – с конфискацией имущества.

В апреле 1605 г. Марина Мнишек с огромной свитой (не менее пятисот человек) въехала в границы Московского царства. С собой они везли десятки бочек венгерского вина. Встречающие, по свидетельству современника, «челом били и соболей дарили». Поляков это удивляло. На Западе было распространено представление о русских как о жестоких дикарях (как будто другие европейские народы этого времени отличались ангелообразным поведением!).

Почему русские так радостно встречали интервентов? Вероятно, важную роль в этом сыграла монархическая идея, утвердившаяся на Руси не без византийского влияния. Здесь было принято простираться ниц, монарха традиционно обожествляли. Поэтому поляки, направлявшиеся «к царю Дмитрию Ивановичу», были приняты вполне миролюбиво.

Николай Неврев. Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду о введении в России католицизма (Дмитрий Самозванец у Сигизмунда). 1874. Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева, Саратов

В Кремле, в Вознесенском монастыре, Марину встретила мать царевича Дмитрия Мария Нагая (инокиня Марфа). Поскольку она демонстративно радовалась чудесному спасению сына, то перенесла нежность и на его невесту. Но Марина была многим недовольна: например, она не желала надевать русское платье.

Перед отъездом из Польши она получила от папы римского письмо, в котором говорилось: «Теперь-то мы ожидаем от твоего величества всего того, чего можно ждать от благородной женщины, согретой ревностью к Богу. Ты, вместе с возлюбленным сыном нашим, супругом твоим, должна всеми силами стараться, чтобы богослужение католической религии и учение святой апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены в вашем государстве прочно и незыблемо. Вот твое первое и главнейшее дело». А ведь Марине было только семнадцать лет! Кто она, дочь польского воеводы, рядом с римским папой?

Впрочем, в характере Марины, безусловно, была некая надменность, так точно изображенная Пушкиным в знаменитой сцене у фонтана в трагедии «Борис Годунов». Лжедмитрий, который был вовсе не глуп, просил невесту одеться так, как принято в Московии. Но она вновь и вновь появлялась в польском платье, требовала привычной еды (ей даже прислали польских поваров).

Венчались Дмитрий и Марина 8 мая 1606 г. в Успенском соборе Кремля. Вместе со свадьбой была организована и коронация. Обряд венчания провели по русскому обычаю, но православного причастия молодые супругине приняли, что сильно шокировало современников. Это было воспринято как знак беды.

Марина же переживала, наверное, лучшие часы в своей жизни. Присутствовавший на церемонии итальянец, посланец Тосканского герцога, писал: «Княжна Мнишек была убрана драгоценными камнями, каких, я смело могу сказать, что нигде никогда не видал. Но более всего отличались жемчужные нитки, вплетенные в распущенные косы княжны, составлявшие также корону на макушке ее прекрасной головки».

После коронации началось многодневное веселье. В этот отрезок – чуть более недели – укладывается все царствование Марины.

Московским боярам происходившее нравилось все меньше. Мало того что Марина и Дмитрий пользовались во время свадебного пиршества вилками – настоящим дьявольским оружием, так еще и подгулявшие поляки начали чинить в городе всяческие безобразия. Особенно обижали русских женщин, вплоть до боярских дочерей.

В Москве поднялся бунт, подогретый, конечно, заговором в верхах, во главе которого стоял боярин Василий Иванович Шуйский. Толпа с криком «Пожар! Кремль горит!» ворвалась в царские покои и начала убивать всех подряд. Дмитрий выпрыгнул в окно, но был схвачен и растерзан бунтовщиками. В течение трех дней его обнаженное тело было выставлено на показ и поругание толпе.

Поскольку Марину мало кто знал в лицо, она смогла убежать в покои фрейлин и скрыться под широкой юбкой пожилой придворной дамы. Дмитрия она убитым не видела. Когда ее нашли, она вместе с другими поляками попала в руки не обезумевшей толпы, а стрелецкого войска. Пленников держали сначала на бывшем подворье Бориса Годунова, потом на подворье дьяка Власьева. Было не очень понятно, что с ними делать. В конце концов их отправили в Ярославль. Там они слышали молву: царевич Димитрий жив!

Неизвестный автор. Ежи Мнишек. 1898. Национальная библиотека Великобритании, Лондон

Марине, конечно же, хотелось верить, что ее муж не погиб, а вновь чудесным образом спасся. Она была очень юной, неопытной, еще не наигралась в игрушки (не поэтому ли она просила оставить ей арапчонка, подаренного Димитрием?).

Пока Марина находилась в плену, на царство был венчан Василий Шуйский, тот самый человек, который много лет назад докладывал, что царевич Дмитрий погиб, четырнадцать раз упав на ножичек. В 1606 г. Шуйский, устроитель свадьбы Марины и Дмитрия, стал во главе заговора против них. А ведь Дмитрий, заняв престол, собирался казнить Шуйского – но пожалел...

19 мая 1606 г. кто-то выкрикнул на кремлевском крыльце: «Шуйского в цари!» При венчании на царство была с целованием креста сделана запись: Шуйский обязался все решать только вместе с боярами.

Но решать ему пришлось главным образом одно – как уцелеть. Его правление оказалось особенно драматичным. Царство разваливалось на глазах. В 1606–1608 гг. по стране прокатилось восстание под руководством Ивана Исаевича Болотникова. Беглый холоп, он попал к казакам, был захвачен и продан в рабство в Турцию, вновь бежал, оказался в Венеции, вернулся в Россию – и возглавил крестьянскую войну.

Появлялись и новые самозванцы, всего их насчитывается до пятнадцати. Опаснее других был Лжедмитрий II, объявившийся в 1607 г. Слухи обо всем этом доходили до поляков, живших в плену в Ярославле (их было более трехсот человек).

Только 15 июля 1608 г., после двухлетних переговоров, безвольное правительство Шуйского заключило перемирие с Речью Посполитой. Условия были таковы: Марина отказывается от титула московской царицы, Мнишек обещает не называть нового самозванца, Тушинского вора, зятем.

Надо сказать, что еще в 1606 г., сразу после трагедии в Кремле, Сигизмунд III отрекся от своего участия в устройстве брака Марины и Лжедмитрия I и обвинил во всем Ежи Мнишека.

В августе 1608 г. Марину в сопровождении группы поляков и под охраной русских войск повезли в Польшу. Но по дороге она была перехвачена семитысячным отрядом двоюродного брата литовского канцлера Льва Сапеги – Яна Петра Сапеги. Литовцы направлялись в Тушино, к Лжедмитрию II.

Об этом человеке мало что известно точно. Есть версия, что он происходил из Белоруссии или из Литвы. Не исключено, что это был крещеный еврей. Возможно, он был школьным учителем. В то, что он чудом выживший царевич, с самого начала почти никто не верил.

В июле 1607 г. он двинул отряды из Стародуба Северского на Брянск и Тулу. Войско его росло: к нему присоединились поляки, часть южнорусского дворянства, казаки во главе с Иваном Заруцким, небольшое число разбитых сторонников Болотникова. Как ни странно, эти пестрые силы разбили под Болховом армию Шуйского и вплотную подошли к Москве.

Марине захватившие ее литовцы объявили, что ее муж жив и ее к нему доставят. По свидетельству очевидцев, в карете Марина веселилась и пела. Наверное, она им действительно поверила. По преданию, некий польский офицер сказал ей: ты, мол радуешься, а в Тушине тебя ждет совсем другой человек. Дело в том, что внешне эти два Лжедмитрия были разного возраста и абсолютно не похожи. У Лжедмитрия I была яркая примета – бородавка на носу.

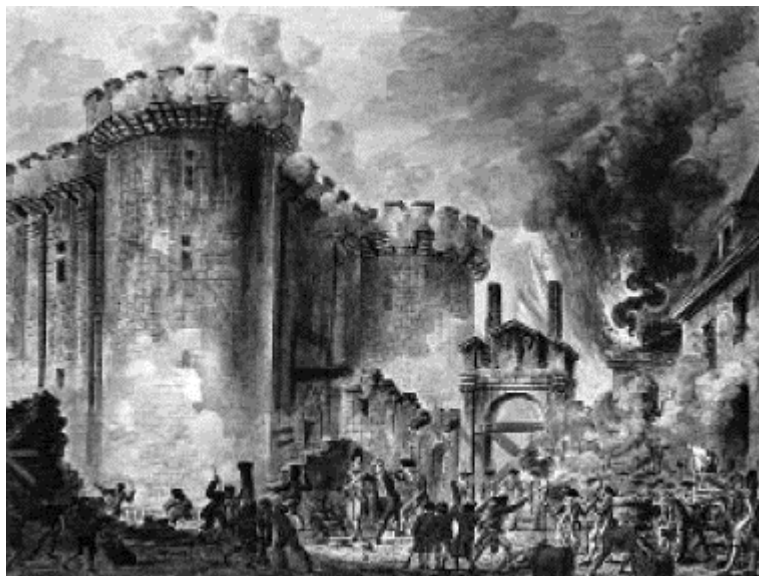
Неизвестно точно, поплатился жизнью за свои слова или успел убежать тот поляк, который сказал Марине правду, но она стала рыдать и убиваться и не сразу согласилась играть комедию встречи со своим уцелевшим мужем. Однако деваться ей было некуда, к тому же она очень хотела быть царицей. Так или иначе, на глазах тушинского войска Марина и Лжедмитрий II бросились друг другу в объятия. Этот спектакль очень укрепил позиции самозванца.

По одной из версий, Марина объявила, что реально станет женой Лжедмитрия II лишь тогда, когда он «вернет» себе московский престол. Ей предстояло провести еще два года в совершенно непонятном статусе.

Тем временем Ежи Мнишек прослышал, что Сигизмунд III не планирует поддерживать очередного Дмитрия и намерен посадить на зашатавшийся московский престол своего сына царевича Владислава, бросил дочь в лагере самозванца и бежал в Польшу. Марина писала отцу жалобные письма – он не отвечал. Не прислал даже по ее просьбе черное парадное платье.

Смута набирала силу. Войска Сигизмунда III осадили Смоленск. Туда перебежала и часть тушинских поляков. Русские терпели от интервентов, по выражению того времени, «всяческие поношения». А Марина была для них воплощением враждебной польской власти. Каких только слухов о ней не распускали! Многие твердо верили, что она могла превращаться в сороку и вылетать в окошко.

Саму же Марину охватил, говоря условно, «синдром Феодоры». Речь идет о византийской императрице Феодоре – жене Юстиниана I. Когда во время восстания «Ника» в 532 г. надо было спастись бегством, Феодора сказала: «Лучший саван – это багряница». Она происходила из низов. Те, кто чудом достиг высшей власти, не отказываются от нее даже перед лицом смертельной опасности.

Неизвестный автор. Лжедмитрий I. XVII век. Австрийская национальная библиотека, Вена

Марине Мнишек здравые советники в 1609 г. предлагали вернуться в Польшу. Такая возможность была. В ответ она написала одному из вельмож: «Я надеюсь, что Бог, мститель неправды, охранитель невинности, не позволит моему врагу Шуйскому пользоваться плодами своей измены и злодеяний. Ваша милость должна помнить, что кого Бог раз осиял блеском царского величия, тот не потеряет этого блеска никогда, так, как солнце не потеряет блеска оттого, что его закрывает скоропреходящее облако».

А в 1610 г., при распаде тушинского лагеря, Марина оставила в своем шатре такое письмо: «Бывши раз московскою царицей, повелительницею многих народов, не могу возвратиться в звание польской шляхтянки. Никогда не захочу этого». Этим она подписала себе смертный приговор.

В июне 1610 г. войска Шуйского потерпели поражение от отрядов Тушинского вора у села Клушино. Дворяне подняли мятеж и 17 июля 1610 г. свергли Шуйского, насильственно постригли в монахи, а потом выдали полякам. Бывшего царя перевезли в Польшу, и он вскоре умер.

Лжедмитрий, видя, как войско к нему охладевает, еще в декабре 1609 г. переоделся в крестьянское платье и бежал в Калугу. Марина пыталась сохранить Тушинский лагерь. Несчастливая женщина кинулась к войску, в крайнем отчаянии, с распущенными волосами, и плакала, чувствуя, как становится никому не нужной.

Надев гусарский костюм, Марина с одной служанкой и несколькими казаками бежала из Тушинского лагеря, пытаясь добраться до Лжедмитрия II. По дороге небольшая группа заблудилась и попала не в Калугу, а в Дмитров, где был уже знакомый Марине Ян Сапега – талантливый литовский дипломат. Он принял беглянку вежливо.

Но к Дмитрову уже подступали московские войска. Марина, стоя на городской стене, вдохновляла жителей. Она говорила: «Смотрите, я женщина, но не теряю мужества!» У нее действительно было в характере что-то мужское. Дмитров не был захвачен. Московское войско, лишенное продовольствия и фуража, отступило, и Марина в феврале или марте бежала из города. Слово «бежит» стало ключевым в последние годы ее жизни.

Она сделала все, чтобы воссоединиться с Лжедмитрием II. Ей надо было непременно венчаться: она ждала ребенка. Опять в мужском костюме, с саблей и пистолетом, Марина добралась до Калуги. Бракосочетание состоялось в апреле 1610 г. При этом Марина, видимо, пошла на уступки в самом принципиальном для нее вопросе – конфессиональном. Теперь она венчалась по православному обряду. Ребенка Марина нарекла Иваном Дмитриевичем. Его крестили по православному обряду. Марине казалось, что он станет русским царем.

Сведения о том, что поляки снова в Москве (правда, ждут царевича Владислава), окрылили Марину и Лжедмитрия II. Они двинулись к Москве. Им удалось дойти

до Коломны. Они пытались вести торг с Сигизмундом, предлагали ему деньги. Но зачем были польскому королю нелюбимая русскими Марина и самозванец, которому с самого начала никто не верил? Тем более что многие русские дворяне уже присягнули Владиславу. Кстати, именно измена части боярства всколыхнула национальное чувство русских, что со временем привело к формированию ополчения, которое выступило против интервентов.

Марина с супругом вернулись в Калугу, где Лжедмитрий II был убит во время ссоры представителями Касимовского царства – обломка Золотой Орды. Были и такие в его лагере. Лжедмитрия убили во время охоты: ему отрубили голову и утопили в реке. Марина призывала жителей Калуги отомстить за его гибель, но никто не обращал на нее внимания. Она была обречена.

Дальше Марина с сыном на руках бежала вместе со своим новым покровителем и возлюбленным – казачьим атаманом Иваном Заруцким, которого Лжедмитрий II сделал боярином. Заруцкий стремился в степь, чтобы создать там вольное казацкое государство. Они с Мариной добрались до реки Урал (тогда называвшейся Яик), но в июне 1614 г. были схвачены на острове Медвежьем и в кандалах доставлены в Москву, где уже состоялось венчание на царство Михаила Романова и началась новая страница русской истории.

В Москве Заруцкий был казнен в традициях Средневековья: его посадили на кол. Четырехлетний царевич Иван был публично повешен – ужасающая жестокость даже для этой эпохи. Но власть хотела, чтобы все видели: никакого нового претендента на престол больше нет и не будет!

Марина то ли тоже была казнена, то ли скончалась в заточении в Коломне от тоски или просто от голода. Смутное время порождает смутные фигуры и трагические биографии. Они как бы всплывают на поверхность, освещенные страшным контекстом происходящего. История Марины Мнишек завершилась вместе с русской Смутой, в ходе которой страна отстояла себя и вышла на авансцену европейских дел.

Пико делла Мирандола **Мыслитель эпохи Возрождения**

История жизни Пико делла Мирандола – это история жизни духа, история жизни интеллекта, развившегося в контексте удивительной эпохи.

Джованни Пико делла Мирандола родился в 1463 г., до открытия Колумбом Америки в 1492 г., где проходит условная граница Средневековья и раннего Нового времени. А умер великий итальянский мыслитель в 1494 г., в возрасте 31 года. Сегодня о нем, несмотря на столь короткую жизнь, пишут как о ярком представителе раннего гуманизма.

В качестве эпиграфа можно привести несколько строчек из его самого известного произведения— «Речи о достоинстве человека»: «Философия научила меня зависеть скорее от собственного мнения, чем от чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не услышать зла, а о том, чтобы не сказать или не сделать его самому».

Те, кого сегодня называют гуманистами эпохи Возрождения, стремились осмыслить бытие и указать себе самим и человечеству в целом путь к лучшей, более счастливой жизни. Длившееся до этого тысячу лет европейское Средневековье выработало очень строгие социальные каноны, сословные перегородки, правила поведения, утвердило авторитарную позицию католической церкви. И вдруг все пошатнулось, стало можно мыслить более свободно. Наступила эпоха великих интеллектуальных бурь. Люди духа острее других ощутили это дуновение из космоса. Они и мыслили космично. Именно к их числу принадлежал Пикоделла Мирандола.

На русском языке о нем нет специальных трудов, но многое можно собрать по крохам в огромной литературе, посвященной европейскому Возрождению. Это труды Л.М. Брагиной (она перевела с итальянского «Речь о достоинстве человека»), Л.М. Баткина, Н.В. Ревякиной и многих других.

Пико делла Мирандола родился близ города Модены в северной части Италии. Родные места Пико делла Мирандола расположены в некоем геометрическом центре Италии эпохи Возрождения. Приблизительно на одинаковом расстоянии от Модены находятся Милан, Флоренция, Болонья, Парма, Падуя, Венеция, Генуя, Равенна. Получается что-то вроде эпицентра гуманистической интеллектуальной вспышки.

Джованни происходил из графского рода сеньоров Мирандолы и Конкордии. В Италии XV века герцоги и графы не были так многочисленны, как, например, во Франции. Италия прожила Средневековье не как единое королевство, а как конгломерат городов-государств, республик, коммун и других мелких феодальных владений. Но она сохранилась как одна страна, в которой со временем сформировалась итальянская нация.

Итальянские аристократы владели землями, обладали большой властью, были относительно независимы и очень гордились своим положением. Одним из важных качеств итальянской аристократии было непереносимое тяготение к образованию.

Джованни, младший сын в семье, рано начал проявлять свои совершенно необыкновенные интеллектуальные способности. Позже, когда они стали очевидны, появился миф, будто бы его мать в момент его рождения видела знак особой судьбы – круглое пламя на стене, которое, однако, быстро погасло.

Кристофано дель Альтиссимо. Пико делла Мирандола. XV век. Галерея Уффици, Флоренция

Второе имя Джованни – Пико – было образовано от имени Пикуса, племянника византийского императора Константина, от которого этот род вел свое происхождение. Такие легенды были очень популярны и в древности (Гай Юлий Цезарь утверждал, что его род происходит от Венеры), и в Средневековье, и в начале Нового времени.

О десятилетнем Джованни современники уже писали как о заметном ораторе и поэте. В четырнадцать лет он поступил в университет в Болонье – самый старый из европейских университетов, существующий с XI века, и один из самых известных. Там была знаменитая школа права. Эта сфера деятельности считалась перспективной, но мальчика больше влекло филология. В интеллектуальной среде эпохи филология была главной наукой и соперничала только с философией.

Шестнадцати лет от роду Пико впервые побывал во Флоренции, в городе, с которым в дальнейшем была навсегда связана его судьба. Во время первой короткой поездки он встретился с самим Марсилио Фичино – лидером флорентийских интеллектуалов,

которые жили в это время под покровительством дома Медичи. В момент, когда там появился Пико делла Мирандола, правителем Флоренции был знаменитый Лоренцо Великолепный – необыкновенный человек, финансист, который тратил деньги на культуру. Он привлек к себе в дом юного Микеланджело. А дед Лоренцо, Козимо Медичи, подарил Марсилио Фичино виллу Кареджи с условием, что тот будет только писать, писать – и ни на что не отвлекаться. Вилла превратилась в интеллектуальный центр. Надо сказать, что существование таких центров очень важно для развития общества: там, где наука не ценится и культура пребывает в небрежении, народ ожидают страшные несчастья.

На вилле Кареджи собирались поклонники великого античного философа Платона, жившего в V–IV веках до н. э. Они даже праздновали его день рождения, устраивая вечеринку в греческих традициях – симпозион. Это была своего рода реконструкция образа жизни самого Платона.

Марсилио Фичино хорошо запомнил момент появления Пико делла Мирандола, потому что это произошло в важный момент: хозяин виллы только что закончил свой фундаментальный перевод главных трудов Платона на латинский язык. По словам Фичино, он работал над ним с детства, около сорока лет. И вот, завершив эту огромную работу, он сидел один в комнате, наполненной внутренним ликованием, и, по преданию, смотрел на бюст Платона. Перед бюстом была негасимая лампадка (вообще это ересь – лампадка перед бюстом язычника).

Клаудио Коэльо. Святой Доминик де Гусман. ок. 1685. Национальный музей Прадо, Мадрид

Джорджо Вазари. Портрет Лоренцо Великолепного. ок. 1533–1534. Галерея Уфицци, Флоренция

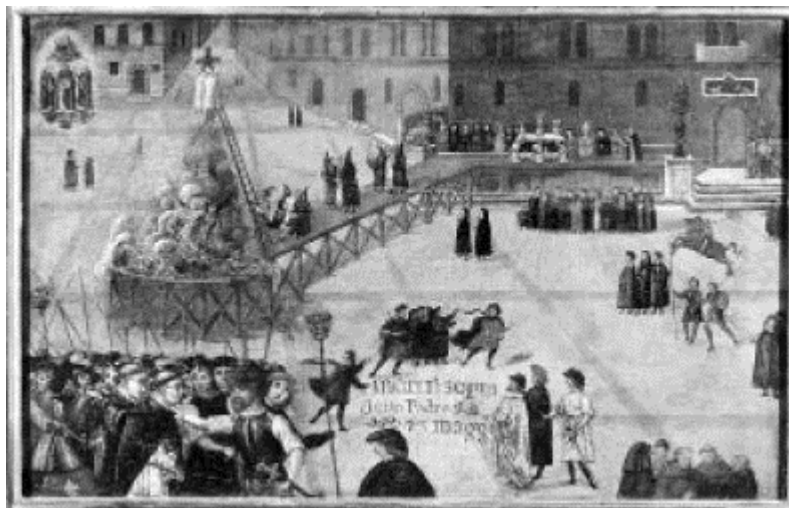
В комнату вошел молодой человек, которого Фичино позже описал так: «Юноша с прекрасной осанкой, высокого роста, с нежным и мягким, со значительными чертами лицом, оживленным благородным румянцем, со светлым и милым ликом, серыми глазами и живым взглядом, с белыми ровными зубами, золотой волной волос. И притом одетый тщательно, не совсем обычно для нашего времени».

Сохранилось изображение Пико делла Мирандола в этом возрасте – на фреске работы Козимо Росселли. На фресках, которые создавались для соборов, главные действующие лица, конечно, евангельские – это Христос, Богородица, святые. Но вокруг них может быть публика, среди которой встречаются лица конкретных людей. На фреске Росселли стоят рядом Пико, Фичино и Анджеоло Полициано. Все три лица замечательны, но у юного Пико оно буквально светится одухотворенностью.

Недолго задержавшись во Флоренции, Пико покинул ее на два года и поехал учиться дальше. С 1480 по 1482 год он побывал в разных университетах, обучался в Падуе, где была философская школа аверроизма. Это учение арабского философа, правоведа, врача ибн Рушда (Аверроэса), который жил в XII веке на Пиренейском полуострове. Его взгляды несовместимы ни со строгим христианством, ни с исламом. Ибн Рушда преследовали мусульманские религиозные власти, Пико – христианские.

Хартман Шедель. Вид Флоренции в Италии, ок. 1490. Музей изобразительных искусств. Будапешт

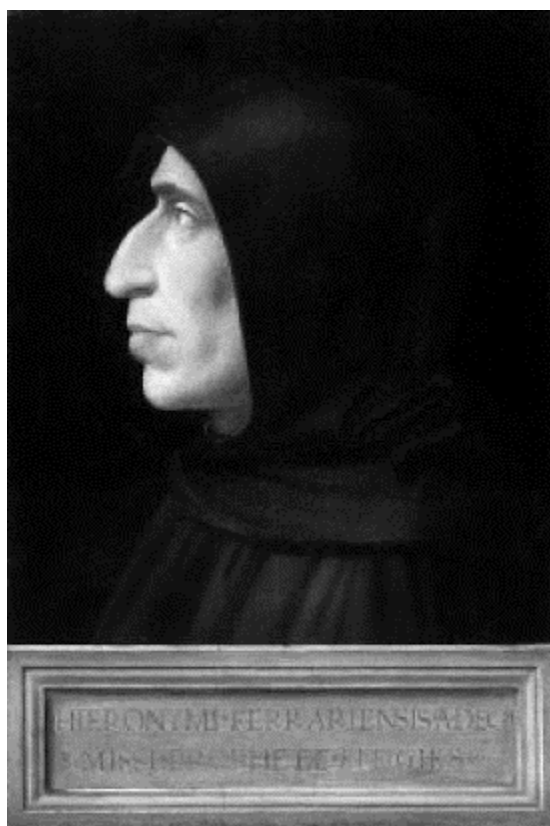

Филиппо Дольчати. Казнь Джироламо Савонаролы. 1498. Национальный музей Сан-Марко, Флоренция

Чтобы лучше понять Аверроэса, Пико изучил восточные языки: арабский, арамейский, халдейский. Вообще он в юности уже мог читать тексты более чем на двадцати языках. Его удивительные способности проявлялись буквально во всем. Например, он знал наизусть «Божественную комедию» Данте, причем мог читать ее не только в обычном порядке, но и от последнего стиха до первого.

1484 год Пико делла Мирандола провел во Флоренции, постоянно бывая на вилле Кареджи. Он вписался в среду новой Платоновской академии, не затерялся среди гениев. Есть версия, что он был изображен на одном из рисунков Леонардо да Винчи, которого тоже привлек его особый внутренний свет. К сожалению, этот портрет до нас не дошел.

Юному Пико доводилось делить трапезу с самим Микеланджело Буонарроти. Да и Сандро Боттичелли жил в том же городе, а Никколо Макиавелли служил в местной синьории.

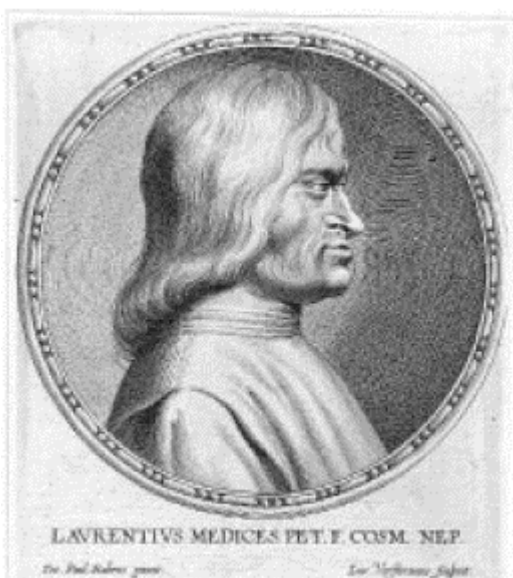
Фра Бартоломео. Портрет Джироламо Савонаролы. ок. 1498. Национальный музей Сан-Марко, Флоренция

В 1485 г. 22-летний Пико, так и не нашедший формулы счастья, отправился в Париж. Там были свои интеллектуальные битвы: поздняя схоластика неохотно уступала место новой философии. Велись знаменитые споры между номиналистами и реалистами о том, что есть слова – только символы или воплощение сути вещей.

В эти годы Пико увлекся каббалой – древнееврейским религиозно-мистическим учением. Все были удивлены тем, что его вдруг заинтересовала магия, которая никогда прежде не входила в круг его интересов. Он подготовил гигантский манифест – «900

тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения». Юноша был не только талантлив, но и безмерно трудолюбив.

Вернувшись в Италию, Пико предложил всем желающим философам выйти с ним в Риме на интеллектуальный поединок, обсудить этот документ, в котором была сформулирована очень неожиданная для тогдашнего общества мысль: в каждой религии есть своя правда, в каждом взгляде на мир надо искать что-то полезное. Вместо того чтобы идти стенка на стенку, следует собрать всю совокупность знаний, накопленных людьми. Призыв Пико делла Мирандола прозвучал во всех интеллектуальных центрах страны. Автор «Тезисов» брал на себя оплату дороги всех участников в оба конца.

Лукас Ворстерман. Лоренцо Медичи. 1610–1650. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Поль Деларош. Детство Пико делла Мирандола. 1842. Музей изящных искусств, Нант

Диспут должен был начаться с речи Пико. Она была опубликована уже после его смерти под названием «Речь о достоинстве человека». Это был манифест его уникального разума, его призыв к человечеству. Все философские системы и религиозные учения имеют право на жизнь, если они заняты поисками истины. «Ведь как просто», – сказал бы Лев Николаевич Толстой.

Марк Луи-Филипп. Папа Иннокентий VIII. XV век. Версаль, Франция

Затея Пико делла Мирандола беспокоила папу римского Иннокентия VIII. Он высказал сомнение в том, что столь молодой философ может подавать подобные заявки, а затем назначил комиссию для проверки содержания тезисов на предмет ереси. Расцвет инквизиции был еще впереди, но в Европе с XIII века активно действовала контрреформация. Обвинение в ереси звучало устрашающе.

В том же году комиссия объявила, что изучила все 900 тезисов, и 13 из них признала еретическими. Пико следовало, конечно, признать свои ошибки и сказать, что он обязательно исправит эти 13 тезисов. Но бесстрашный юный философ в следующем, 1487 г. написал «Апологию» – текст в защиту своих тезисов. А это уже был вызов. В ответ папа объявил еретическими все 900 тезисов Пико делла Мирандола.

Поняв, чем все это может закончиться, Пико в 1488 г. бежал во Францию. Там правил Карл VIII, сын Людовика XI, не отличавшийся гуманистическими наклонностями и озабоченный идеей что-нибудь отвоевать у Италии и навести там порядок. С разрешения короля Пико делла Мирандола схватила французская инквизиция, которая была очень сильна.

Философа заточили в одну из башен Венсенского замка. Удивительное место! Когда-то невинный королевский охотничий домик, красивое здание неподалеку от Парижа. Оттуда Людовик Святой отправился в свой трагический крестовый поход в Тунис. Там умерли один за другим сыновья Филиппа IV Красивого, проклятого из пламени костра тамплиером Жаком де Моле. Позже, в XIX столетии, во рву Венсенского замка по приказу Наполеона Бонапарта расстреляли герцога Энгиенского.

Пико делла Мирандола провел в заточении несколько месяцев. Только вмешательство Лоренцо Медичи заставило папу смягчиться и разрешить философу вернуться в Италию и тихо жить близ Флоренции. Зная натуру Медичи и повадки римского папства этого времени, можно предположить, что решение было принято не бесплатно.

В Италию Пико вернулся другим человеком. До ареста он был смелой и гордой личностью. В «Речи о достоинстве человека» он порой говорил от имени Творца: «Я помещаю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который предпочтешь. Ты, человек, можешь переродиться в низкое, неразумное существо, но можешь переродиться по велению своей души и в высшее, божественное». А от собственного имени Пико восклицал: «О высшая щедрость Бога-отца! О, высшее восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!»

Флоренция. Купол собора Санта-Марии-дель-Фиоре

Мозаики собора Санта-Мария-дель-Фиоре

Ореол этой речи по-прежнему был вокруг 25-летнего Пико после возвращения. Но в его поведении стали замечать что-то совершенно новое. Он отошел от философствования и эпикурейства юности и все больше и больше увлекался каббалой и мистикой. Это привело его в моральную ловушку Джироламо Савонаролы.

Они встретились и подружились в 1486 г. В тот период Савонарола еще не имел большого успеха как проповедник, но он уже умел очаровать, увлечь, стать лидером. Позже, после смерти Лоренцо Медичи, Савонарола подчинил себе всю Флоренцию, завел отряды молодежи, сражавшейся с роскошью. Под его влиянием женщины швыряли в огонь свои украшения. Есть версия, что престарелый испуганный Сандро Боттичелли добровольно сжег что-то из своих творений.

А ведь в 1490 г. Лоренцо вызвал фанатика-проповедника в город именно по совету Пико. В последние годы жизни смилившийся философ тихо раздавал свое имущество. Например, дорогую посуду он отдавал в качестве приданого деревенским девушкам.

Правда, не со всеми у Пико складывались столь благостные отношения. Так, он решительно выступил против астрологов, в чем, кстати, был поддержан Савонаролой. Влиятельная корпорация астрологов утверждала, что может через светила влиять на человеческую жизнь, а Пико говорил, что человек – кузнец своей судьбы.

Незадолго до смерти Пико делла Мирандола принял монашество, став членом Доминиканского ордена. Умер он в 1494 г., внезапно, во время одного из мистических действий Савонаролы, в которые Пико свято верил. Но не надо забывать, что у необычно мыслившего философа было много врагов. В 2008 г. была проведена эксгумация – и в останках Пико делла Мирандола обнаружилось высокое содержание мышьяка. Это может свидетельствовать об отравлении. Савонарола же прожил еще четыре года, а в 1498 г. он был повешен и затем сожжен. А рецепт лучшей, счастливой жизни найти так и не удалось.

Франсиско Писарро

Победитель империи инков

Франсиско Писарро – фигура колоритнейшая. Даже среди многочисленных испанских конкистадоров эпохи, наступившей после открытия Нового Света, он остается одним из самых заметных. Именно ему удалось победить самое, наверное, крупное и сильное в тот момент государство в Центральной и Южной Америке, – империю инков, которую сами они называли Тауантинсуйу.

Писарро оставил в истории след яркий, но мрачный. Жестокость, готовность к провокации, предательству, нарушению слова, убийству – все это было в его жизни. Он получил самый знаменитый выкуп за заложника – тонны золота не в переносном, а в прямом смысле.

О Писарро не очень много написано на русском языке, но в книгах, посвященных истории государства инков, он всегда присутствует. На каких источниках основываются специалисты? В первую очередь это испанские хроники и исторические сочинения XVII–XVIII веков. В них отражена точка зрения одной из сторон конфликта цивилизаций. У инков письменности в европейском смысле слова не было – существовали лишь элементы рисуночного письма и узелковое письмо кипу, предназначенное прежде всего для выполнения математических расчетов.

Самое знаменитое произведение об инках – «Подлинные комментарии инков, королей Перу». Оно написано в начале XVII века Гарсиласо де ла Вега Эль Инка (сокращенно Инка Гарсиласо). Этот человек был незаконнорожденным сыном одной из последних инкских принцесс и испанского конкистадора. Есть также собрание рисунков с пояснительными текстами «Первая новая хроника и доброе правление», созданная индейцем из Перу Фелипе Гуаман Пома де Айяла на рубеже XVI–XVII веков. Рукопись, пропавшая в католической Испании, была найдена в одной из библиотек Копенгагена в 1908 г., а опубликована в Париже в 1936 г.

Тем, кого интересует история колонизации Нового Света, можно порекомендовать труды Г.Г. Ершовой, например, «Древняя Америка: полет во времени и пространстве». Интересны также книги Б.Б. Вагнера, например, «Идущие к горизонту» (1999). Надо обязательно читать работы Ю.А. Зубрицкого, а также Ю.Е. Березкина, посвященные истории народов Америки. А из зарубежной научно-популярной литературы – «Открытие Земли» Жюль Верна.

Франсиско Писарро родился в 1470 или 1476 г., еще до объединения Кастилии и Арагона, которое произошло в 1479 г., то есть до возникновения Испании. И конечно же, это было до путешествия Колумба, открывшего Америку в 1492 г. При жизни Писарро пал Теночтитлан – столица империи ацтеков. Их победитель Эрнан Кортес был родственником Франсиско и стал для него объектом для подражания.

Чтобы понять, почему Писарро обладал столь низкими моральными качествами, важно проанализировать его происхождение. Отец – Гонсало Писарро Родригес де Агилар, человек знатный, капитан испанских войск в Италии. Он воевал на Сицилии, в Сардинии, Южной Италии. Эти территории были присоединены Арагоном еще в XIII–XV веках, но там то и дело вспыхивали военные конфликты.

Мать – Франсиска Гонсалес и Матеос, служанка-сирота в монастыре, где ее и совратил Гонсало Писарро Родригес де Агилар. Она была изгнана из обители, жила у родственников, потом вышла замуж за Хуана Каско, в чьем доме и родился Франсиско.

Гонсало Писарро Родригес де Агилар в завещании признал некоторых своих внебрачных детей, но не Франсиско. Для юноши это был страшный удар. Вообще в мировой истории заметную роль играют бастарды – с их яростным стремлением доказать, что они не хуже, а лучше законных детей.

Никакого образования Франсиско не получил и, вероятно, был неграмотным. Сохранились образцы его подписи – она больше похожа на несколько крючков.

В детстве Франсиско пас свиней. Ходили слухи, что однажды он украл какую-то самую жирную свинью и, испугавшись наказания, убежал из дома и отправился странствовать. В 1480-х гг. он нанялся рядовым в испанскую армию, воевал в Италии, потом завербовался для службы в Вест-Индии под началом своего земляка Николаса де Овандо.

В 1502 г., через десять лет после открытия Колумба, Писарро отплыл в Америку. Он жил на острове Эспаньола (современном Гаити), где располагалась своего рода база конкистадоров. Они были нацелены на одно – завоевать как можно больше земель и добыть как можно больше богатств. Конкистадоры жадно ловили слухи о сокровищах только что открытого континента. Индейцы Америки по-детски наивно надеялись откупиться от белых завоевателей и предлагали им золото, но аппетит конкистадоров только разгорался. Впрочем, в эту эпоху трудно отделить первооткрывателя от завоевателя. Любознательность конкистадоров тесно переплелась с жаждой наживы.

Джон Эверетт Милле. Писсаро берет в плен перуанских инков. 1846. Музей Виктории и Альберта, Лондон

В 1509 г. Писарро участвовал в экспедиции Алонсо де Охеды к берегам Южной Америки, в 1510 г. – в завоевании Панамы. Там возникла испанская колония, в которой добывали золото и платину.

Почему именно Испания, а затем и Португалия оказались в лидерах колониального движения? На протяжении многих веков европейское население Пиренейского полуострова вело постоянную войну с завоевателями-арабами, которых называли маврами. Многие поколения провели всю жизнь в этой борьбе. Когда же испанцы отвоевали свою землю, дошли до Гибралтара, когда пал последний, Гранадский эмират, возник вопрос: что дальше? Именно в это время Колумб искал путь на восток, в богатую Индию, и случайно обнаружил другие пространства, полные сокровищ.

Пол-Кутан Амабль. Портрет Франциско Писарро. 1835. Версаль, Франция

Около 1513 г. Франсиско Писарро сопровождал известного конкистадора Нуньеса де Бальбоа, который пересек Панамский перешеек и открыл Тихий океан, назвав его Южным морем. Известно, что Бальбоа ударил мечом по воде и объявил океан владением испанской короны. Как видим, наивностью отличались в ту эпоху далеко не только индейцы.

Вскоре после этих событий в Вест-Индию прибыл эmissар императора Карла V, автора знаменитой фразы: «В моих владениях никогда не заходит солнце». Бальбоа был по доносу арестован, обвинен в измене и казнен. Не исключено, что автором доноса был бывший свинопас Писарро, мечтавший прославиться и продвинуться по службе.

Наверное, от Бальбоа, которого потом предал, он впервые услышал о великом государстве инков, где удивительно много золота и всяких других богатств. И идти туда Писарро хотел уже не под руководством своего бывшего командира, а самостоятельно. При тоталитаризме донос – лучший способ убрать любого.

Когда в 1521 г. пал Теночтитлан, Писарро жил в Панаме. Он уже знал о расположенном южнее великом государстве Тауантинсуйу и вознамерился повторить сценарий, по которому действовал Кортес.

Замысел Писарро, которому было уже за пятьдесят, нельзя не признать дерзким. Ему не хватало ни людей, ни денег. Первые попытки завоевания страны инков оказались неудачными. В 1524–1525 гг. Писарро со своими партнерами Диего де Альмагро и Фернандо Лука пытался прорваться на юг, но это у них не получилось. Природные условия были очень сложные: горы и непроходимые леса.

В 1526–1527 гг. они предприняли новую попытку. Два человека, которым удалось добраться до инков, не вернулись. По-видимому, они были доставлены в Кито, одну из столиц, и там принесены в жертву языческим богам.

Писарро, обладавший и решительным характером, и мужеством, и живым умом, понял, что не справится с задуманным, если не получит помощи из Испании. В 1528 г. он отплыл туда и добился аудиенции у императора Карла V. Может быть, чтобы попасть к самому монарху, Писарро пришлось кого-нибудь подкупить. Производили впечатление и рассказы о тех будущих благах, которые он собирался пообещать императору.

Портрет Атауальпы Инки XIV, последнего императора Тауантинсуйу или Империи инков. XIX век. Национальный музей археологии, антропологии и истории Перу, Лима

Писарро так ярко расписал выгоды предстоящего похода, что получил должность наместника еще не завоеванных земель, а также главного судьи и, что особенно важно для бывшего свинопаса, дворянский герб и пожизненную пенсию. Договорился он и о наградах для своих спутников, участников будущих завоеваний.

Однако сразу по возвращении в 1530 г. Писарро столкнулся с недовольством Диего де Альмагро. Тот считал, что лично ему пообещали слишком мало. Поэтому в следующий поход в 1531 г. Писарро отправился без своего главного партнера, во главе отряда из 178 человек, в числе которых были 60 всадников. Отряд располагал одной или двумя пушками. И с такой численностью, с таким вооружением они собирались завоевать государство инков, насчитывавшее к тому моменту 8–9 миллионов человек!

Вытянутая вдоль Тихого океана с севера на юг колоссальная страна находилась на территории нынешних Перу, Колумбии, Эквадора и Боливии. Устройство этого государства в чем-то напоминало древнеегипетское. Здесь тоже были абсолютная высшая власть, военно-государственная элита, восходившая прямо к богам, клан жрецов, тоже организовывались обязательные общественные работы, в которых участвовали совершенно бесправные крестьяне. Тех, кто находился на общественных работах, снабжали минимумом всего необходимого для жизни с государственных складов.

Такими силами были выстроены идеальные по представлениям той эпохи дороги – их протяженность составляет 30 тысяч километров. На дорогах были специальные посты. Дежурные гонцы, называвшиеся часки, передавали посылки, например, свежую рыбу для великого инки с берега океана. Скорость их движения – около 20 километров в час. За день пробегали до 240 километров. Общественные работы позволили выстроить и колоссальные города.

Несколько раз в год инки совершали человеческие жертвоприношения. Для этого отбирались красивые здоровые дети лет десяти. Помимо людей в жертву богам приносили богатства. Надо было прилюдно уничтожать драгоценные ковры, изделия из серебра и золота – своего рода «борьба с роскошью».

У инков была своя мифология, в частности они верили в то, что создавшие их боги однажды вернутся в облики белых бородатых людей. Это способствовало тому, что они не уничтожили завоевателей-европейцев, несмотря на свое многократное численное преимущество. А как индейцы испугались всадников! На их континенте не было лошадей. Знакомая им лама значительно мельче лошади. Человек на коне показался им чудовищем с четырьмя ногами, двумя руками и двумя головами, и они в суеверном ужасе бежали от этих чудовищ.

Но почему все-таки удача улыбнулась Писарро в 1532 г., после нескольких неудачных походов? Когда он в очередной раз собрался завоевывать Тауантинсуйу, государство инков как раз под влиянием внутренних раздоров распалось на две части. Еще в 1525 г. фактически началась гражданская война. Два наследника последнего великого инки – старший сын Уаскар и младший Атауальпа, любимец отца, – не на жизнь, а на смерть бились за власть. Прежняя четкая иерархическая система управления рухнула, начался хаос. Кроме того, испанцы занесли на этот континент болезни, которых здесь раньше не знали, например, оспу. Это заболевание косило аборигенов тысячами.

Можно сказать, что Писарро вытянул своего рода лотерейный билет. К нему обратился за помощью свергнутый младшим братом Уаскар. Испанцы должны были помочь низложить узурпатора, объявившего себя верховным инкой.

Отряд Писарро вошел в небольшой город Кахамарку. Неподалеку стояли войска Атауальпы – 30–50 тысяч человек. Испанцы направили Атауальпе представителей (которые, конечно, заранее попрощались с жизнью), чтобы пригласить его на пир к своему командиру.

Луис Монтеро. Похороны Атауальпы. 1867. Музей искусств Лимы, Лима

На закате Атауальпа с невероятными торжествами вступил в Кахамарку. Его несли на золотых носилках. Сопровождали вождя несколько тысяч воинов. Но они остались на окраине города, а на пир он явился только с личной охраной – 300–500 человек. Они были не вооружены, это была просто почетная стража верховного инки. Испанских воинов видно не было. Атауальпе доложили, что они прячутся по домам. Вождь счел это признаком трусости.

На пустой площади индейцев встретил доминиканский монах, который в одной руке держал крест, в другой – Библию. Он начал говорить (к этому времени среди аборигенов уже появились переводчики). Монах потребовал, чтобы инки немедленно отреклись от своих ложных богов и поверили в Христа.

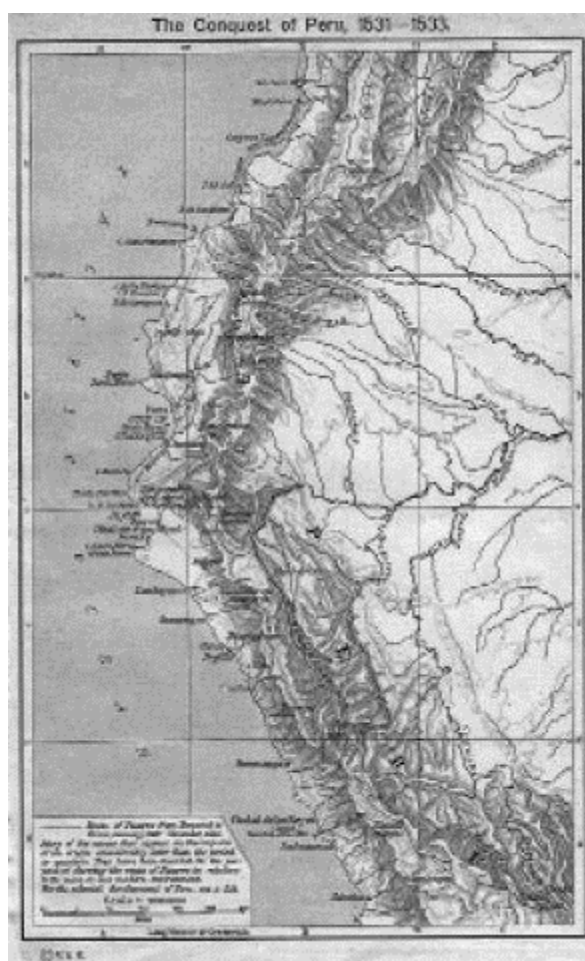
Атауальпа скептически отнесся к этой проповеди, более того – она вызвала у него раздражение, ведь он сам себя считал живым богом. Он взял у монаха Библию, осмотрел, приложил к уху. Инки считали, что есть особые предметы, из которых слышен голос бога. Возможно, это были крупные раковины. Они ценились у местных выше золота. Но Библия звуков не издавала. Вождь произнес: «Он мне ничего не говорит», – и с презрением бросил книгу на землю.

Тогда монах закричал: «Бейте их! Убивайте их всех!» Появились испанцы, вооруженные мечами, а также конники. Раз или два выстрелила пушка. Несмотря на ужас, охранники телами закрывали своего божественного правителя. Бойня длилась почти целую ночь. Всю охрану уничтожили. Вождя тоже убили бы, если бы его не заслонил Писарро, который получил даже легкое ранение в руку от собственного солдата. Атауальпа был нужен живым.

Около трех тысяч индейцев были изрублены, столько же попало в плен. Оказавшись в плену, Атауальпа предложил выкуп. Он уже слышал о жадности испанцев, о том, как они страстно любят золото. Кортес объяснял Монтесуме или его приближенным, что у испанцев есть такая болезнь, которую лечит только золото. Болезнь конкистадоров...

Атауальпа сказал, что в обмен на свою свободу он может заполнить золотом целую комнату до высоты человека с поднятой рукой. На этом уровне провели черту. Писарро думал, что это преувеличение, но ошибся. Власть великого инки была настолько сильна, что к дворцу, где заточили Атауальпу, потекли караваны с драгоценным металлом. Комната наполнилась золотом. Атауальпа больше не был нужен.

Тем временем до испанцев дошли слухи о том, что сторонники Атауальпы убили его брата и соперника Уаскара. Конкистадоры предъявили пленнику обвинение в том, что он организовал это убийство, устроили суд и приговорили великого инку к смерти.

Уильям Роберт Шеперд. Завоевание Перу, 1531–1533. Исторический атлас. Библиотека Перри-Кастанеды, Остин

Атауальпу больше всего ужаснуло то, что его должны были сжечь на костре. По представлениям инков, если тело покойного не сохранено, не забальзамировано, человек обречен на вечные муки. От страха Атауальпа согласился принять ту веру, которую ему не так давно навязывал испанский монах. Пленнику пообещали, что тогда его не сожгут, а удавят. Будет применена гаррота, самая знаменитая средневековая испанская казнь, когда человеку надевают железный ошейник и закручивают до тех пор, пока он не задыхается.

Неизвестный автор. Васко Нуньес де Бальбоа. XIX век. Морской музей, Мадрид

После казни Атауальпы в империи инков стало крепнуть сопротивление. Вокруг племени кечуа некогда объединились другие племенные союзы. Потом, когда власть зашаталась, они стали сражаться не за инков, а за собственную свободу.

Писарро отправил в Испанию много золота. Но ему и этого было мало — он хотел стать властелином этих земель. Сначала он сажал на престол великого инки каких-то марионеток, символизировавших местную власть. Но потом он почувствовал себя единственным хозяином былой империи.

А погиб Писарро вовсе не от руки одного из борцов за свободу аборигенов Америки. Нет, он стал жертвой конфликта со своим бывшим товарищем Альмагро.

Тот вместе со сторонниками захватил столицу государства инков Куско. Писарро в 1538 г. победил его в сражении при Салинасе — и казнил бывшего друга.

В 1541 г. против Писарро был составлен заговор, во главе которого стал сын казненного Альмагро. 26 июня 1541 г. Писарро был убит в собственном доме во время приема гостей. В дом ворвались двадцать человек, вооруженных до зубов, и перебили всех, включая хозяина. Надо сказать, он успел схватить меч и кинжал и, убегая, нанести несколько ударов. Но силы были неравны.

Можно ли назвать Писарро великим человеком? Нет сомнений в том, что он участвовал в великих событиях. А в самой его биографии постыдного больше, чем героического.

Новое время

Английский король Георг III Четырежды безумный

Этому королю не посчастливилось попасть в российские школьные учебники истории. Не посчастливилось ему и во многом другом. Над ним столько смеялись! А ведь у него была абсолютно трагическая жизнь. Он три раза сходил с ума, после чего на некоторое время возвращался в рассудок. Но после четвертого раза уже не вернулся. При этом он в течение шестидесяти лет официально считался английским королем, занимал трон, к которому рвалось так много людей в мировой истории. Власть не принесла Георгу III никакой радости. Он правил с 1760 г., во времена великих драматических событий, которые был не в состоянии осознать и масштабу которых не мог соответствовать.

Монархическая традиция в Англии, не прервавшаяся по сей день, имеет очень глубокие корни: они уходят в VIII–IX века. Ужас монархии состоит в том, что, каким

бы ни оказался человек на престоле, как бы он себя ни чувствовал, его власть священна и с ним надо считаться. Жизнь Георга III чрезвычайно ярко это иллюстрирует.

Он родился в 1738 г. Его отец – наследник английской короны, принц Уэльский Фредерик Льюис. Королями были прадед – Георг I (родоначальник Ганноверской династии) и дед – Георг II. Мать Георга III – принцесса Августа Саксен-Гота-Альтенбургская. Разобщенные германские земли долгое время оставались одним из важнейших источников европейского рынка высокопоставленных невест.

Когда в 1714 г. Георг I был приглашен править в Англию, вместе с ним поехала семья сына – Георга II, но детей с собой взяли не всех. Семилетний Фредерик остался в Германии (видимо, чтобы «караулить» корону ганноверского курфюрста). Он прожил почти пятнадцать лет в отрыве от семьи и в Англию прибыл в 1728 г., уже взрослым, стал принцем Уэльским и завел свой двор, оппозиционный королевскому.

Предки Георга III не только родились в Германии, но и не знали английского языка, который им не нравился, были далеки от английской культуры. Он же появился на свет в Англии, о чем с гордостью говорил во время коронации.

Будущий Георг III рос угрюмым, замкнутым, подозрительным. Никто еще не знал, что в нем таится страшная душевная болезнь. Он, хотя и родился недоношенным, когда подрос, выглядел розовощеким здоровяком. Отец умер, когда мальчику было тринадцать лет. Мать, разумная и властная женщина, оставшаяся после смерти мужа с многочисленными детьми, сочла нужным примириться и даже подружиться с Георгом II.

К детям Августа была очень строга. Будучи уже взрослым, женатым мужчиной, Георг каждый вечер заезжал к матушке: без этого нельзя было отойти ко сну. Ей самой уже не нравилось, что он так сильно от нее зависит. По воспоминаниям современников, она даже вскричала однажды: «Георг, да будьте же вы наконец королем!» Как будто не она сама заложила основы его недостаточно сильной личности.

В 1760 г. умер дед, Георг II, и корона перешла к 22-летнему Георгу III, до первого приступа безумия которого оставалось еще 29 лет. В 1761 г. он женился на принцессе Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой. До этого ему предлагали красавиц из британских аристократических семейств, но он оставался к ним абсолютно равнодушен. И вдруг король получил письмо от принцессы по имени Шарлотта из глухой германской провинции. Девушка рассказала Георгу о тяготах Семилетней войны. Она горевала о том, как страдают люди, и выражала надежду на победу Англии. В ответ на это трогательное письмо Георг предложил незнакомой принцессе руку и сердце.

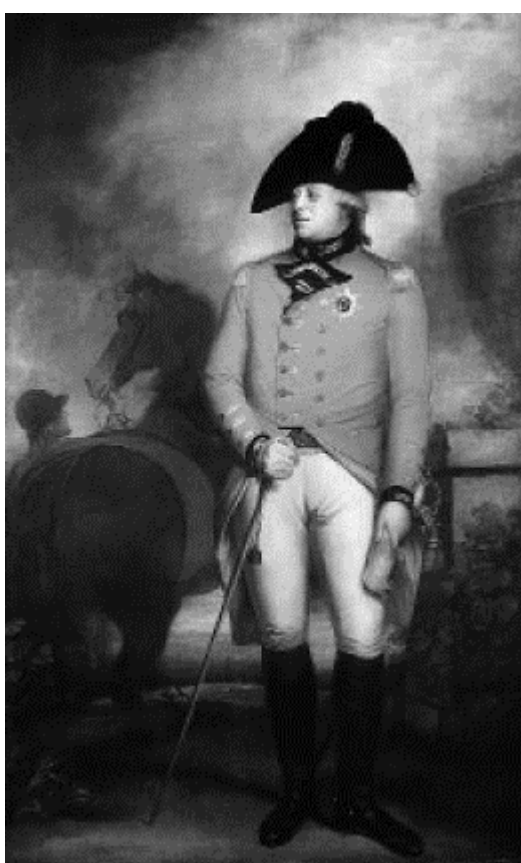
Аллан Рэмзи. «Король Георг III» (в коронационных одеяниях). 1761–1762. Национальная портретная галерея, Лондон

При встрече выяснилось, что она не очень красива и не очень образованна. Но брак оказался счастливым. Король никогда не заводил любовниц, а тринадцать из пятнадцати детей, рожденных в этом браке, выжили, причем двое стали потом английскими королями. У Георга и Шарлотты была традиционная мещанская семья, в которой никто не отличался высокой образованностью. Король сказал однажды придворной даме: «Знаю, что нельзя говорить плохо о Шекспире, но мне он не нравится». Он предпочитал грубоватые шутки, забавные сценки. Шарлотта же вошла в историю как автор рецепта простого яблочного пирога, который все мы привыкли называть шарлоткой. Зато супруги были преданы друг другу и вполне друг другом довольны.

По характеру Георг III не был расположен к власти. Бог послал ему в конце 1760-х гг. талантливого премьер-министра – Уильяма Питта Старшего. Этот разумный человек понимал, что в эпоху стремительного промышленного развития Англии нельзя жить по старинке. Он предлагал королю вести гибкую политику, не пытаться удержать колонии грубой силой, но Георг чаще всего не желал этого слышать.

Он был не свободен от представлений о королевской власти, сформировавшихся во времена расцвета абсолютизма. А ведь на смену всевластию монарха уже шла более современная система правления, и так называемые «новые тори», которых возглавил Уильям Питт Младший, выступали за некоторое ограничение прав короля и возрастание роли парламента.

Георгу III это, конечно, было не по душе. Он как-то сказал: «Не хочу владеть короной, находясь в кандалах». Красиво, но неверно по сути. У него не хватало ни образования, ни таланта, чтобы вести самостоятельную политику. Семилетняя война 1756–1763 гг., в которой Британия в союзе с Пруссией, Ганновером, Гессен-Касселем, Брауншвейгом выступала против коалиции Франции, Австрии, России, Швеции, Саксонии, завершилась для англичан благополучно. За это Англия должна была бы поблагодарить русского царя Петра III: вступив на престол, он вывел Россию из войны, чтобы не обижать короля Пруссии Фридриха Великого. По итогам войны Англия усилила свои позиции не столько в Европе, сколько на новом американском континенте, потеснив Францию в Канаде и Испанию в Центральной Америке. Англия приближалась к тому, чтобы стать мировой колониальной державой.

Уильям Бичи. Король Георг III. 1799–1800. Национальная портретная галерея, Лондон

В середине 1770-х гг. началась американская революция, или война за независимость, потребовавшая от Георга III колоссального нервного напряжения. Король не мог признать того, что у его страны не хватает сил, чтобы остановить протестное движение в колониях. Долгое время он продолжал требовать, чтобы восстание колоний было подавлено.

Настоящим потрясением для Георга III стали поражение англичан в битве при Саратоге в октябре 1777 г. и вступление Франции в войну против Великобритании. В связи с этими событиями Георг буйно, шумно конфликтовал с парламентом.

Американцы продолжали борьбу – и побеждали. Они сражались за свою новую родину. Когда войска так воодушевлены, с ними трудно воевать. К тому же среди них было много фермеров и охотников, которые прекрасно стреляли, были сообразительны и практичны. Именно они изобрели рассыпной строй, который противостоял стройным шеренгам английских солдат, героически шагавших под пули и ядра противника. Важную роль в победе восставшей колонии сыграла и поддержка со стороны Франции. В 1783 г. Великобритании пришлось признать независимость США.

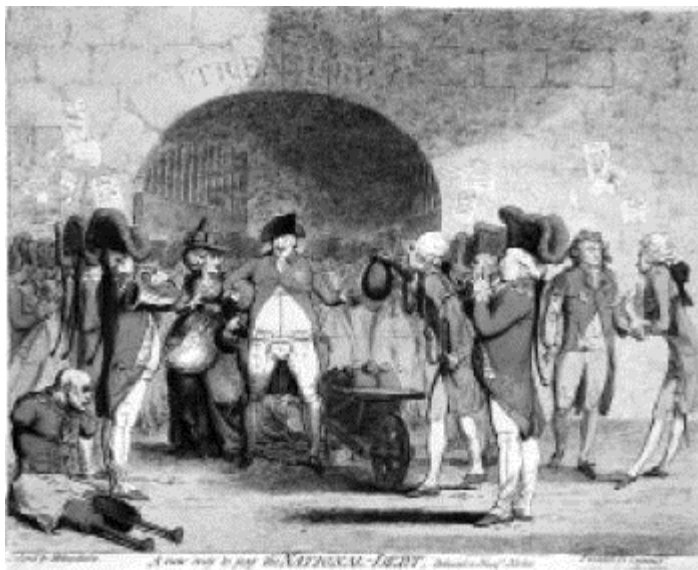
Бенедетто Пиструччи. Король Георг III. 1820. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Томас Роулендсон. Король Георг III (карикатура на Великобританию). 1781. Национальная портретная галерея, Лондон

Неизвестный художник. Король Георг III. Конец XVIII века. Национальная портретная галерея, Лондон

Джеймс Гилрей. Государственный долг (карикатура на короля Георга III и королеву Шарлотту, берущих денежные мешки из рук премьер-министра Уильяма Питта Старшего для покрытия государственного долга). 1786. Библиотека Конгресса, Вашингтон

А в конце 1788 г. король впал в настоящее безумие. Он набросился на старшего сына и пытался разбить ему голову о стену. Глаза Георга налились кровью, изо рта пошла пена. Придворные и слуги скрутили его и надели на него смирительную рубашку.

В европейской истории уже бывали короли-безумцы. Но со времен французского короля Карла VI и английского короля Генриха VI, сошедшего с ума во время Войны роз, прошло более трех веков. Двор был растерян и смущен. Сохранились воспоминания придворных, писавших, что они стеснялись происходящего и даже боялись встретить короля на прогулке. Основания для этого были. Однажды Георг III вежливо раскланялся с деревом в парке, потому что видел на его месте прусского короля Фридриха II.

Джеймс Гилрей. Французская свобода, британское рабство. 1789. Национальная портретная галерея, Лондон

Джеймс Гилрей. Св. Георг и дракон» (Великобритания; Наполеон Бонапарт; король Георг III). 1805. Национальная портретная галерея, Лондон

Джеймс Гилрей. Падение Икара (солнце-Георг III ослепляет Икара-Георга III). 1807. Национальная портретная галерея, Лондон

Окружающие надеялись на выздоровление монарха, радовались, когда он вел себя адекватно. Премьер-министр лорд Чатем однажды расплакался от восторга, когда Георг III публично сказал ему несколько ласковых слов. Слуги восхищались тем, что король знает их по именам. Болезнь действительно время от времени отпускала, но потом возвращалась.

Даже в периоды просветления интеллект Георга III, по мнению одного из английских историков первой половины XX века, едва ли достигал отметки добротной посредственности. Его ошибки были следствием недалекого ума и фатального упрямства. Показательно, что он враждебно относился ко всем проявлениям прогресса и моды. Это качество унаследовала, кстати, его внучка королева Виктория, недолголюбивавшая электричество и пишущие машинки.

Заболевание, от которого страдал Георг III, описали только в конце XX столетия. Оно называется порфирия и так же, как гемофилия, записано в генетическом коде немецких принцесс. Гемофилией страдал, как известно, сын российского императора Николая II царевич Алексей. От нее же умер один из сыновей королевы Виктории. Порфирия же — страшное заболевание, поражающее кожу, желудок и другие органы, а также приводящее к психическим расстройствам. Толчком к приступам этой болезни являются яркий свет, в особенности солнечный, и нервные потрясения.

Джордж Наптон. Семья Фредерика, Принца Уэльского (отца Георга III). 1751. Королевская коллекция, Лондон

А Георгу III таких потрясений хватало. Вскоре после того как он первый раз пришел в себя, он узнал о французской революции. Это был страшный удар, но некоторое время

король все-таки продержался, по-прежнему настаивая исключительно на силовых методах борьбы с революционной опасностью.

Второй приступ болезни случился в 1801 г., когда Георг отказался от традиционного британского нейтралитета и начал активно готовить вступление Англии в антифранцузскую коалицию. Ему, как и другим монархам Европы, не давал покоя этот выскочка Наполеон Бонапарт. Это корсиканское чудовище одерживало победу за победой. Слава Бонапарта бежала впереди него и была даже несколько преувеличена. Решение Георга III о вступлении в коалицию широкого одобрения в Англии не получило, что нанесло очередной удар по психике короля.

Третий приступ был в 1803 г., когда Георг в состоянии необычайного эмоционального подъема готовился к войне с Бонапартом, в которой собирался принять личное участие.

В Англии стареющего, тяжелобольного короля не любили и жестоко высмеивали. Чего стоят только карикатуры, подчеркивавшие его тучность! Смеялись над его любовью к фермерскому труду, называли огородником.

В 1811 г. 73-летнего короля настиг очередной, последний приступ болезни, от которого он уже не оправился. Следующие девять лет он оставался на престоле формально. Его сын, принц Уэльский Георг, стал регентом. Безумный король ничего уже не понимал. Он разговаривал с вымышленными собеседниками, командовал несуществующими войсками, участвовал в воображаемых сражениях.

Однажды королева Шарлотта стала свидетельницей короткого просветления: Георг, уже слепой и глухой, пел церковный гимн, сам себе аккомпанируя. Потом он опустился на колени и стал вслух молиться о жене, детях и о своей стране. В конце он попросил Бога либо избавить его от страданий, либо дать силы смириться и разразился слезами.

Георг III умер в 1820 г., а британская монархия, пережив это и многие другие испытания, существует по сей день.

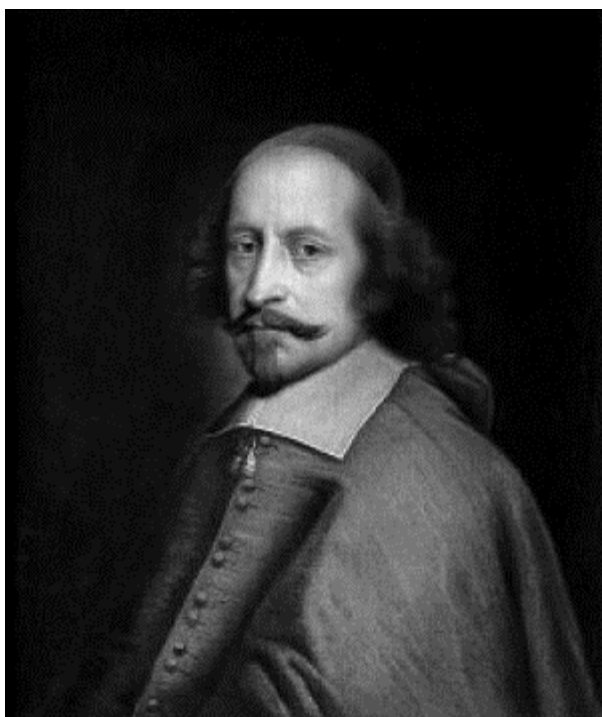
Джулио Мазарини Первый министр Франции

Очень и очень многие знают кардинала Джулио Мазарини по роману Александра Дюма «Двадцать лет спустя». И талант писателя таков, что трудно представить его персонажей не такими, какими они изображены в книге. Получается, что Дюма решительно побеждает историков. А ведь о Мазарини есть и другая литература.

Прежде всего – источники. Во второй половине XIX века изданы многочисленные письма Мазарини. Опубликованы королевские указы, к которым он имел самое прямое отношение. Есть письма и мемуары современников. Не было, наверное, дипломата, который, побывав во Франции, не записал бы свои впечатления о Мазарини. А какой замечательный источник более 500 так называемых мазаринад – направленных против него злых эпиграмм!

Обширна и посвященная ему литература. В 2002 г. на русском языке опубликован труд П. Губера «Мазарини». В 2007 г. вышла книга Л.И. Ивониной в серии «ЖЗЛ». Мазарини упоминается также в любой книге или статье о Людовике XIV и в ряде работ, посвященных кардиналу Ришелье.

Мазарини, которого в художественной литературе и кино нередко изображают второстепенным персонажем, тенью Ришелье, рисуют нелепым и смешным, на самом деле остался в истории, потому что более семнадцати лет был первым министром при короле Людовике XIV. Вряд ли мог быть таким уж незначительным тот, кто побывал слугой папского престола, потом стал дипломатом. А как он нравился на протяжении многих лет красавице королеве Анне Австрийской!

Пьер Миньяр. Портрет Джулио Мазарини. 1658–1660. Музей Конде, замок Шантийи, Шантийи

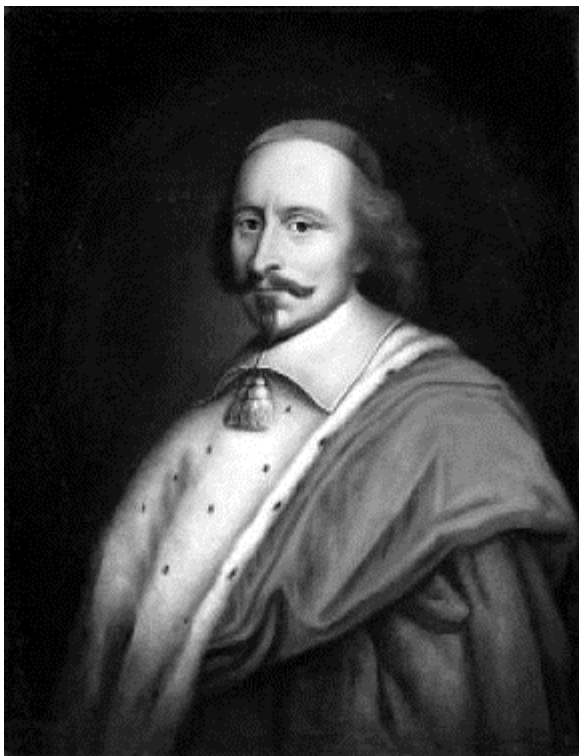
Мазарини родился 14 июля 1602 г. Через 187 лет именно в этот день французы будут штурмовать Бастилию. Он появился на свет в местечке Пешине в итальянской провинция Абруцци. Дом принадлежал семье его матери Гортензии, урожденной Буффалини. Это была хорошая, но небогатая фамилия.

Отец Джулио – Пьетро Мазарини (по-итальянски Маццарино), бедный дворянин из Палермо. Палермо находится в Сицилии, которая по представлениям XVII века была глухой провинцией. Пьетро приехал в Рим, где у него была поддержка: там уже некоторое время жил его брат Джулио, который помог ему устроиться мажордомом к влиятельным аристократам Колонна. Пьетро должен был управлять поместьями и собирать налоги. Поскольку кристально чистых управляющих не бывает, сын мажордома, видимо, многому обучился еще в детстве. По крайней мере, он стал высоко ценить деньги.

Мать Мазарини отличалась легкостью и веселостью нрава. Поговаривали, что она родила своего первенца Джулио от господина Филиппо Колонна. Тот был женат, и беременную Гортензию отправили прочь из Рима, в дом ее родителей, под предлогом того, что в Риме ей было бы слишком жарко. Потом у Джулио появились братья и сестры – всего в семье было пять детей, причем сестры вышли замуж за аристократов, а старший брат обеспечил их приданым.

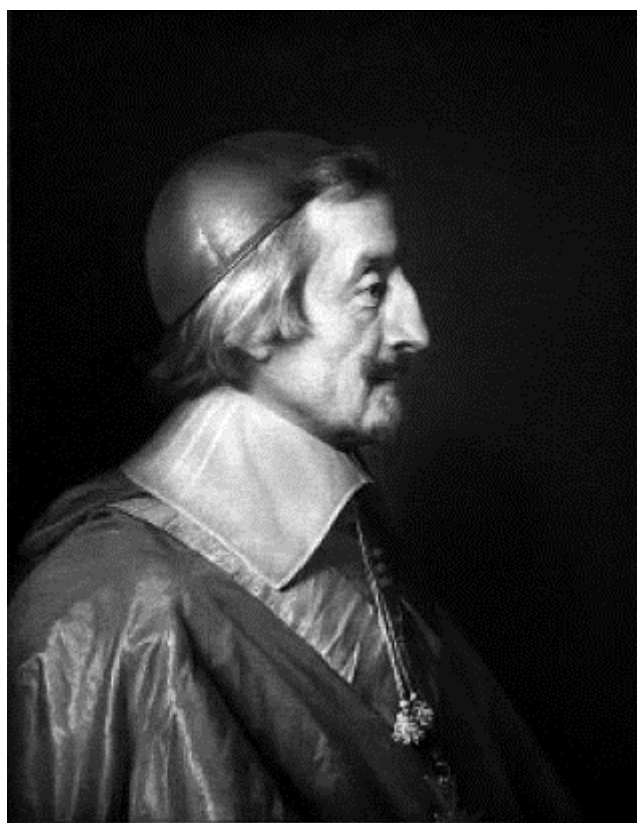
Детство Джулио прошло в Риме. Он получил хорошее образование в Римском колледже, где обучался вместе с Джироламо Колонна – одним из сыновей патрона своего отца. Вообще Филиппо Колонна очень заботился о сыне мажордома, что, конечно, наводит на некоторые размышления.

В юности Мазарини был хорош собой, приветлив, весел и вовсе лишен религиозного фанатизма. Вряд ли он мечтал о церковной карьере. Будучи другом Джироламо Колонна, Джулио участвовал во всех увеселениях, которые бывали в господском доме. Он охотно играл в карты и, по легенде, однажды проиграл свои шелковые штаны.

Маттье Ленен. Портрет Джулио Мазарини (деталь). XVII век. Версаль, Франция

Поскольку поведение молодежи стало вызывать беспокойство, сеньор Филиппо Колонна принял решение отправить обоих – Джироламо и Джулио – изучать право в строгой католической Испании. Причем им предстояло поехать не в столицу, где шла веселая студенческая жизнь, а в провинциальный университет Алькала-де-Энарес.

Филипп де Шампань. Тройной портрет кардинала Ришелье (деталь). 1642 год. Лондонская национальная галерея, Лондон

Юноши вернулись оттуда в 1622 г. В это время в Риме шли торжества по поводу канонизации основателя Ордена иезуитов Игнацио Лойолы. Готовилось театральное представление в Римском колледже. Один из актеров внезапно заболел, и Джулио попросили выступить, причем в роли самого Игнацио Лойолы. Двадцатилетний Мазарини произнес со сцены трогательнейшую речь. Ведь у Лойолы, несмотря на неоднозначность его деяний, нельзя отнять искренности веры. Джулио передал эту пламенную веру так убедительно, что публика рыдала, как в античном театре.

Однако отцы церкви не были в восторге от выступления Мазарини. Дело в том, что он в своей речи мягко намекнул на грехи Лойолы, славившегося религиозным фанатизмом. Казалось, молодой человек лишил себя шанса сделать церковную карьеру. А ведь это был прекрасный путь для небогатого дворянина! Надо сказать, что Мазарини не был особенно расстроен. Но он сделал для себя важные выводы: в дальнейшем он никогда больше не высказывался неосторожно.

Герард Терборх. Заключение мира в Мюнстере. 1648. Рейксмюсеум, Амстердам

В 1624 г. Мазарини начал службу солдатом папской армии. Сегодня эти войска — просто символ, но когда-то они были весьма сильны. Все понимали, что та сторона, на которой выступает папская армия, пользуется поддержкой католической церкви.

Мазарини довольно быстро стал капитаном. Предполагается, что он однажды случайно встретился со знаменитым пармским астрологом. Несмотря на то что уже наступало Новое время, от Средневековья осталась традиция веры в магию, во все сверхъестественное, в том числе — в астрологию. Даже серьезные аналитики этой переломной эпохи верили в гороскопы и прочие предсказания. Так вот астролог будто бы предсказал Джулио карьеру во Франции и мантию кардинала в сорок лет. Это было совершенно неправдоподобно: Мазарини даже не был священником.

Примерно через три года он перешел на дипломатическую службу, получив должность секретаря римского посольства (папского нунция) в Милане. Здесь и проявились его незаурядные способности.

Милан находился тогда под властью Испании. Габсбурги старались заполучить как можно больше итальянских земель. В 1630 г. Мазарини пришлось участвовать в переговорах между Испанией и Францией о том, кому достанется город Мантуя, где не оказалось прямого наследника. Это был конфликт в рамках Тридцатилетней войны.

Испания и Франция за мантуанское наследство готовы были перейти к военным действиям. Французский маршал де Ла Форс готовился штурмовать город Казале, который оборонял испанский гарнизон во главе с генералом Туаром. Между сторонами началась перестрелка. И вдруг все увидели всадника, скакавшего между рядами противников. Он размахивал неким свитком и кричал: «Мир! Мир! Мир!» Это был нунций папы Урбана VIII, 28-летний Джулио Мазарини.

Петер Пауль Рубенс. Портрет Анны Австрийской. Ок. 1622. Национальный музей Прадо, Мадрид

Картинка с изображением этого молодого всадника облетела всю Европу. Мазарини пережил нечто подобное тому, что произошло с Бонапартом при взятии Тулона: повсюду заговорили о молодом герое. Позже его не раз обвиняли в трусости – потому что он предпочитал не войну, а переговоры. Но в этот раз он всем продемонстрировал, что он вовсе не трус.

Неизвестный автор (после Клода Лефевре). Портрет Людовика XIV. ок. 1670. Версаль, Франция

В том же 1630 г. состоялась важнейшая для Мазарини встреча. Он был представлен в Лионе французскому королю Людовику XIII и первому министру Франции кардиналу Ришелье. В ходе этой встречи Ришелье проговорил с молодым нунцием два часа. Это было поразительно. Через двенадцать лет, в декабре 1642 г., за два дня до смерти, Ришелье назовет Мазарини своим преемником. Он скажет Людовику XIII: «Ваше Величество, у Вашего Величества есть кардинал Мазарини. Я верю в его способности на службе королю».

За мантуанское дело папа Урбан VIII щедро наградил Мазарини: ему были даны земельные владения, которые приносили хороший доход, такой, какого никогда не было у его семьи. С этого момента Мазарини постоянно стремился накопить как можно больше, но не только для себя. Он поддерживал свою семью.

Еще восемь лет продолжалась его служба в Ватикане, и все заметнее делались его профранцузские настроения. Может быть, это было связано с надеждой на стремительную карьеру во Франции. В 1638 г. Мазарини принял французское подданство и перешел на службу при дворе Людовика XIII. В 1641 г. Ришелье добился для него кардинальской шапки – несмотря на то, что Мазарини никогда не вел церковную службу. Правда, в 1632 г. он тихо принял духовный сан, побыл каноником и прелатом, но прихода он не имел. Влияние Ришелье было столь велико, что это не помешало Мазарини сделаться кардиналом, то есть занять положение, выше которого только папа римский.

Робер Нантёйль. Кардинал Джулио Мазарини, сидящий в галерее своего дворца. 1659. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Робер Нантёйль. Портрет Людовика II Бурбона, принца Конде (1621–1686). Национальная библиотека Франции, Париж

Сразу же после смерти Ришелье в 1642 г. Мазарини был назначен главой Королевского совета. Меньше чем через год умер Людовик XIII. Регентом стала его супруга Анна Австрийская. Согласно воле короля, она должна была править вместе с советом, состоявшим из нескольких человек, но презрела это указание. Ее сыну Людовику исполнилось тогда всего пять лет: он был поздним ребенком.

Когда Джулио Мазарини стал первым министром, произошло его сближение с Анной Австрийской – первой красавицей Европы. Есть версия, что позже они вступили в тайный брак.

Время было тревожное. Еще продолжалась Тридцатилетняя война, ставшая страшным бедствием для многих европейских стран. В ней участвовали Испания, Германия, папство, Франция, Швеция, Голландия, Дания, Речь Посполитая, Россия. На периферии событий оставалась Англия. В результате мучительной Тридцатилетней войны совершился окончательный переход от Средневековья к Новому времени, изменилась расстановка сил на международной арене.

В отсутствие реального короля именно Мазарини оказался в такой момент у руля международной политики Франции. Это была колоссальная ответственность. И ему многое удалось благодаря его дипломатическому дару. Он постоянно вел переговоры, искал новых союзников, и в итоге условия Вестфальского мира 1648 г. оказались выгодными для Франции. Она получила спорные земли в Эльзасе и юридическое подтверждение прав на города Мец, Туль и Верден.

Но несмотря на такой триумф, во Франции возникла Фронда – движение протеста разных социальных слоев, причем в качестве лидеров выступали аристократы. Это была реакция как на тяготы войны, так и на крепнущий абсолютизм. Едва выйдя из Тридцатилетней войны, Франция оказалась ввергнута в 1648–1653 гг. в войну гражданскую.

**Жан Варен. Медаль с портретом Джулио Мазарини. Серебро. 1660.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк**

Как только исчезла железная рука Ришелье, французский парламент потребовал реформ. Не получив на них согласия, дворянская оппозиция во главе с влиятельным принцем Конде двинула войска на Париж. А 26 августа 1648 г. там вспыхнуло восстание горожан, вошедшее в историю под названием День баррикад. Дело было настолько плохо, что вскоре двор покинул Париж: уехали сначала в Сен-Жермен, затем дальше – на юг Франции.

В этот период именно Джулио Мазарини стал фокусом протестных настроений: все понимали, что правит он, а не малолетний Людовик. Для Франции это было третье итальянское правление. Сначала в течение многих лет своими сыновьями-монархами управляла флорентийка Екатерина Медичи. Это закончилось с приходом к власти Бурбонов в 1589 г. Но и вторая (после Маргариты де Валуа) супруга Генриха IV была из семейства Медичи. После того как ее муж был убит в 1610 г., она стала регентом при малолетнем Людовике XIII, а когда он повзрослел, долго не отдавала ему власть. Ни Екатерину, ни Марию Медичи во Франции не любили. Так что Фронда не только требовала реформ и снижения налогов, но и культивировала антиитальянские настроения.

В 1651 г. Мазарини пришлось под давлением общественного недовольства покинуть Францию и укрыться в Кельне. Но судя по его письмам к Анне Австрийской, он и оттуда твердо управлял Францией.

По Франции ходили многочисленные мазаринады – злые, порой неприличные эпиграммы на первого министра. В одной из них говорилось: «Злой гений нашей Франции, завладевший ее судьбой, с утра до вечера жадной рукой вы отбираете у нее

хлеб». В другой: «Знаете ли вы, какая разница существует между Его Преосвященством и покойным господином кардиналом? (Речь идет о Ришелье.) Один вел в поводу свое животное, а другой сидит на нем верхом». Этим животным, на которое уселся Мазарини, был французский народ.

Но даже в этой атмосфере у Мазарини хватило выдержки и ловкости, чтобы после нескольких месяцев изгнания возвратиться во Францию и пышно отметить совершеннолетие короля Людовика XIV. В декабре того же 1651 г. он вновь был изгнан, а затем по призыву Анны Австрийской пришел с армией наемников. И только в октябре 1652 года уже совершеннолетний, но не управляющий страной Людовик XIV окончательно вернул Мазарини из изгнания.

Большой талантполитика и дипломата позволил Мазарини победить Фронду. Особенно действенным был его любимый метод – стравить оппозиционеров друг с другом. Перессорившись между собой, они начали переходить на сторону власти. А Мазарини щедро раздавал обещания, которые, кстати, старался выполнять. И если Ришелье в свое время предпочитал врагов казнить, то Мазарини чаще заточал в Бастилию. Он никогда не был кровожаден. Его отличала необыкновенная ловкость, не зря Ришелье говорил о нем: «Джулио, если бы нужно было обмануть дьявола, я прибегнул бы к вашим талантам».

К 1653 г. страна в целом умиротворилась. Все главные оппозиционеры, кроме принца Конде, перешли на сторону Мазарини, сохранив значительную часть своих привилегий и имущества. Тогда начался расцвет Франции, продолжившийся в блистательный век Людовика XIV.

Мазарини провел немало полезных реформ. Он урезал штат двора и содержание высшей аристократии. Было принято решение более равномерно распределять налоги. Были введены многочисленные льготы для купечества. Общество сочло этот порядок справедливым, и по стране перестали ходить оскорбительные мазаринады.

Мазарини вел откровенную и очень актуальную для своей эпохи политику протекционизма – ограничивал ввоз иностранных товаров. В результате многое из того, что импортировалось из Англии и Нидерландов, стали производить во Франции. Разбогатевшие французские финансисты становились опорой трона.

Наконец, Мазарини был недурным наставником для Людовика XIV, который, будучи отодвинут от власти, не испытывал к первому министру никакой враждебности. Заметив, что юноша любит искусство, особенно театр, Мазарини предоставил ему все возможности предаваться этим занятиям. Людовик пожелал учиться игре на гитаре, которая считалась простонародным инструментом, – и для него была доставлена из Испании лучшая гитара и приглашен для занятий лучший гитарист. Ко двору была приглашена итальянская опера, устраивались придворные спектакли. И Людовик выступал в придворном балете, прославившись красотой своих ног.

Луи Лерамбер. Бюст Мазарини. XVII век. Библиотека Мазарини, Париж

Мазарини собрал огромную коллекцию книг – более 30 тысяч томов. Она существует и сейчас. Он основал Колледж четырех наций – учебное заведение для избранных, где обучались 60 дворянских сыновей, причем из тех областей, которые были недавно присоединены к Франции. Это давало шанс воспитать новую элиту, не настроенную против французской власти.

Не забывал Мазарини и себя лично. В его коллекции картин были полотна Джорджоне, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана. Он сумел приобрести картины из коллекции казненного английского короля Карла I Стюарта; среди них были работы Эль Греко, Ван Дейка и, возможно, Брейгеля.

Земли Мазарини приобретал у разорившихся дворян целыми герцогствами или графствами. Владениями распоряжался разумно, собирая с них максимальные подати. После него остались запасы драгоценных металлов, прежде всего серебра, измеряемые тоннами. Говорили, что с годами первый министр стал почти болезненно, по-гобсековски жаден.

Он умер в ночь с 8 на 9 марта 1661 г. Его последние слова были: «Вся моя надежда на Иисуса Христа». Анна Австрийская прожила еще пять лет, но была сразу же отодвинута от власти сыном, Людовиком XIV. А Мазарини, как и Ришелье, остался в истории великим каменщиком, строившим здание французского абсолютизма.

Жан Кальвин Женевский папа

Ироническое прозвище «Женевский папа» Жану Кальвину дали современники. В этом прозвище заложено глубокое содержание. Человек, который отчаянно боролся с папством, сам сделался чем-то вроде римского папы, причем далеко не лучшего. В то же время нельзя отрицать его удивительной харизмы, которая вела за ним многих людей. Он превзошел в убежденности и энергии борьбы за обновление церкви всех великих деятелей Реформации: Яна Гуса, Джона Виклифа, даже самого Мартина Лютера.

Важно, что Кальвин родился именно в ту эпоху, которая в нем очень нуждалась. Начало XVI века – это раннее Новое время, когда мучительно протекает расставание с тысячелетием средневековья, когда происходят революции не только политические, но и технологические, культурные и духовные, меняется картина мира, формируется гуманистическая философия. Одной из величайших революций в умах стала Реформация.

Жан Кальвин появился на свет 10 июля 1509 г. в провинциальном городе Нуайоне на севере Франции. Его так и называли – нуайонец, что звучало сначала презрительно, а потом – гордо: настолько очевидны были его способности и успехи в учебе. Отца звали Жерар Ковен (Кальвин – та же французская фамилия, но в латинизированном варианте). Он был секретарем епископа, фискальным прокуратором, синдиком соборного капитула в Нуайоне.

У этого небогатого служащего было шестеро детей – четыре сына и две дочери. Денег на такую большую семью не хватало. Выручало то, что Жерар был человеком общительным и обзавелся нужными связями. В частности – с богатым и знатным семейством Момор. В их доме охотно принимали талантливого мальчика Жана. Позже он говорил, что время, проведенное у Моморов, – это лучшие воспоминания его детства и юности. Учился он вместе с младшими Моморами.

В 1521 г., когда Жану было двенадцать лет, отец добыл для него пребенду – нечто вроде небольшой средневековой стипендии, содержание для духовного в счет его будущей службы. Два года Жан существовал на пребенду, а в 1523 г. отец под предлогом того, что Нуайону грозит чума, отправил сына в столицу для продолжения образования.

В Париже Жан учился вместе с Моморами в коллегии Ламарше, затем его за успехи перевели в одну из лучших школ – коллегию Монтегю. Он всюду продвигался благодаря талантам и необыкновенному усердию. Кальвин блистал в учебе, но в коллегии его не любили. Он казался однокашникам слишком фанатичным. Ему дали кличку Аккузатив, то есть «Винительный падеж».

Ирония истории состоит в том, что через несколько лет в той же коллегии Монтегю предстояло учиться Игнацию Лойоле. Кальвин и Лойола – два великих харизматика времен Реформации, носители противоположных идейных зарядов. Если Кальвину предстояло стать знаменем Реформации, то Лойоле – одним из ее главных врагов.

Рене Буавен. Жан Кальвин в возрасте 53-х лет. 1562. Женевская библиотека, Женева

Казалось очевидным, что Жана ожидает духовное поприще, но отец приказал ему заняться юриспруденцией. Этот путь давал надежду на хороший заработок. На заре капитализма составлялось много документов, и адвокаты были востребованы.

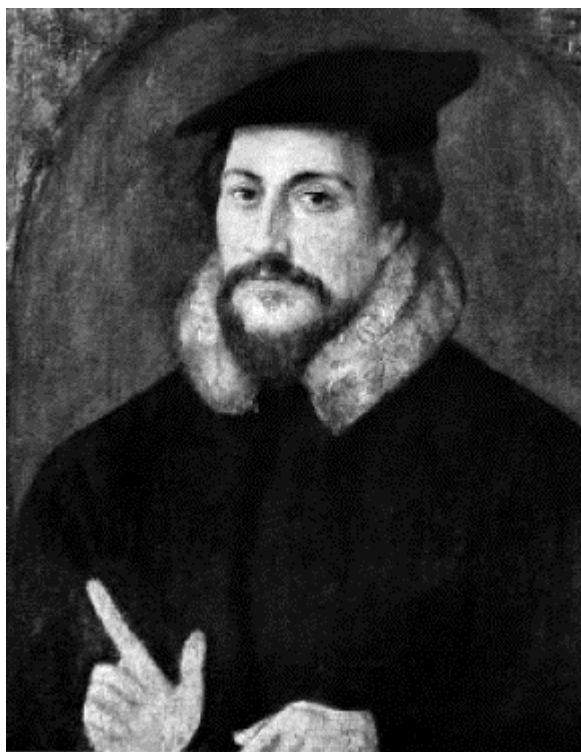
Жан был покорен воле отца, хотя из его позднейших писем следует, что он не хотел становиться юристом. Впрочем, со временем юридическая грамотность очень ему пригодилась. А тогда, в юности, он отправился сначала в Орлеан, к известному юристу Петру Стелла, а затем в Бурж, к еще более знаменитому юристу Альциати, приглашенному во Францию самим Франциском I. Этот монарх как будто пытался перенести во Францию итальянское Возрождение.

Лекции в Бурже Альциати иногда читал в стихах. Это был важный пример для Кальвина, который со временем стал пламенным проповедником. Слушал он и лекции известного немецкого гуманиста Мельхиора Вольмара, отличавшегося любовью к древнегреческому языку, античной культуре, но при этом сочувствовавшего Реформации, идеи которой уже носились по Европе. После занятий Вольмар не раз брал Кальвина под руку и на зависть другим ученикам прогуливался с ним в саду. Заметив интерес талантливого юноши к античности, учитель посоветовал ему тем не менее идти в теологи. Знание выученного в Бурже греческого языка понадобилось Кальвину, чтобы с легкостью читать Новый Завет. Для него это было особенно важно, поскольку он, как и все протестанты, призывал вернуться к истокам христианства.

Но перед тем как стать богословом, Кальвин отдал дань и собственной любви к античности, и интеллектуальным настроениям завершавшегося правления Франциска I. Первое сочинение, которое Кальвин опубликовал в 1531 г., – это комментарии к трактату Сенеки «О кротости». Философ I века новой эры, придворный, воспитатель императора Нерона, Сенека не был чужд только зарождавшихся тогда раннехристианских идей. Он одновременно готов был поколотить своего провинившегося раба – и признавал, что тот тоже человек.

Джон Гарретт. Свеча зажжена, мы не можем прорваться (Кальвин справа от Лютера, сидящего в центре). После 1673. Национальная портретная галерея, Лондон

Авторство приписывается Гансу Гольбейну Младшему. Портрет мужчины (считается, что изображен Жан Кальвин). ок. 1550. Местонахождение неизвестно

Неизвестный художник. Молодой Жан Кальвин. XV или XVI век. Женевская библиотека, Женева

В трактате «О кротости» Сенека размышлял не только о христианском смирении, но и о недостатках абсолютной власти. Он осторожно намекал на то, что правителю надо избегать крайней жестокости, бороться со злоупотреблениями и добиваться любви подданных. Кальвину оказалась очень близка мысль Сенеки о том, что республика и коллегиальность лучше, чем тираническая власть. Это, правда, не помешало ему со временем превратиться в страшного тирана.

Уже в эти годы, только собираясь обратиться к теологии, Кальвин пришел к мысли, что Бог возложил на него миссию учительства. И хотя в дальнейшем он резко критиковал представление католической церкви о том, что папа действует от имени Бога, он подобным же образом толковал собственную роль.

В 1532 г. Кальвин получил в Орлеане докторскую степень и тогда же открыто перешел к протестантизму. Он продолжил критику католической церкви, которая велась со времен Яна Гуса: осуждал систему индульгенций, пышную обрядовость, претензии на посредничество между Богом и людьми. По мнению Кальвина, человек должен общаться с Господом непосредственно. Обратись с молитвой и искренней верой – и тебя услышат.

Во Франции начала 30-х гг. XVI века сделаться протестантом еще не было опасно. Родная сестра короля Маргарита Наваррская, страстная поклонница культуры Возрождения, относительно широко мыслила и покровительствовала мыслителям, выдвигавшим смелые религиозные идеи.

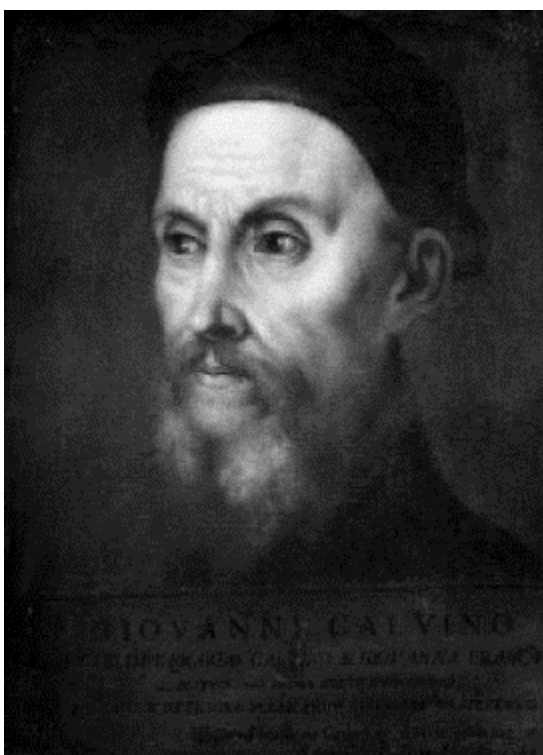
Кальвин стал замечен, когда написал текст речи для нового ректора Сорбонны, своего друга Николя Копа. В ней содержалась критика университетских теологов. После того как Копа выступил с этой речью, ему пришлось немедленно спасаться бегством от инквизиции. Друзья предупредили Кальвина, что за ним тоже придут. Так и произошло. Но пока представители инквизиции рылись в его бумагах, он бежал из дома через окно. Так началась новая полоса его жизни – долгие и тяжелые странствия.

Сначала он отправился на юг Франции, где жил под чужим именем. Возвращение в Париж стало невозможно: с 1535 г. там начались преследования протестантов. Был сожжен друг Кальвина Этьен Делафорж, в чьей лавке он проповедовал. Маргарита Наваррская постепенно перестала им покровительствовать. В 1546 г. был обвинен в богохульстве и казнен один из ее ближайших друзей Этьен Доле, талантливый человек, издатель книг Франсуа Рабле. «Гаргантюа и Пантагрюэля» он печатал без смягчающих поправок, которые внес сам автор, боясь инквизиции. Тучи сгущались и над другими членами кружка Маргариты Наваррской.

Понимая, что во Франции оставаться нельзя, Кальвин уехал в Швейцарский союз. Кантоны враждовали между собой, особенно Берн и Женева, но у них был общий враг: швейцарцы не желали покоряться герцогам Савойским. Женева даже изгнала католического епископа. В этом бурлящем кусочке Европы, где никогда не было сильной центральной власти, можно было сохранять некоторую личную независимость.

В швейцарском Базеле Кальвин написал и издал в 1536 г. свое главное произведение – «Наставление в христианской вере». Многие из того, что он проповедовал, отвечало устремлениям зарождавшейся в Европе буржуазии. Кальвин утверждал, что человек должен быть трудолюбив и экономен, жить в строгости – и обязательно процветать. Материальное благополучие – это очень хорошо, потому что оно доказывает: Бог избрал тебя для спасения.

Книга была посвящена Франциску I. Кальвин, безусловно, старался сохранить себе жизнь и даже обрести шанс вернуться во Францию. Он сформулировал посвящение так: «Христианнейшему Франциску, первому из носящих это имя, своему государю и верховному господину, Жан Кальвин, с пожеланием мира и спасения в Господе нашем Иисусе Христе». А в самом тексте, составляющем двадцать страниц, есть такое утверждение: «Наши враги, если бы они оказались перед необходимостью запечатлеть их собственное учение кровью и жизнью, тогда мы увидели бы, высоко ли они ценят свое учение. Но наша вера другая, она не боится ни смерти, ни Божьего суда». Это ключевые слова. Таким оставался пламенный Кальвин до последней минуты своей жизни.

Тициан. Портрет Жана Кальвина. XVI века. Реформатская церковь Франции, Париж

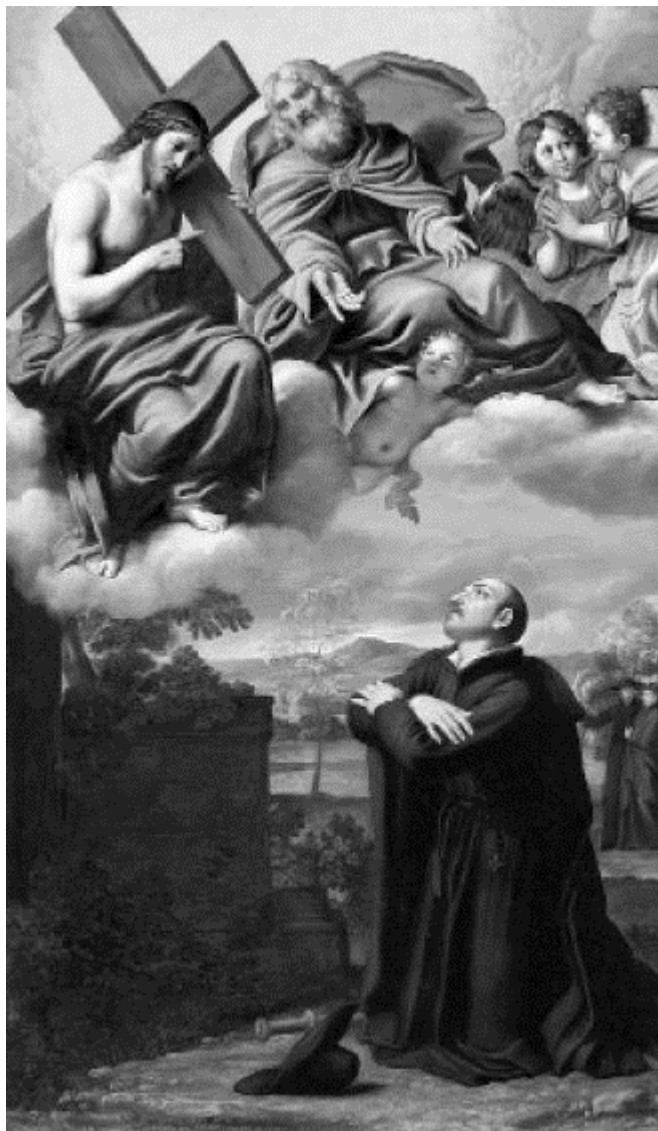
В том же 1536 г. он перебрался из Базеля в итальянскую Феррару и недолгое время жил при дворе герцогини Феррарской Рене, дочери французского короля Людовика XII. Это была одна из тех редких женщин, что приняли Реформацию. Находиться в Италии, относительно недалеко от Рима, от центра инквизиции, было опасно. И Кальвин вернулся в Швейцарию. Он жил в Женеве, затем вновь в Базеле, наконец в 1539 г. поселился в Страсбурге, где принял гражданство, записавшись в цех портных. Принадлежность к цеху была обязательным условием страсбургского гражданства.

В Страсбурге Кальвин пришел к мысли о необходимости завести семью. Он писал другу: «Ищу невесту. Мне может понравиться только женщина кроткая, скромная, бережливая, хорошая хозяйка, заботящаяся о здоровье своего мужа». Ему предлагали в невесты красивую состоятельную девушку. Его смутили ее красота и богатство. Но он

нашел деликатную форму отказа: заявил, что женится только тогда, когда она выучит французский язык. Девушка обиделась, и брак не состоялся.

Но подходящая кандидатура все-таки нашлась. Это была Иделетта Штордер – бедная вдова с тремя детьми. Она точно соответствовала программе Кальвина: была заботлива, скромна, трудолюбива, никто слова худого о ней сказать не мог.

Иделетта родила мужу трех детей, но все они умерли в младенчестве, что не могло не озадачить современников и самого Кальвина. Ведь он, разоблачая ошибки Католической церкви, говорил от имени Бога. Почему же Бог не спасал его детей? Кальвин нашел всему разумное объяснение: «Бог дал, Бог взял. Пускай мои враги видят в этом наказание Божие. Разве у меня нет тысяч детей в христианском мире?» Ничто не могло его остановить – ни бедность, в которой жила семья, ни смерть жены, скончавшейся в 1549 г. Он был уверен, что стал провозвестником истинного учения.

Доменикино. Святой Игнаций Лойола. 1622. Музей искусств округа Лос-Анджелес, Лос-Анджелес

Неизвестный скульптор. Сенека, часть двойного портрета с Сократом. Античное собрание, Берлин

Изгнанный однажды из Женевы, Кальвин вернулся туда вместе с новым соратником Фарелем и стал членом Малого совета – консистории, управлявшей городом. Современники говорили, что Женева начала превращаться в протестантский Рим. В 1559 г. Кальвин даже основал протестантскую академию.

В теории Кальвин был против абсолютизма и любой жесткой власти, но его безусловный авторитет сделал его тираном. Это доказывает самый печальный эпизод его жизни – прямое участие в 1553 г. в расправе с Мигелем Серветом. Это был испанский мыслитель, врач, математик, правовед, географ, издатель и комментатор «Географии» Птолемея – истинный человек Возрождения. Сервет не выступал ни за католицизм, ни за Реформацию. Он был пантеистом и утверждал, что Бог и природа тождественны, Христос – человек, а учение о Троице ложно. За эти греховные мысли его преследовали и католики, и протестанты.

Между Серветом и Кальвином начались горячие письменные дебаты. Видимо, Кальвина не только возмущало отступничество Сервета – задевала сама его личность, во всем ему противоположная. Сухой, аскетичный, мрачный Кальвин, который осуждал пышные прически и требовал разбивать зеркала, чтобы они не вводили в грех, не мог выносить своего красивого, обаятельного, доброго, веселого оппонента.

Франсуа Клуэ. Маргарита Наваррская. Дата неизвестна. Национальная библиотека Франции, Париж

Неизвестный художник. Реформация. Ок. 1683. Национальная портретная галерея, Лондон

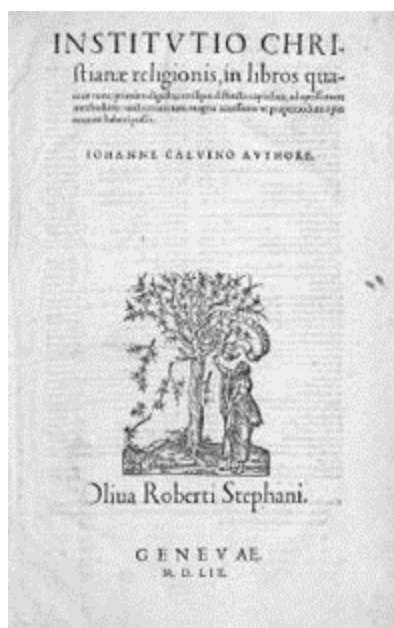
Сервет был приговорен в Вене судом инквизиции к казни, но ему удалось спастись. Почему по пути в Италию он приехал в Женеву? Видимо, потому, что в это время против Кальвина объединились так называемые либертины – оппозиция, добивавшаяся освобождения от духовных оков. Далеко не всем женецам нравилось, что им запретили петь, танцевать, устраивать пирушки, посещать театры, нарядно одеваться.

Члены консистории обязаны были надзирать за жизнью каждого члена общины. Они могли явиться в любой дом и проконтролировать, чем там занимаются. Начались судебные расправы. Применялись пытки.

И в такой обстановке появился жизнерадостный и независимый Сервет. Его узнали, и секретарь Кальвина доложил начальнику о его появлении. Сервет был схвачен. Его содержали в адских условиях и страшно мучили. Кальвин принимал активное участие в суде, который приговорил Сервета к сожжению на костре. Либертины просили как о милости, чтобы ему отсекали голову.

Но его все же сожгли на медленном огне, связав мокрыми веревками и положив в костер мокрые дрова. А еще туда добавили его собственные книги. А Сервет даже в последние минуты не терял иронического взгляда на мир. Он сказал: «Вы отобрали у меня столько денег, что могли бы купить сухие дрова».

Расправа с Серветом – страшное пятно на биографии Кальвина. У него была колоссальная духовная, да и политическая власть. В Женеву приезжало очень много эмигрантов-протестантов, бежавших от преследования со стороны католиков, и все шли к нему на поклон. Он превратился в их глазах в некое протестантское божество. В выигрыше было и женевское купечество: с ростом числа приезжих оживилась торговля. При всей строгости бытового поведения финансово город процветал. Но жить там делалось все страшнее: при Кальвине было вынесено 58 смертных приговоров, принято 76 решений об изгнании тех, кто себя неправильно вел.

Жан Кальвин. Наставление в христианской вере (главная работа Кальвина). 1559. Этническая библиотека христианской классики,?

Жан Бафье. Сервет. 1908. Франция, Париж

Иногда доходило до смешного. Специально нанятые люди, которые следили по поручению консистории за тем, кто чем занимается, подглядели за какими-то плотниками, которые во время обеда позволили себе съесть слишком много сладких булочек. Им вынесли порицание за неумеренность.

Всякий фанатизм страшен. Но фанатизм Кальвина был еще и в некотором смысле самосожжением. Перечисление болезней этого человека просто пугает. Он с детства страдал мигренями. Может быть, это стало результатом постоянного умственного перенапряжения. Его мучила лихорадка (так в те времена называли чуть ли не любую болезнь). Была у него и подагра. С годами появилась одышка. Есть подозрение, что он был болен туберкулезом.

6 февраля 1564 г. Кальвин не смог завершить проповедь: у него пошла горлом кровь. Его унесли домой. Господь не послал ему легкой смерти – до 27 мая он мучительно умирал и наконец отошел, заранее приняв все христианские обряды в той форме, которую считал правильной.

Похороны, по его завещанию, были скромными. Наследство, оказавшееся мизерным (в основном это были книги), досталось племянникам.

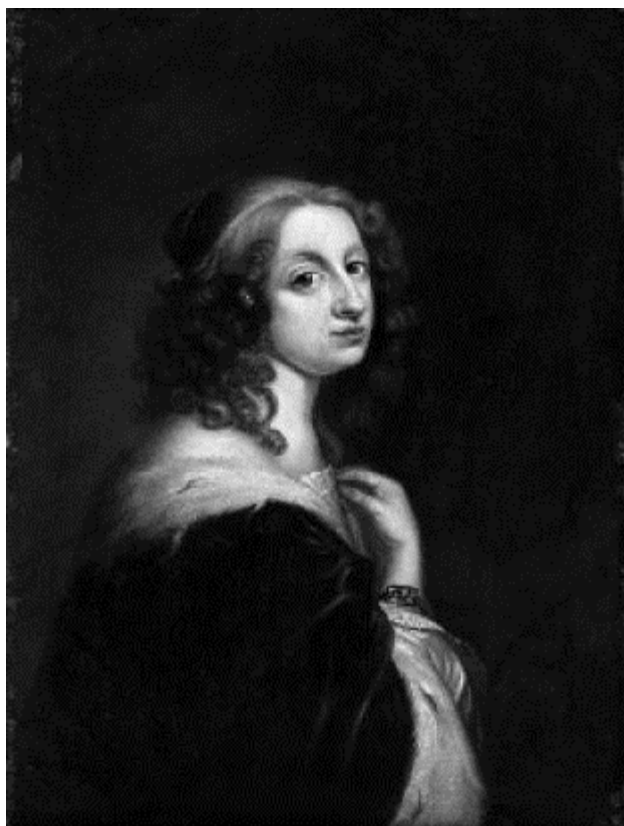
Кальвин ушел, но остались тысячи общин, которые он основал. Под знаменем его идей в Нидерландах велась борьба за свободу от испанского владычества, а в следующем столетии армия Оливера Кромвеля в Англии шла в бой, распевая протестантские псалмы. Кальвинистами были и многие из первых американских колонистов. Протестантские лозунги сыграли важную роль и в выступлениях французских мыслителей XVIII века против крайностей абсолютизма. Трудно сказать, каким все-таки был Жан Кальвин – «хорошим» или «плохим», но его роль в мировой истории нельзя недооценивать.

**Кристина
Королева Шведская**

XVII столетие, на середину и вторую половину которого приходится жизнь королевы Кристины, – очень важное время в истории Северной Европы. Именно тогда этот регион, бывший в Средние века несколько в тени, вышел на большую международную арену.

Откуда мы черпаем сведения о королеве Кристине? Сохранилась и опубликована ее обширная переписка, а также четыре тома мемуаров. В Новое время и эпистолярный, и мемуарный жанр стали чрезвычайно популярными. Научная литература, посвященная шведской королеве, обширна только на немецком и шведском языках, на русском она гораздо беднее. Есть интересный очерк Е.М. Гаршина (младшего брата знаменитого писателя) «Королева Христина Шведская», опубликованный в «Историческом вестнике» в 1889 г. Интересная книга Б.Н. Григорьева «Королева Кристина» вышла в 2012 г. в малой серии «ЖЗЛ». Правда, автор, увлеченный своим персонажем, несколько его идеализирует, но это даже по-своему трогательно.

Много полезного можно почерпнуть из книг и статей, посвященных истории Швеции. В отечественных работах советского времени, серьезных и фундаментальных, почти нет личностей. А вот в трудах, переведенных со шведского, речь идет не только об исторических процессах, но и об отдельных людях, в том числе и о королеве Кристине. Например, в 2002 г. издана на русском языке книга Я. Мелина, А.В. Юханссона и С. Хеденборг «История Швеции».

Дэвид Бэк. Портрет королевы Кристины. ок. 1650. Королевская сокровищница, Стокгольм

Кристина Шведская – неразгаданная историческая фигура. Мятущаяся личность, толковать которую можно очень по-разному. Одно не вызывает сомнений: она была человеком ярким и харизматичным.

Она встречалась со многими знаменитыми заметными людьми своего времени: Анной Австрийской, кардиналом Мазарини, юным Людовиком XIV, папой римским и императорами германскими – и была в центре многих важных событий западноевропейской истории. А еще она приходилась двоюродной тетей Карлу XII, сыгравшему заметную роль в истории русской.

Родилась Кристина в 1626 г. Ее отец – великий король и яркий полководец Густав II Адольф, внук основателя династии Густава I Вазы. Прадед Кристины Густав Эрикссон – аристократ, возглавивший народное восстание против датской власти в Швеции. В 20-х гг. XVI века он был избран королем. И с него же началось движение к абсолютизму.

Себастьян Бурдон. Королева Кристина. Неизвестная дата. Национальный музей Швеции, Стокгольм

Густав II Адольф, ставший королем в 1611 г., был сыном предыдущего короля – Карла IX, также избранного шведским парламентом – Риксдагом. Шведский парламент возник в XV веке, относительно поздно для Западной Европы, зато в нем были представлены четыре сословия: дворяне, духовенство, горожане и крестьяне. В Швеции не сложилось крепостного права, и в состав Риксдага входили свободные крестьяне. Они были бедно одеты, грубовато себя вели, не умели изысканно выражаться, но имели право голоса на заседаниях парламента. Когда Кристина была маленькой девочкой, кто-то из этих неотесанных мужиков потребовал, чтобы им показали дочку великого короля. Ничего подобного и вообразить нельзя было ни в Англии, ни во Франции.

Мать Кристины – Мария Элеонора, дочь курфюрста Бранденбургского. Густав II Адольф любил ее, но был уверен, что его жена не может одновременно заниматься и государственными делами, и воспитанием дочери. Супруга короля жила среди придворных сплетен, собирала рецепты снадобий для кожи лица.

Король беспокоился о наследнике. Его предки были избранными монархами, но такая власть всегда имеет тенденцию перерасти в наследственную. Постоянно воюя, Густав Адольф сознавал, что в любой момент может быть убит, и был озабочен вопросом передачи престола. Поскольку Мария Элеонора совершенно не годилась для участия в государственных делах, а борьба за власть не прекращалась, король надеялся на рождение сына. Но 8 декабря 1626 г. родилась девочка. Она выглядела несколько необычно. Сама Кристина писала: «Я родилась в сорочке, с волосами на тельце, и закричала грубоватым для младенца басом». Повитухи успели даже прокричать: «Мальчик!», и по дворцу разнеслась весть о наследнике. Потом Густаву Адольфу боялись сказать правду. Вместо этого молча вошли в зал, держа младенца так, чтобы пол был очевиден.

Рождение в сорочке – знак великого счастья. То же говорили и льстивые придворные астрологи. Трудно сказать, ждало ли Кристину счастье. Но необыкновенная судьба – несомненно.

Детство Кристины было во многом предопределено тем, что отец велел воспитать ее как мальчика. В завещании он уточнил: и вне влияния матери. В 1630 г., когда девочке было четыре года, Густав Адольф отправился на войну, с которой не вернулся. Он был убит 16 ноября 1632 г. в битве при Лютцене – одном из сражений Тридцатилетней войны.

В Швеции реформу церкви провел Густав I Ваза. Страна приняла лютеранство, причем гораздо более последовательно, чем разделившаяся на католические и протестантские княжества Германия.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. была событием общеевропейским. Сражались две коалиции. Одна сторона конфликта – испанские и австрийские Габсбурги в союзе с папством, католическими княжествами Германии и Польско-Литовским государством. Другая – протестантские княжества Германии, Франция, Швеция, Голландия, Дания, Чехия, Трансильвания и православная Россия. По сути это была борьба за территории: каждое государство стремилось урвать себе какие-то куски.

Густав Адольф прославился на четвертом, предпоследнем этапе войны, который называют шведско-русским. Швеция вторглась в Северную Германию в борьбе за господство на Балтийском море. Были одержаны важные победы. Например, Густав Адольф занял Мюнхен и Прагу. Швеция заявила о себе как о великой державе.

Война завершилась уже после гибели Густава Адольфа. Вестфальский мир 1648 г. был максимально выгоден для Швеции: она получила земли в устьях рек, протекающих по территории Германии. Франция приобрела земли в Эльзасе. Для России же война оказалась неудачной: страна осталась отрезанной от Балтики. Но все это произошло значительно позже.

А пока канцлер Аксель Оксеншерн привез в Швецию останки Густава Адольфа и завещание короля. Мария Элеонора долгое время не давала похоронить тело мужа. Во дворце была создана траурная обстановка: задернуты занавески, все придворные в черном... Над кроватью, на которой она в средневековых традициях спала вместе с дочерью, в специальном золотом сосуде было размещено сердце покойного Густава Адольфа. Девочка оказалась в атмосфере безумия.

Еще до отъезда на войну Густав Адольф добился присяги от представителей всех сословий: они обязались в случае его гибели быть верными Кристине. Но теперь наследницу надо было подготовить к новому статусу. Аксель Оксеншерн имел от короля строгие инструкции, касавшиеся того, как организовать ее воспитание и образование.

Был создан регентский совет, привлечены родственники. Кристину поселили во дворце тети – Катарины, герцогини Пфальц-Цвейбрюккена. Здесь к девочке хорошо относились и серьезно занимались ее образованием. Учеба давалась ей легко. Она свободно владела восемью языками, включая древнегреческий и латынь, знала наизусть античные и религиозные тексты. Достижения Кристины становились достоянием общественности: сообщалось, например, что наследница выучила наизусть речь Катона на латинском языке и прекрасно ее декламирует. То, что образование имело такую значимость, ярко свидетельствует о приближении эпохи Просвещения.

Абрахам Вухтерс. Портрет Кристины, королевы Швеции. 1661. Замок Скоклостер, Швеция

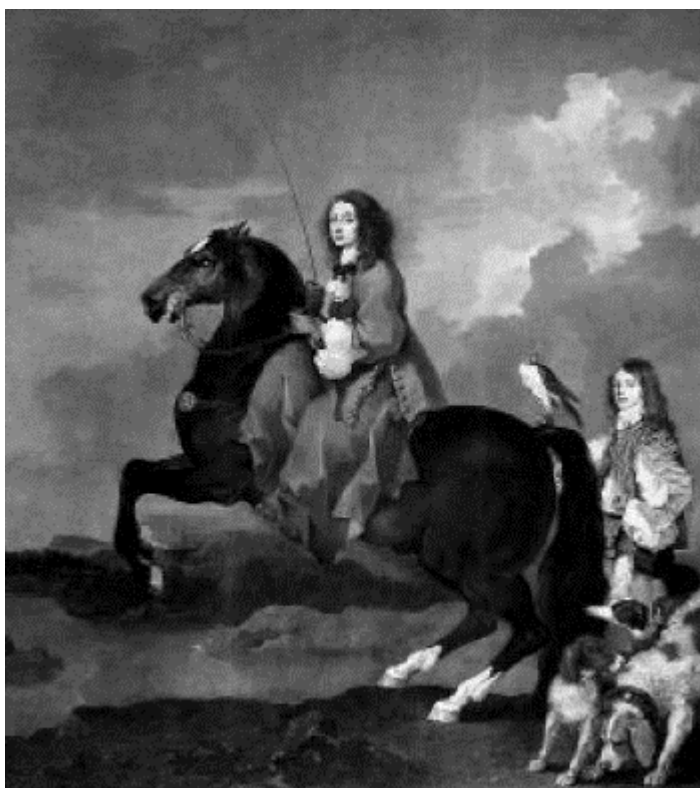
Аксель Оксеншерн – былой соратник Густава Адольфа, представитель древнего аристократического рода, ответственный за воспитание наследницы, отнесся к делу очень добросовестно. Он ежедневно по три часа читал Кристине лекции по праву. Девочка не была от этого в восторге. Она гораздо больше любила верховую езду, стрельбу и охоту (ведь ее воспитывали как мальчика).

Тем не менее привычка к регулярным серьезным занятиям дала о себе знать, когда через несколько лет ко двору 24-летней Кристины по ее приглашению прибыл великий мыслитель Рене Декарт. По желанию королевы он каждый день приходил к ней в пять утра для трехчасовой философской беседы. Так прошли последние три месяца его жизни.

А пока Кристина только готовилась к правлению. Одним из образцов для нее стала Елизавета I Английская, чье жизнеописание она внимательно прочитала. Несмотря на то что Кристина родилась через двадцать три года после кончины британской королевы, между ними было немало общего. Кристину, вероятно, вдохновлял образ королевы-девственницы, которая принадлежит исключительно своей стране.

В юности Кристина нередко надевала мужской костюм, мало занималась прической. Это отражают ее портреты: кудри свободно разбросаны по плечам, что совсем не характерно для эпохи. Не было у Кристины и расположения к женским занятиям. Она вспоминала: «Я испытывала непреодолимое отвращение ко всему тому, о чем дамы говорили и что они делали. Я оказалась совсем непригодной к женской ручной работе... И не было никакой возможности изменить меня».

В 1644 г., когда Кристине исполнилось восемнадцать лет, регентство во главе с Акселем Оксеншерной объявило ее совершеннолетней. По этому поводу состоялась торжественная церемония. В мемуарах Кристина писала: «Я, помню, восхищалась тем, как все припали к моим ногам и целовали мою руку». Особенно ее поразило, что тетя Катарина, которую она любила и почитала, и муж тетки Юхан Казимир тоже припали к ее ногам. К девушке пришло понимание того, что она находится выше всех остальных.

Себастьян Бурдон. Конный портрет Кристины, королевы Швеции (1626–1689). 1653. Национальный музей Прадо, Мадрид

С 1644 г. Кристина пыталась участвовать в управлении государством. Она стала открыто ссориться с Оксеншерной. Причем он, опытный политик, скорее всего был во многом прав. Но Кристина чувствовала, что он не свободен от соблазна навсегда оставить реальную власть за собой.

Тридцатилетняя война подходила к концу, готовился Вестфальский мирный конгресс. Кристина пожелала в нем участвовать. Позже она обронила, что была чуть ли не творцом Вестфальского мира. Это явное преувеличение. Но ясно, что она ощутила себя политической фигурой. А реализоваться ей было трудно: назначенный ее отцом регент правил разумно и способствовал превращению Швеции в мировую державу.

Кристина занялась обеспечением пышности королевского двора. Она тратила огромные средства на картины, статуи, дорогую мебель. По утверждению Е.М. Гаршина, собирая коллекцию картин, среди которых были работы Корреджо и Рафаэля, Кристина испортила некоторые шедевры: по ее приказу их обрезали, чтобы уместить в плафоны.

В то же время Кристина начала собирать одну из лучших в Европе библиотек: тысячи книг, а также 8000 редких рукописей, в числе которых несколько уникальных.

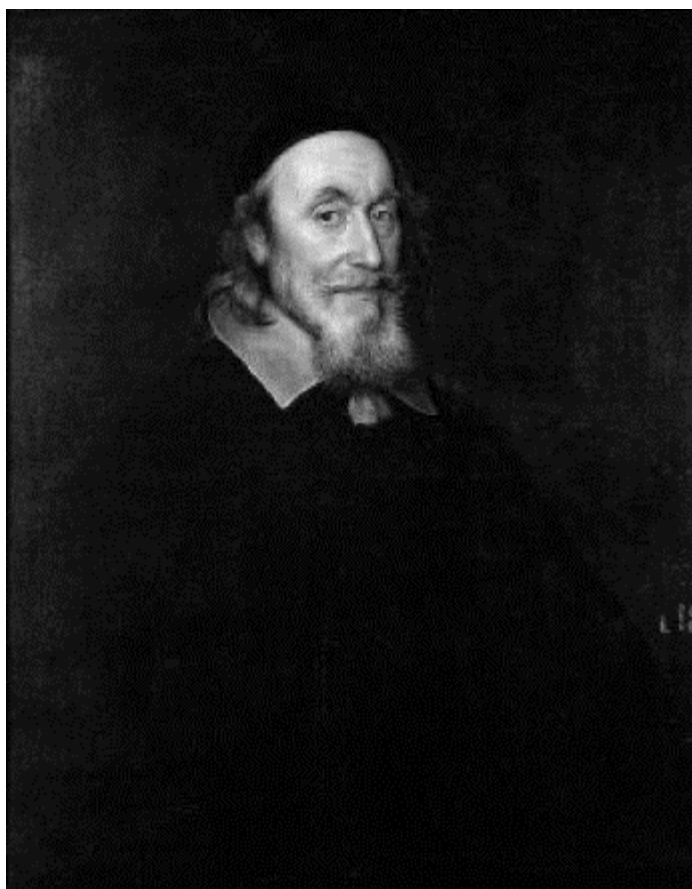
Кристина стремилась окружить себя интеллектуалами: она не только пригласила Декарта, но и переписывалась с его оппонентом Пьером Гассенди, который был склонен к эпикурейству. Эти взгляды оказались близки Кристине. Среди ее афоризмов есть и такой: «Человек должен жить в свое удовольствие: есть, пить и петь».

Придворные льстецы сравнивали Кристину с римскими богинями Минервой и Дианой. Она щедро раздавала награды и пенсии. У нее появились фавориты – в основном молодые привлекательные мужчины, но не только. Ходили слухи, что аристократка Эбба Спарре, с которой Кристина увлеченно переписывалась, не просто подруга, а нечто большее.

Михиль ван Миревельт. Мария Элеонора Бранденбургская, королева Швеции. 1619. Национальный музей Швеции, Стокгольм

В двадцать лет Кристина приблизила к себе полковника графа Магнуса Габриэля Делагарди, красавца, наполовину француза. При дворе его ненавидели. Потом появился устроитель праздников французский врач Бурделло, который очень глубоко запустил руки в шведскую казну. Но в стране было сильное общественное мнение, и Кристину вынудили удалить зарвавшегося фаворита.

Дэвид Бэк. Портрет Акселя Оксеншерны. ок. 1647–1651. Королевская сокровищница, Стокгольм

Кристина будто не замечала серьезных трудностей, прежде всего финансовых, с которыми сталкивалась послевоенная Швеция. Казалось, жизнь наследницы шведского престола так и пройдет в увеселениях и громких самовосхвалениях.

Все это оставалось неизменным и после того, как в 1650 г. 24-летняя Кристина была наконец коронована. Она стала королевой Кристиной Августой. По этому случаю были устроены пышные балы. И вдруг в 1654 г., в возрасте двадцати восьми лет, Кристина официально объявила, что отрекается от короны в пользу своего двоюродного брата Карла Густава, уже пять лет как назначенного ее наследником. Кузен был одним из

фаворитов Кристины. В возрасте семнадцати-восемнадцати лет она писала ему пылкие нежные письма, на которые он вроде бы отвечал только дружбой.

Себастьян Бурдон. Портрет Эббы Спарре. ок. 1653. Национальная галерея искусства, Вашингтон

Почему же Кристина решилась на отречение? Видимо, ее разочаровало то, с чем пришлось иметь дело, когда она попробовала реально править. Относительно недавно, в 1648 г., был заключен Вестфальский мир. Швеция получила много новых земель, новых подданных, а значит, новых налогов. Но все равно казна была опустошена войной. Кристина начала щедро раздавать земли подданным. Она хотела опереться на среднее и мелкое дворянство – это было очень умно. Но мощное ядро аристократии не желало сдавать позиции и возражало против такой политики. Королеве противостоял государственный совет – Риксрод. Периодически бунтовало крестьянство.

Излишняя пышность придворной жизни не нравилась большинству подданных в строгой лютеранской Швеции. Общественное мнение было недовольно женским правлением, принимая Кристину только как дочь великого отца. Камнем преткновения стал вопрос о замужестве: королева категорически отвергала саму идею вступления в брак. Она заявила, что лучше отречется от престола, чем выйдет замуж.

Наверное, ее вдохновлял пример великой незамужней королевы – Елизаветы I. Кристина стремилась быть похожей на нее во всем, порой даже в жестокости расправы с врагами. Ведь казнила же Елизавета Марию Стюарт! Нечто подобное сделала и Кристина в так называемом деле Мессениусов. В 1651 г. отец и сын Мессениусы, профессор и придворный историограф, были заподозрены в оскорблении высоких особ. Кузен и наследник Кристины Карл Густав получил анонимный пасквиль, в котором и он сам, и Кристина были представлены в отвратительном карикатурном виде. Было проведено стремительное расследование. Какой-то писец из канцелярии указал на младшего Мессениуса – якобы тот продиктовал ему этот текст. По приговору, видимо подписанному Кристиной, отца и сына казнили: одному отрубили голову, другого в это же время четвертовали в другом конце Стокгольма. Наверняка Кристине казалось, что такое решение укрепляет ее власть.

Себастьян Бурдон. Король Карл X Густав. Неизвестная дата. Национальный музей Швеции, Стокгольм

Якоб Хофнагель. Густав II Адольф, король Швеции. 1624. Королевская сокровищница, Стокгольм.

Но в конце концов, пометавшись между государственной деятельностью и веселым двором, она отеклась от престола в пользу Карла Густава. Это был полный, несколько вялый человек. Он принял решение Кристины спокойно, отчаянно к трону не рвался. Прошла официальная процедура передачи власти. Был составлен документ, по которому Кристина получила достаточно богатые земли в Померании, которые должны были ее обеспечивать. Необычен такой пункт: королева, которая добровольно слагает с себя корону, сохраняет за собой право выносить приговоры в отношении всех членов и слуг ее двора, в том числе и в других странах.

За этим в жизни Кристины последовали, говоря условно, шесть лет свободы – с 1654 по 1660 г. Она уехала в путешествие. Есть версия, что границу с Норвегией она пересекла верхом, в мужском костюме с криком: «Ура, ура, свобода!» Кристина посетила Норвегию, Данию, Германию, Голландию, Францию, Италию. Она стала объектом жадного интереса и толпы, и сильных мира сего. Поведение ее было несколько эпатажным. Особенно поразительны ее публичное отречение от протестантизма и переход в католическую веру в декабре 1654 г. А ведь отец Кристины сражался в Тридцатилетней войне на стороне протестантов! Брюссель, где совершился религиозный переход Кристины, был под властью католической Испании. Но не

исключено, что она тайно приняла католичество раньше, а здесь лишь объявила о своем поступке.

Гуверт Диркш Кампхусен. Замок «Три короны». 1661. Частная коллекция

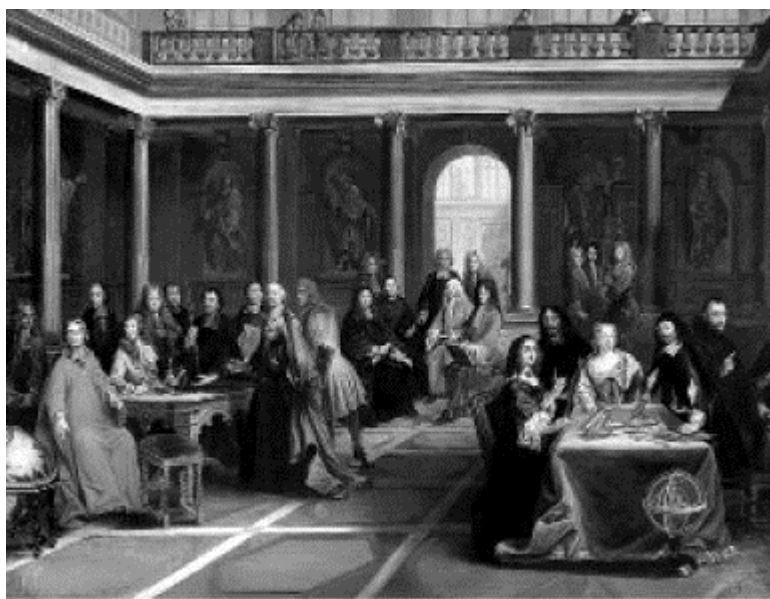

Карл Уолбом. Битва при Лютцене, смерть короля Густава II Адольфа 16 ноября 1632. 1855. Национальный музей Швеции, Стокгольм

С чем связано это странное решение? Безусловно, некую роль сыграло то, что Швеция была католической несколько веков, пока Густав Ваза не провел реформацию сверху. Но главное – Кристина, наслушавшаяся льстецов, которые называли ее самой интеллектуальной женщиной Европы, и сама поверила в свой исключительный ум. А ею тем временем стали тихо манипулировать те, кто представлял западноевропейскую контрреформацию.

За несколько лет до отречения к ней под видом экспертов-антикваров, прибывших для оценки ее коллекции, проникли отцы-иезуиты. Это были люди весьма образованные, а Кристина со времен общения с Декартом любила философские беседы. Иезуиты объясняли ей, что католицизм – вера ее предков. К тому же Кристина была поклонницей латинской, итальянской культуры и не особенно чтит лютеранскую мораль.

Временами появлялись послы императора Священной Римской империи, представлявшие католические княжества Германии. Еще одним агентом влияния стал испанский посол, генерал Антонио Пимантелли дель Прадо, тоже активный сторонник укрепления католической церкви. Ходили слухи, что у Кристины с ним был роман. Впрочем, ее романы – это чаще всего восторженные философские беседы.

Нильс Форсберг (1842–1934), автор оригинала – Пьер Луи Думениль Младший (1698–1781). Диспут королевы Кристины и Рене Декарта. 1884. Местонахождение неизвестно

Переход Кристины в католичество стал одной из главных европейских новостей, а сама она – популярнейшей фигурой. Она получила приглашение от римского папы Александра VII посетить Рим – центр католичества. Ей был устроен роскошный въезд в город. Кристина очень любила подобные торжественные церемонии.

Кристина получила от Александра VII очень хороший пенсioen. Это было важно: со времени ее отречения прошел год, а Швеция не очень аккуратно выплачивала то, что причиталось бывшей королеве в качестве доходов от ее владений. Папа дал Кристине новое имя – Мария Александра.

В следующем, 1656 г. ее пригласили во Францию. Это было время регентства Анны Австрийской при юном Людовике XIV и реальной власти кардинала Мазарини. Этот хитрый и дальновидный политик устроил Кристине торжественную встречу. У него явно были связанные с ней планы. Наверное, он хотел использовать ее в дипломатических переговорах как известную фигуру, принимаемую разными сторонами.

В эти годы юный Людовик был безумно влюблен в племянницу Мазарини Марию Манчини, причем кардинал был против этого союза. Людовик поделился своими чувствами с Кристиной, а та сказала: «Ваше Величество, слушайте, своего сердца». Этот совет не пришелся по вкусу ни Мазарини, ни Анне Австрийской. Внутренняя свобода Кристины смущала и раздражала окружающих. Ей намекнули, что теперь она уже не такая желательная фигура во Франции.

Некоторое время Кристина продолжала красиво и свободно жить в предоставленном ей дворце Фонтенбло, но в ноябре 1657 г. она стала персоной нон грата. Это было связано с событием, которое одни называют казнью, а другие – убийством. По приказу Кристины был казнен ее молодой придворный, обер-шталмейстер маркиз Мональдески. История эта очень запутанная, но сохранилось свидетельство приора монастыря Лебея, который был очевидцем и безуспешно пытался выступить посредником между бывшей королевой и осужденным, причем осужденным без суда.

Неизвестный художник. Мария Элеонора Бранденбургская, королева Швеции. ок. 1630. Местонахождение неизвестно

Гнев Кристины вызвали некие письма Мональдески, в которых он позволил себе дурно о ней отозваться. Какие отношения этому предшествовали – точно неизвестно. Автор писем во всем сознался и каялся. Но Кристина, сохранившая право выносить приговоры в отношении всех членов и слуг ее двора, в том числе за рубежом, хладнокровно приказала его убить. Так называемая казнь состоялась прямо во дворце Фонтенбло. Осуществил ее один из испанских слуг королевы – неумело, неловко, не с первого раза.

После этого Кристине было дано понять, что она должна покинуть Францию. Она вернулась в Рим и пыталась предаться прекрасным деяниям, например, содействовала открытию первой общедоступной оперы и материально поддерживала композиторов. Кристина расширяла свою коллекцию картин и библиотеку, которую позже завещала папе римскому.

К 1660 г. мода на Кристину пошла на убыль. Долги, напротив, росли. У бывшей королевы сохранялась привычка жить на широкую ногу, а средства из Швеции поступали все менее регулярно.

К тому же Кристина поссорилась с новым папой Иннокентием XI, человеком действительно очень непростым. Она горделиво заявила, что он не оказал ей должные знаки внимания, а папа в ответ пригрозил лишить ее пенсии. Именно в это время в Швеции внезапно умер король Карл X – тот самый кузен, которому она передала престол. Его сыну, тоже Карлу, было только четыре года. Придворные поторопились провозгласить ребенка королем. Те, кто борется за власть, очень любят, чтобы на троне был малолетний правитель, – это дает им полную свободу.

Гордость Кристины была задета, и она попыталась вернуться на свой покинутый престол. Безумная затея! Ведь она стала католичкой и не могла править лютеранской Швецией. Конечно, ее решительно отвергли.

Через семь лет Кристина еще раз попробовала отстранить Карла XI от власти, но ей просто запретили въезд в Швецию. Это был страшный удар для такой независимой натуры. У немолодой уже Кристины появилось страстное желание получить хоть какую-нибудь корону. Наверное, ей было необходимо доказать всем и себе самой, что она не просто так называется королевой.

По рекомендации римского папы она выставила свою кандидатуру для избрания на польский престол. Поляки были ошеломлены. Им совершенно не подходила женщина, да еще и с такой своеобразной репутацией. Ей напомнили в письме об убийстве

в Фонтенбло, на что она ответила вопросом: какое дело Польше до смерти какого-то итальянца? Конечно, ее кандидатура была отвергнута.

После этого она совсем уже умозрительно помышляла о короне Неаполитанского королевства. У нее стали появляться безумные проекты. Например, она просила Францию и Германию дать ей войско, чтобы вторгнуться в Померанию, на те земли, которые ей отписала Швеция и с которых она получала все меньше доходов. Не исключено, что к этому моменту в психике Кристины стала проявляться тяжелая наследственность по женской линии.

На склоне дней Кристина сделала объектом своей любви и адресатом пылких писем кардинала Децио Аззолино. Она считала, что он похож на Александра Македонского. Но этот красавец вовсе не был героем. Когда умирающая Кристина была почти без сознания, он заставил ее подписать документ, по которому к нему перешли ее основные богатства, в том числе – бесценные коллекции.

Кристина Шведская умерла 19 апреля 1689 г. Папа Иннокентий XI политически грамотно все ей простил. Для него важнее всего было то, что она в условиях реформации перешла в католичество. Ее похоронили в Риме, в Соборе Святого Петра. Прах ее покоится там и сейчас.

Странная биография Кристины точно отражает эпоху. Эта яркая, независимая, мятущаяся натура, этот мучительный поиск свободы свидетельствуют о том, что мир изменился, наступило Новое время, и Просвещение уже стучалось в дверь.

Полководец Мориц Саксонский «Синдром бастарда»

Мориц Саксонский – блестящий полководец начала Нового времени. Он жил в 1696–1750 гг., то есть был современником Петра I. И его биография определенным образом связана с русской историей.

Его происхождение высокое, но не королевское: Мориц – сын курфюрста Саксонского. Курфюрст в Германии – это то же, что герцог в Англии или Франции. Это человек с королевской кровью и имеющий право носить корону.

Именно курфюрсты избирали императора в германских землях. Отсюда и происхождение слова: KÜR – «выбор» и Fürst – «князь». Коллегия курфюрстов существовала с XIII века. В нее входило в разное время от девяти до шестнадцати человек. Право избирать императора официально закреплено за ними в 1356 г. Карлом IV Люксембургским в Золотой булле. Саксонские правители стали курфюрстами в 20-х гг. XV века.

В 1697 г. отец Морица стал королем Польши под именем Августа II Сильного. Кстати, большую физическую силу он передал и сыну: о мальчике рассказывали, что он сжимал подкову одной рукой, а толстый гвоздь без напряжения превращал в штопор. Курфюрста Августа избрали польским королем, когда он прибыл в Польшу с хорошим войском. В 1706 г. он под давлением политических противников отрекся от престола и признал королем Станислава Лещинского, родственника правящего французского дома. А в 1709 г. его, своего союзника в Северной войне, вернул к власти Петр I.

Мать Морица – Аврора фон Кенигсмарк, представительница одной из знатнейших германских фамилий. Мальчик был рожден вне брака. У курфюрста Августа было очень много внебрачных отпрысков: называли фантастические цифры – от 50 до 250. Морица он признал официально. Тем не менее жизнь сына во многом предопределил «синдром бастарда» – мучительное стремление доказать, что ты ничем не хуже законных детей.

Август Сильный был знаменит также как величайший коллекционер антиквариата и произведений искусства. Его коллекции сравнивали с сокровищами флорентийских Медичи. Например, у него хранился самый крупный в мире зеленый бриллиант.

Для признанных бастардов единственно возможной считалась военная карьера. В двенадцать лет Мориц, получивший дома начальное образование, был отправлен прапорщиком в саксонскую пехоту. Он попал под командование великих полководцев Евгения Савойского и английского принца Мальборо. Это была уже не рыцарская армия Средневековья, а новая – с огнестрельным оружием и артиллерией. Морица всю жизнь интересовали вопросы военного искусства, и в конце жизни он посвятил им несколько трактатов.

В тринадцатилетнем возрасте Мориц прошел пешком от Дрездена до Фландрии (нынешней Бельгии). Там разворачивались боевые действия союзных государств (Англии, Австрии и Голландии) против Франции. Это была так называемая война за испанское наследство. Франция стремилась стать абсолютным мировым лидером. Людовик XIV добился испанского трона для своего внука Филиппа V Бурбона. Стала крылатой фраза «Пиренеев больше нет». С этим не могли смириться Габсбурги, также претендовавшие на мировое господство.

Жан-Этьен Лиотар. Портрет Морица Саксонского. 1748. Рейксмюсеум, Амстердам

В 1710 г. Август Сильный отправил Морица в русскую армию. Четырнадцатилетний офицер воевал в Прибалтике, участвовал во взятии Риги. А в 1711 г., когда Морицу исполнилось пятнадцать лет, отец дал ему титул графа Саксонского. Это было отнюдь не мало, если принять во внимание значимость саксонских земель. В этой области развивались такие важные отрасли экономики, как добыча серебра и производство мейсенского фарфора. В саксонских городах уже существовали университеты: с 1409 г. в Лейпциге, с 1502-го – в Виттенберге. Именно там в 1517 г. началась деятельность Мартина Лютера, возник центр протестантизма.

Луи де Сильвестр. Август II Сильный. ок. 1718. Национальный музей, Познань

К семнадцати годам Мориц был уже полковником, но он стремился к большему. Известно, что он интересовался у отца: не отдаст ли тот ему корону герцога Курляндского? Но курфюрст Август ограничился тем, что купил Морицу должность командира полка в Германии, где тот честно дослужился до бригадного генерала. Современники отмечали его ретивость в сочетании с организованностью и дисциплиной.

Вероятно, Мориц в юности уже был бы не прочь послужить в сильной французской армии, но приглашения от Людовика XIV так и не получил. Король стал к концу жизни очень религиозен и, как истинный католик, не доверял иностранцам-протестантам. Да и слишком сильных и ярких личностей Людовик XIV рядом с собой не терпел.

Неизвестный автор. Портрет Адриенны Лекуврёр. ок. 1725. Музей изобразительных искусств и археологии, Шалон-ан-Шампань

Полковнику Морицу было семнадцать лет, когда его насильственно женили на четырнадцатилетней богатейшей наследнице графине фон Лебен. Он тогда вряд ли вообще хотел связывать себя семейными узами. Ему нравились все женщины, он нравился им. Он вел себя демонстративно беспутно и много лет добивался расторжения брака. Только в 1721 г. брак был признан недействительным на довольно странном основании: Мориц растратил богатейшее приданое жены. В католической стране такая логика была бы невозможна, но протестантизм в сочетании с идеями молодой буржуазии вполне допускает толкование бездумной траты денег как преступления.

В то же время дух рыцарской эпохи был еще жив. Такие полководцы, как Мориц Савойский, высоко ценили эффектные жесты, громкие фразы, красивые костюмы и прочую рыцарскую атрибутику. Он и деньги тратил красиво, но неразумно.

Луи Никола ван Бларенберг. Битва при Фонтенуа, 11 мая 1745 года. 1779. Версаль, Франция

Пьер Ленфант, Битва при Фонтенуа. XVIII век. Местонахождение неизвестно

Недовольный историей с разводом, Август Сильный сослал сына. Но не куда-нибудь, а в Париж, чтобы в отдалении, на французской службе, Мориц не портил его репутацию.

В это время у власти во Франции был герцог Филипп Орлеанский – регент при малолетнем Людовике XV. Мориц был замечен и самим регентом, и очень умным первым министром – кардиналом Флери. Популярен он был и при дворе: его военная карьера и могучее телосложение производили впечатление, особенно на дам. Его сравнивали с древнегреческими героями – Гераклом, Тесеем, Ясоном, Персеем.

В эти годы Мориц пережил самое серьезное увлечение: он целых девять лет был связан почти супружескими узами с актрисой придворного театра «Комеди Франсез» Адриенной Лекуврер. Эта женщина далеко не аристократического происхождения начинала играть в провинции, затем перебралась в Париж и была принята в королевскую труппу. Она больше тысячи раз выходила на подмостки «Комеди Франсез».

Адриенна была вхожа в дома аристократии и умела себя держать. Она во многом отличалась от своей артистической среды. После ее смерти, когда описывали ее имущество, обнаружилась огромная для актрисы библиотека – два шкафа книг. Она читала Рабле, Расина, Мольера, Лафонтена. Среди ее друзей был молодой Вольтер, в чьих пьесах она играла. Он посвятил ее памяти три элегии. В одной из них о месте, где похоронена Адриенна, говорится: «Нет, эти берега священны, здесь могила, хранящая твой прах. И к этим берегам, что музы нашей песнь печальная почтила, приходим мы, как в некий храм».

Но даже в те годы, когда он был счастлив с Адриенной, Мориц не освободился от «синдрома бастарда», который гнал его прочь из Парижа – за герцогской короной. Ведь

еще во время Северной войны он заметил Курляндское герцогство, которое находилось в вассальной зависимости от Польши. Оно возникло в XVI веке, после распада Ливонского ордена. Там была дворянская республика – правил совет знати, а значит, отсутствовала сильная центральная власть.

Чтобы заполучить корону, Мориц Саксонский посватался к относительно молодой вдове герцога Курляндского – племяннице Петра I Анне Иоанновне. После победы под Полтавой Петр стал влиятельной фигурой в европейской политике. Он добился от прусского короля Фридриха Вильгельма I согласия на брак его племянника – Фридриха Вильгельма Кетлера – с Анной, дочерью своего покойного брата Ивана.

Орас Верне. Битва при Фонтенуа 11 мая 1745 года. 1828. Версаль, Франция

В 1710 г. Анну венчали в Петербурге с герцогом Курляндским, а в следующем году по дороге на родину молодой супруг умер. Ходили слухи о том, что стало причиной смерти: говорили, что во время свадебных торжеств он пытался «перепить» Петра.

Вдовствовавшая много лет Анна дала согласие на брак с Морицем Саксонским и просила поддержки у вдовы Петра Екатерины I. Но у этого союза нашлись решительные противники, например, Александр Данилович Меншиков, который, может быть, и сам хотел бы заполучить курляндскую корону. Против брака выступали и поляки, опасавшиеся, что это слишком усилит позиции России.

Мориц готов был с оружием в руках отстаивать свое право жениться на Анне. А поскольку, чтобы нанять солдат, ему требовались немалые средства, Адриенна Лекуврер продала золотую и серебряную посуду и драгоценности, чтобы отправить деньги своему возлюбленному и помочь ему добиться цели. Такова была сила ее любви.

Неизвестный автор. Адриенна Лекуврёр. 1717. Национальная библиотека Франции, Париж

Однако брак не состоялся. То ли Мориц так и не собрал войско, то ли Анна Иоанновна застала любвеобильного жениха со своей фрейлиной... А нрава курляндская вдова была строгого. Правда, когда ее пригласили на российский престол, она привезла с собой временщика Бирона – личность гораздо более мрачную, чем Мориц Саксонский. Впрочем, окажись он в Москве – как знать, может быть этот превратившийся во француза немец понравился бы русским подданным не больше, чем Эрнст Иоганн Бирон?

Через четыре года после курляндской авантюры, в 1730 г., скоропостижно умерла Адриенна Лекуврер. Не исключено, что ее отравили из ревности: Мориц Саксонский к этому времени очаровал роковую женщину – герцогиню Бульонскую. Молодая, красивая, богатая, она была четвертой по счету женой семидесятилетнего герцога. По слухам, она дала сопернице некое отворотное зелье, чтобы Мориц охладел к прежней возлюбленной. От этого напитка Адриенна умерла сразу после спектакля.

Древе-сын по оригиналу Антуана Куапеля. Прижизненный портрет Адриенны Лекуврер в пьесе Корнеля «Смерть Помпея». Гравюра ок. 1730. Национальная библиотека Франции, Париж

Древе-сын по оригиналу Антуана Куапеля. Прижизненный портрет Адриенны Лекуврер в пьесе Корнеля «Смерть Помпея». Гравюра. Ок. 1730. Национальная библиотека Франции, Париж

Надо сказать, ни Мориц, ни верный друг Вольтер не предали Адриенну и после смерти. Дело в том, что церковь отказывала покойной в христианском погребении на том основании, что во время последней исповеди она якобы не согласилась по требованию

священника признать профессию актрисы и всю свою жизнь греховной от начала до конца. Тело Адриенны просто засыпали известью. Вольтер написал по этому поводу речь, которую один из актеров читал со сцены: «Я чувствую, господа, что все вы сожалеете об этой неподражаемой актрисе и хотели бы видеть ее здесь, среди нас. Ибо она, можно сказать, изобрела искусство непосредственно обращаться к сердцу человеческому и наполнять живым чувством и правдой то, что было прежде достоянием напыщенной декламации». В середине XIX века французский драматург Эжен Скриб написал пьесу «Адриенна Лекуврер». В России в главной роли блистала великая актриса Алиса Коонен.

Мориц Саксонский пережил возлюбленную на двадцать лет. После смерти отца в 1733 г. он попробовал поучаствовать в борьбе за польскую корону. Но – о ужас! – его в качестве претендента просто не заметили. Россия и Австрия поддержали кандидатуру законного сына Августа II, саксонского курфюрста Фридриха Августа, который и стал королем Августом III. Франция выступала за Станислава Лещинского, брата жены Людовика XV Марии Лещинской.

Но звездный час Морица Саксонского все-таки наступил. Это произошло в ходе борьбы за австрийское наследство в 1740–1748 гг. Он был назначен главнокомандующим французской армии. Удивительно: как занял такую позицию иностранец и протестант? Одна из важных причин: он был угоден всесильной фаворитке Людовика XV мадам Помпадур. Это была умнейшая женщина, принимавшая немало политических решений. Мориц возглавил армию, которая сражалась во Фландрии, куда прибыл и сам король. Против Франции выступала англо-ганноверско-нидерландская коалиция. Амбициозный молодой человек, младший сын Георга II герцог Камберлендский обещал, что непременно вступит в Париж – или съест свои сапоги. В ответ Мориц Саксонский заметил: «Мы их ему приготовим». Французы сражались доблестно, англичане в Париж не вступили, а герцог Камберлендский обманул – сапоги так и не съел.

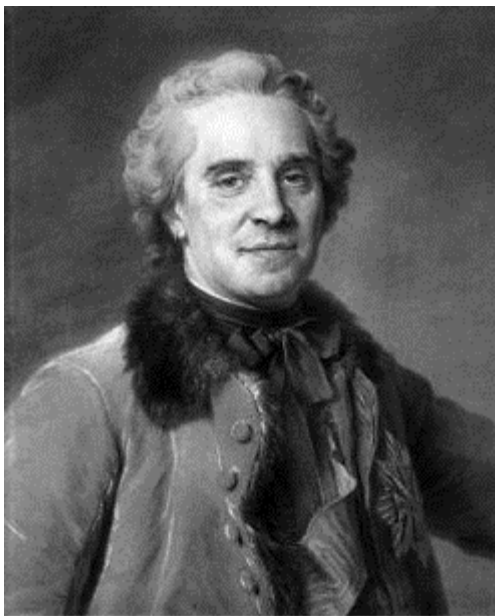
Как ни странно, 49-летний Мориц производил впечатление человека одряхлевшего. Его мучили боли в отекавших ногах, он не мог ходить. Его, полководца, носили в специальной корзине, которую он называл своей люлькой. Но король велел всем слушаться этого человека – и тот выиграл три битвы подряд.

Самое знаменитое сражение состоялось при Фонтенуа. Мориц Саксонский правильно расставлял войска, разумно применял артиллерию – так, чтобы она не била по своим. В момент решительного прорыва французского фронта англичанами главнокомандующий не растерялся и сумел, не считаясь ни с чем, закрыть эту брешь, после чего англичане рассыпались и отошли.

Мориц был не только решителен, но и изобретателен. Однажды при штурме он приказал использовать в качестве лестничных опор стоявшие у стен виселицы.

За военные успехи Мориц Саксонский был произведен в маршалы и получил королевский замок Шамбор. Он наконец-то разбогател и даже завел собственный театр. Он успел пожить красиво, украсив усадьбу боевыми пушками и имея в личном распоряжении кавалерийский полк для тренировок.

Но «синдром бастарда» не оставлял его даже в последние годы. Мориц строил новые, абсолютно нереальные планы, связанные с корсиканской короной или какой-нибудь из территорий Южной Америки. Умирая, он сказал: «Жизнь – это сон. У меня он был прекрасным, но таким коротким!» Он пожелал быть погребенным в незаметной могиле, засыпанной известью – как Адриенна Лекуврер.

Морис Кантен де Латур. Портрет Морица Саксонского (1696–1750). ок. 1750–1760. Дрезденская картинная галерея, Дрезден

Мориц Саксонский остался в истории истинным героем эпохи рококо – со склонностью ко всяческим украшениям, своего рода «завитушкам». Его по-настоящему занимали война и любовь. И в этом он, несомненно, преуспел.

Интересно, что правнучку Морица Саксонского Аврору Дюпен мы знаем под именем Жорж Санд. Она тоже выбрала для себя яркий мужской образ.

Николя Фуке Не по чину берешь

В высшей точке своей карьеры Николя Фуке – суперинтендант Франции, то есть министр финансов. Он образец всего яркого, но прежде всего – яркого взяточничества, умения присваивать казну и распределять присвоенное. При этом он был безоглядно щедр и безоглядно самоуверен. Его крушение стало потрясением и для него самого, и для многих современников.

Годы жизни Фуке – 1615–1680. Он родился в семье провинциального чиновника, советника парламента Бретани, и не мог ожидать многого от судьбы. Бретань и сейчас сохраняет своеобразие, например, малопонятный остальным французам бретонский язык. А в XVII веке это была глухая провинция, к которой в центре относились несколько настороженно.

В семье Фуке было шестнадцать детей. Из них выжили двенадцать – шесть девочек и шесть мальчиков. Отец умел зарабатывать деньги: он был судовладельцем и торговал с заморскими колониями. Кроме того, он достиг довольно высокого положения, став интендантом парламента Бретани. Надо сказать, это самая ненавидимая в народе должность перед Французской революцией. Ведь интендант, отвечавший за сбор налогов, получал от короля колоссальные полномочия. До революции 1789 г. интендант совмещал функции финансовые и судебно-полицейские и осуществлял надзор за всеми должностными лицами провинции. Мы не знаем, всегда ли честно пользовался старший Фуке своим исключительным положением. Но вполне может быть, что его сын Николя с детства видел примеры того, на что можно пойти ради больших денег.

Жан Эдуар Лакретель. Портрет Николя Фуке. ок. 1888. Версаль, Франция

Сам Николя с молодых лет тянул лямку чиновничьей службы. Сначала он был советником парламента Меца (это Лотарингия – другая часть Франции). Потом стал простым армейским интендантом во французских частях в Каталонии и Фландрии. Это тяжелый труд, но уже приносящий определенные материальные выгоды.

Служил Фуке старательно и был замечен уже старым, но все еще всевластным кардиналом Ришелье – главным министром короля с 1624 по 1642 г. При нем Николя стал интендантом провинции Дофине. Это очень важная область: не зря французский наследник престола называется дофином, то есть владеющим Дофине.

По-настоящему же Фуке выдвинулся, когда ему было тридцать три года. В 1648 г. он стал интендантом Парижа. Первым министром Франции в это время был кардинал Джулио Мазарини – итальянец, которого недолюбливал французский народ, зато очень любила Анна Австрийская.

Взлет карьеры Фуке пришелся на время Фронды – антиправительственных бунтов, последовавших за разорившей страну Тридцатилетней войной. Обнищание было таково, что королевское семейство, нуждаясь в деньгах, отдало в переплавку замечательный золотой сервиз. Кстати, Фуке свой золотой сервиз сохранил и даже не скрывал этого, навлекая на себя высочайший гнев.

Фронда отразила также реакцию высших слоев французского общества на окрепший абсолютизм. Королевская власть укреплялась начиная с мрачного и свирепого Людовика XI. Впереди был зенит абсолютизма при Людовике XIV. А пока аристократия пыталась после смерти несгибаемого Ришелье взять реванш и вернуть себе все права и привилегии. Ведь некогда королевская власть была значительно слабее и не могла не считаться с мнением принцев и герцогов! Они не желали, чтобы с ними обращались так же, как с другими подданными. Вероятно, на ситуацию во Франции косвенно влияли и события Английской революции: там историю вершили не только низшие, но и высшие слои общества, там тоже было недовольство неограниченной властью короля.

Робер Нантейль. Николя Фуке. 1661. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

В январе-феврале 1649 г. в Париже произошло восстание, в котором участвовали и бедняки, и члены городского парламента. Было страшно, и кардинал Мазарини не без труда вывез из бунтующего Парижа малолетнего Людовика XIV, а потом с наемниками штурмовал город. Фактически в стране шла гражданская война.

Филипп де Шампань. Портрет кардинала Ришелье. 1633–1640. Лондонская национальная галерея, Лондон

Центром Фронды был город Бордо на юго-западе Франции. На протяжении трехсот лет он находился под влиянием английского королевского дома. Там располагались последние британские владения на континенте (так называемая английская Гасконь) и всегда царили сепаратистские настроения. Местной знати выгоднее было числиться во владениях английского короля, который был далеко, а не французского, находившегося относительно близко. В Бордо Фронда доходила даже до идеи республики, что особенно пугало королевскую власть.

Когда Мазарини вернул Париж, начался завершающий этап Фронды, с 1651 по 1653 г. Это так называемая Фронда принцев. Некоторое время было непонятно, кто победит в этой борьбе. Фуке на должности интенданта Парижа решительно поддержал Мазарини и спас его имущество, когда тому пришлось отправиться в изгнание. С согласия кардинала Анна Австрийская временно назначила Фуке первым министром.

В 1650 г. он официально купил себе должность прокурора при парижском парламенте. Это было очень умное решение: Фронда привела к укреплению позиций парламента; прокурорская служба там была гарантией личной безопасности. Никто не мог принять решение об аресте Фуке или об обыске у него дома – без санкции самого Фуке.

Фамильный герб Фуке выглядел так: серебряное поле, а на нем красная белка (слово «фуке» на бретонском языке означает «белка») с девизом: «Куда я только не взберусь». Иногда переводят и по-другому: «Мне доступно все». Именно так чувствовал себя Николя Фуке в начале 1650-х гг. У него начала кружиться голова от ощущения собственной несокрушимости. Его личность была неприкосновенна, имущество увеличивалось, причем, обогащаясь, он обогащал и королевское семейство.

Жиль Русселе. Николя Фуке, окруженный аллегорическими фигурами. Дата неизвестна. Национальная библиотека Франции, Париж

Герб Фуке с девизом: «Куда я только не взберусь»

В 1653 г. Мазарини назначил двух суперинтендантов финансов – Фуке и Сервьена. Через шесть лет Сервьен умер. Фуке стал единственным «сверхминистром» финансов. Кроме того, он вел успешную дипломатическую деятельность, к которой приступил еще при Ришелье. Он участвовал в переговорах с Англией, Португалией, Польшей, Швецией, Голландией.

Уверенный в своей неуязвимости, Фуке допускал почти открытые злоупотребления. Он отдавал на откуп сбор налогов, и чиновники знали, что должны будут с ним «поделиться». Он требовал денег не только себе лично – часть шла его родственникам и любовницам.

Мазарини к концу жизни уже явно не жаловал Фуке, но тот стоял на страже его личных богатств, а для первого министра это было важно. После его смерти остались огромные деньги – миллионы ливров, а также изделия из драгоценных металлов, живописные полотна и скульптуры. Получилось так, что значительная часть национального богатства Франции перекочевала к Мазарини, а Фуке в этом активно участвовал.

У Фуке, конечно же, было много врагов. Среди них – даже родной брат Базиль, недовольный своими доходами – всего 150 тысяч ливров в год. В озлоблении он донес Мазарини на Николя, обвинив брата в присвоении 30 миллионов ливров и назвав имена женщин, на которых были потрачены эти деньги.

Главным из врагов Фуке стал интендант финансов Жан-Батист Кольбер – способный чиновник, хороший финансист, тихий, незаметный человек, который собирал документы, изобличавшие злоупотребления Фуке. Кольбер не раз докладывал об этом и Мазарини, и Анне Австрийской. Но сильные мира сего ценили свой личный капитал, а он был под защитой Фуке. Им казалось, что они пекутся о благе Франции, ведь в их глазах Франция – это они сами. К тому же Фуке пользовался авторитетом у банкиров Европы, его ловкость была оценена во многих странах.

В 1661 г. скончался Мазарини. Наутро после его смерти двор не узнал молодого короля Людовика XIV. Прежде казалось, что его интересует только театр, но тут стало ясно, что в юноше давно накопилось страстное желание править лично. Он не хотел бороться с Мазарини, но уже через несколько лет после его смерти почувствовал себя величайшим королем. Драматург Жан Расин обращался к нему с такими словами: «И я предвижу, что по мере того, как будут созревать мои способности, вы, Ваше Величество, увенчаете себя новыми лаврами. Быть может, став во главе армии, вы позволите нам завершить сравнение между вами и Александром (Македонским) и присоедините славу завоевателя к уже приобретенной вами славе мудрейшего монарха в мире».

Шарль Лебрэн. Людовик XIV. 1661–1662. Версаль, Франция.

Такому Людовику не был нужен всевластный министр. Мазарини вообще советовал королю больше не назначать первого министра. Лучше, чтобы многочисленные чиновники враждовали между собой, такая ситуация только укрепляет позиции короля.

Фуке всего этого не понял. Может быть, ему казалось, что Людовику вскоре наскучит власть и он вернется в театр и светскую жизнь, а сам он, Николя Фуке, станет новым Ришелье или новым Мазарини.

Сначала Людовик несколько раз похвалил Фуке за дипломатические достижения. Тот был очень падок на похвалу, особенно королевскую. Послушав совета монарха, он ушел из парламента, с прокурорской должности, продав ее за миллион 400 тысяч ливров, причем миллион подарил королю. Фуке не сомневался, что покупает его доверие. Его состояние можно условно назвать «слепотой гибнущего высокого чиновника».

У Фуке были опытные противники, которые знали, что советовать королю. Особенно опасен оказался Кольбер. А Фуке в своей политической слепоте совершал ошибку за ошибкой. Например, он попытался подкупить Луизу де Лавальер, первую официальную фаворитку юного Людовика XIV. Министру и в голову не могло прийти, что она действительно любит короля. А ведь она любила! Причем всю жизнь. И в разлуке с ним угасла потом в монастыре. Так можно ли было предлагать ей 200 тысяч

ливров за то, чтобы всегда быть в курсе настроения короля и знать, как ему вовремя польстить!

Фуке добывал информацию, подкупая королевское окружение. Но Луиза рассказала о сделанном ей предложении Людовику XIV. И видимо, в этот момент настороженное отношение короля к министру сменилось ненавистью.

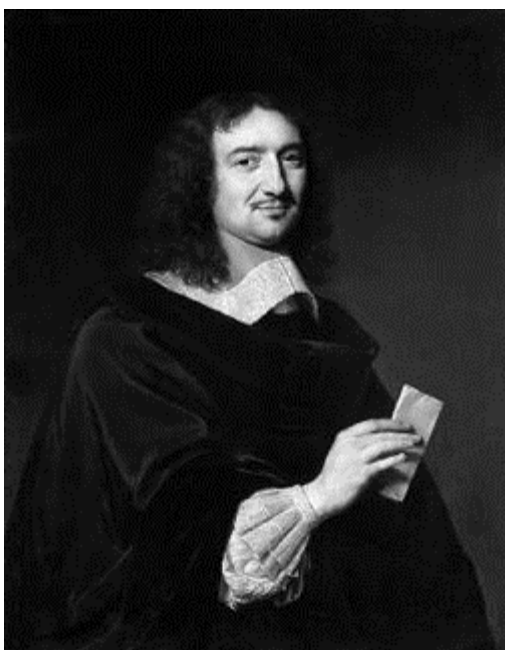
А Фуке был ослеплен титулами, которые получил еще при Мазарини: он был теперь и герцогом, и маркизом. Он выстроил себе недалеко от Парижа богатейшее поместье Во-ле-Виконт. Чтобы возвести его, снесли несколько деревень. Это была резиденция королевского масштаба.

Именно там Фуке невольно подписал себе приговор. 17 августа 1661 г. он устроил пышнейший праздник в честь короля. Это была очередная попытка отвлечь Людовика от управления государством, занять при нем то положение, которое было при дворе сначала у Ришелье, потом у Мазарини.

В садах, где работали 100 фонтанов, среди великолепных статуй были накрыты 80 столов и 30 буфетов. Потребовалось 6000 тарелок и 400 блюд из серебра. Был торжественно выставлен золотой сервиз – такой же, как тот, который королевская фамилия вынужденно переплавил в тяжелые времена. За столами собралось 3000 человек. Подавали истинно королевские блюда. В зеленом театре представили пьесу Мольера «Докучные». Проводилась беспроегрышная лотерея с дорогими призами. Можно было выиграть украшенные драгоценными камнями оружие, шкатулки и табакерки. В конце праздника состоялся роскошный фейерверк, полыхало все небо. Фуке не жалел украденных из казны денег.

Размах празднества в Во-ле-Виконт должен был произвести на короля впечатление... и произвел, но это впечатление было ужасным. Еще находясь там, Людовик XIV сказал матери, что готов арестовать Фуке здесь и сейчас, тем более что честнейший Кольбер уже сообщал о злоупотреблениях. Но умная Анна Австрийская возразила: недостойно великого короля нарушать законы гостеприимства. Праздник завершился благополучно, но королевское решение было принято.

Арест Фуке поручили провести Шарлю де Батцде Кастельмору – офицеру, который выведен в романе Дюма «Три мушкетера» под именем д'Артаньяна. Именно после осуществления этой операции он стал капитаном мушкетеров. Ему зачлось успешное исполнение поручения, которое несколько не порадовало бы романтического литературного д'Артаньяна.

Филипп де Шампань. Портрет Жана-Батиста Кольбера. 1655.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Чтобы арестовать, Фуке заманили в город Нант, на сессию штатов Бретани. Поскольку этот регион всегда был склонен к сепаратизму, король объявил, что из уважения к

дворянству Бретани прибудет лично. Фуке, который по-прежнему ни о чем не догадывался, убедил местное дворянство в честь этого великого события подарить королю три миллиона ливров. А план ареста был уже готов.

Людовик рассказал, как все произошло, в письме к матери. Он беседовал с Фуке в кабинете, окно которого выходило во двор. Увидев, что мушкетеры готовы произвести арест, король отпустил министра. У того был шанс бежать. Незадолго до этих событий он приобрел остров Бель-Иль у берегов Бретани и начал возводить там крепость. А из здания, где все происходило, подземный ход вел к берегу Луары, где всегда стояло готовое отплыть судно. Но Фуке так ничего и не понял и дал себя арестовать.

Сидя в карете, он написал коменданту Бель-Иля что передает остров королю. Он наверняка надеялся этим заслужить прощение, но Людовик XIV несколько не умилился и приказал провести над Фуке суд. Он мог этого и не делать: уже были в ходу были *lettres de cachet* – бумаги, в которые король просто вписывал имя виноватого. Но в этом случае он хотел публичности, чтобы все поняли: при нем никогда больше не будет других властных людей. Недаром самый известный афоризм Людовика XIV: «Государство – это я».

После ареста Фуке его жена Мари-Мадлен, оставив детей у бабушки в Париже, бежала в Лимож и пыталась бороться за мужа, но ничего не добила. Все братья Николя, включая предателя Базиля, были сняты с должностей и отправлены в ссылку.

Подготовка к суду заняла два с половиной года. Фуке все это время перевозили из тюрьмы в тюрьму. Около полугода длился судебный процесс. Обвинителем выступал еще один будущий персонаж Дюма – канцлер Сегье, не отличавшийся безупречной честностью. У Фуке, несомненно, были реальные грехи, но к ним добавилось немало фальсификаций.

Бывший министр умел защищаться. Он ссылался на архивные документы, доказывавшие, что он многое делал по поручению Мазарини. Суд над покойным Мазарини, состоявшим, видимо, в тайном браке с королевой-матерью Анной Австрийской, Людовику не был нужен, поэтому документы изымались и уничтожались. Суд не был праведным.

Конечно, Фуке славился злоупотреблениями, но он был блестящей личностью, склонной к аристократизму. Именно он заложил основы блестящего царствования Людовика XIV. При нем ко двору были приближены литераторы Мольер, Лафонтени Пелиссон, художник Лебрен, архитектор Ленотр и даже повар Ватель. С Фуке начался поистине великолепный Версаль.

Людовик XIV хотел для бывшего министра смертной казни – в назидание верхушке общества. 21 декабря 1664 г. был вынесен приговор, но не такой, на который рассчитывал король. За смертную казнь было подано девять голосов, за ссылку – тринадцать. Молодого монарха это окончательно взбесило. Когда он получил приговор для рассмотрения вопроса о помиловании, ссылка была заменена пожизненным заточением.

Следующие пятнадцать лет знаменитый узник провел в крепости Пиньероль на границе Франции и Италии. Власть настолько боялась даже низвергнутого Фуке, что городок Пиньероль стал закрытым. Меньше чем за год до смерти, в 1679-м, тяжело больному Фуке разрешили свидание с женой и детьми. Ходили слухи о том, что король из милосердия отпустит его на воды для поправки здоровья, но через несколько месяцев Фуке умер.

Эта печальная история ярко свидетельствовала об окончательном утверждении безоглядного французского абсолютизма – власти, ответом на которую стала потрясшая весь мир революция 1789 г.

Сигизмунд III Ваза: Сколько корон нужно человеку?

Сигизмунд (по-польски – Жигмунд, по-белорусски – Жигимонт, по-литовски – Зигмантас) Ваза жаждал многих корон, в том числе и русской. Наверное, он не отказался бы от всех корон мира. Кое-чего ему удалось добиться, хотя относительно прочно на нем держалась только одна – польско-литовская, корона Речи Посполитой. Совсем плохо держалась и в конце концов свалилась корона шведская. А корону Московского царства надеть на голову ему так и не удалось.

Годы жизни Сигизмунда Вазы – 1566–1632. Его биография связана с выходом на авансцену истории на рубеже Нового времени стран Центральной и Северной Европы, которые до этого долгое время оставались на европейской периферии. Их затмевали осколки Римской империи – Англия, Франция, Германия, Италия, Испания.

Ни в Скандинавии, ни на территории будущей Польши римляне не побывали, и там сформировалась другая Европа. Оттуда Сигизмунду Вазе предстояло издалека грозить туркам и покровительствовать русским самозванцам.

В русской историографии нет специальных работ, посвященных Сигизмунду III. Фундаментальный труд, откуда можно почерпнуть сведения о нем, – «Польско-литовская интервенция в России и русское общество» Б.Н. Флори. Очень много написано о Смутном времени, к которому Сигизмунд имеет непосредственное отношение. Например, статьи В.Д. Назарова «Россия на распутье», Л.Е. Морозовой «Два взгляда Сигизмунда III на русское государство». Интересны и публикации по истории Швеции и Польши.

Якоб Трошель. Портрет Сигизмунда III Вазы. 1610-е годы. Королевский замок, Варшава

Отец Сигизмунда – будущий король Швеции Юхан III. Сын родился, когда он еще не взойшел на престол: это произошло после смерти его брата Эрика XIV. Мать Сигизмунда – Екатерина Ягеллонка, из польского рода, ведущего свою историю от великого правителя Ягайло. Последние Ягеллоны немало сделали для Польши: Сигизмунд I по прозванию Старый в начале – середине и его сын Сигизмунд II Август – во второй половине XVI века. Сестры Сигизмунда II Августа – Анна Ягеллонка, жена знаменитого польского короля Стефана Батория, и Катажина, жена шведского короля Юхана из династии Ваза. Эта фамилия пришла к власти в Швеции в результате бунта знати и гражданской войны. Предводитель движения Густав Эрикссон в 1523 г. стал

королем Густавом I и основателем династии. Через двадцать лет было признано, что власть будет передаваться представителям этого рода по наследству.

Ян Матейко. Проповедь Скарги. 1864. Королевский Замок, Варшава

Мартин Кобер. Сигизмунд III, король Польши, Литвы и Швеции. ок. 1590. Музей истории искусств, Вена

К Катажине в 1561 г. сватался овдовевший русский царь Иван Грозный. Он получил отказ, а девушка в том же году вышла замуж за Юхана Вазу, несмотря на то что его сводный брат, король Эрик XIV, не хотел, чтобы семья роднилась с польской королевской фамилией.

Соединение шведской и польской королевских фамилий предопределило судьбу Сигизмунда как претендента на несколько европейских корон. Он появился на свет, когда его родители пребывали в заточении. Король Эрик XIV был душевнобольным. Не случайно он вошел в историю как шведский Гамлет. Ему не было свойственно укреплять свою власть и казнить тех, кто выступит против. Ходили даже слухи о том, что он любил играть в детские игрушки и заявлял, что только так отдыхает.

Петер Пауль Рубенс. Портрет Сигизмунда III Вазы. Частная коллекция живописи Кистерса Хайнца

Юхан, бывший герцогом Финляндии, в 1563 г. возглавил движение против Эрика, но был побежден и заточен в замок Гелинском. Его содержали в хороших условиях, но лишили свободы. Катажина добровольно последовала за мужем. Они провели в замке четыре года, и там появился на свет их сын Сигизмунд. После этого, в 1567 г., Эрик выпустил своего брата-бунтаря на волю. Это было не в духе эпохи, когда соперников нещадно и жестоко казнили. Современники приняли решение Эрика за очередное проявление умственного расстройства.

А уже в 1568 г. Юхан поднял очередное восстание – и Эрик XIV был низложен. Взойдя на престол, Юхан казнил канцлера своего предшественника, а самого брата заточил на девять лет.

Лукас Кранех Младший. Миниатюра Анны Ягеллонки. ок. 1553. Музей Чарторыйских, Краков

В самом начале правления Юхан III пошел войной на Россию и захватил Нарву, предопределив восточную направленность притязаний Сигизмунда.

Воспитателями мальчика стали иезуиты. Это не вполне обычно для Швеции, где были сильны позиции Реформации. Тем не менее Сигизмунда воспитали в фанатичном католическом духе. Кроме веры, иезуиты передали юноше мастерство политической интриги.

В 1587 г., после смерти Стефана Батория, Сигизмунд был избран польским королем. Ехать пришлось далеко – более тысячи километров. Его приняли с радостью: полякам казалось, что соединение двух великих династий не может не дать прекрасного результата. Да и вдова скончавшегося Батория, Анна Ягеллонка, поддержала своего племянника.

Одним из важных сторонников Сигизмунда III стал Ян Замойский— коронный канцлер с 1578 г., великий коронный гетман с 1580 г. (премьер-министр и министр обороны в одном лице), второй человек после короля. Это был сильный политик, которому шляхта готова была предложить корону, но он отказался в пользу Сигизмунда. Это было разумно: человек не королевской крови не удержался бы на престоле. При этом Замойский был сторонником увеличения вольности шляхты и немало для этого сделал. Задолго до появления в Польше Сигизмунда он добился, чтобы не только магнаты, но и более широкие круги дворянства участвовали в избрании короля, и этим содействовал избранию Стефана Батория. Во внешней политике у Замойского тоже была своя линия – прежде всего против Габсбургов, а затем и против Московии.

Чтобы Сейм принял положительное решение об избрании, Сигизмунд взял на себя определенные обязательства. Польша XVI века представляла собой шляхетскую республику. Местная знать сумела закрепить за собой немало прав, несмотря на наличие монарха, и прибывшему из Швеции Сигизмунду поставили несколько условий. Например, зная, что он убежденный католик, его попросили не выступать против принятого в стране многоверия. В Польше католики численно преобладали, но преследования представителей других конфессий не было. К тому же Франция давала страшный пример последствий религиозной розни.

Марчелло Бачарелли. Портрет Сигизмунда III Вазы. 1768–1771. Королевский замок, Варшава

Коронация Сигизмунда прошла в Кракове – тогда польской столице. Клятвы произносились на латыни. Король пообещал не разрушать многоверие и не ограничивать права Сейма. Обещал он также отвоевать Эстонию и оборонять южную границу. Угрозы с юга действительно существовали: Польше грозили и татары, и окрепшие казаки.

В дальнейшем выяснилось, что Сигизмунд во всем обманул поляков. Он был хитер и коварен и нарушал обещания ловко и незаметно. Так, он поддерживал идею принятия в Сейме единогласных решений. Понятно, почему он это делал: чтобы некая значительная группа людей высказывалась единогласно, надо, чтобы либо они были

под какой-то деспотической силой, либо лгали. Вот почему демократия выдвигает принцип не единогласия, а победы большинства. Требуя единогласия, Сигизмунд отсекал возможность проведения каких-либо реформ. По существу, он поворачивал Польшу на путь, который вел к абсолютной власти.

Ян Матейко. Стефан Баторий под Псковом. 1872. Королевский замок, Варшава

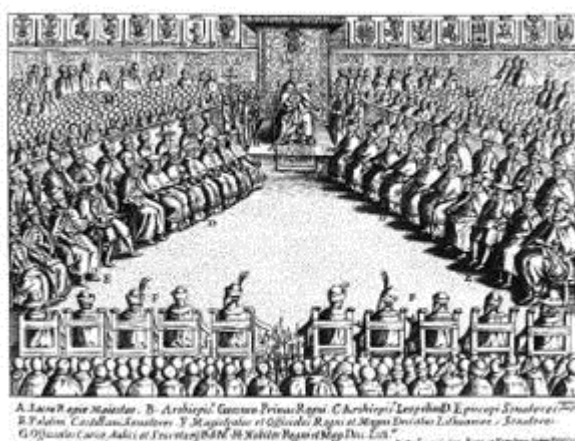

Йозеф Брандт. Битва под Хотинском. 1867. Национальный музей, Варшава

После коронации Сигизмунда III прошло меньше года, когда на него пошел войной соперник, также выдвигавший свою кандидатуру на польский престол, – эрцгерцог Максимилиан Австрийский из рода Габсбургов. В эти годы Габсбурги, укрепившиеся на разобщенных германских землях, грозили всей Центральной Европе. В дальнейшем им предстояло через Испанию двинуться дальше, в Новый свет.

Польская армия была сильна, умела воевать, ее отличал мощный боевой дух. Максимилиана разбили в сражении под Бичиной и взяли в плен. В следующем, 1589 г. он был освобожден и торжественно отказался от притязаний на польский престол. Для Сигизмунда это было очень важно. Казалось, поляки безоговорочно его поддержали.

Но дальше отношение к нему явно стало ухудшаться. Полякам не нравились ни его внешность, ни манера поведения. Он был слишком шведом и слишком иезуитом для многоверной Польши. За несколько десятилетий своего правления он, конечно, выучил польский язык, но родным для него был шведский. Его сдержанность поляки толковали как высокомерие. Им не по душе были даже его музыкальные вкусы. Замойский говорил: «Мне кажется, что король становится одержим дьяволом».

Джакомо Лауро. Заседание Сейма Речи Посполитой во главе с Сигизмундом III. Гравюра. 1622. Национальная библиотека Польши, Варшава

Сигизмунд стремился окружить себя болееверными людьми. Он быстро отодвинул Замойского (это полякам тоже не понравилось) и стал приближать к себе провинциальных литовцев Радзивиллов. А в 1589 г. стало известно, что он ведет тайные переговоры с Габсбургами: будто бы на условиях определенных территориальных уступок с их стороны в пользу его любимой Швеции он готов отказаться от польской короны. Самолюбию шляхты был нанесен страшный удар. В 1592 г. Сигизмунд женился на дочери эрцгерцога Австрийского Карла, внучке германского императора Анне. Этот брак много говорил о политических амбициях польского короля.

Через несколько лет после коронации стало понятно, что король не сдержал многих обещаний. Например, относительно Эстонии. В ходе Ливонской войны эта маленькая страна была разделена на три части: часть принадлежала Швеции, другая, южная – Речи Посполитой, а остров Сааремаа – Дании. Сигизмунд обещал завоевать всю Эстонию, но не сделал этого. Не занимался он и укреплением южной границы. Многоверие Сигизмунд тоже не поддерживал: в Польше началось ущемление прав протестантов и православных. Зато Сигизмунд перенес столицу из древнего Кракова в Варшаву, что далеко не у всех вызвало одобрение.

Неизвестный автор. Портрет Стефана Батория. 1576. Львовская галерея искусств, Львов

В 1592 г. умер его отец, король Швеции Юхан III. Сигизмунд не торопился ехать короноваться, но не потому, что не хотел: он не решался оставить Польшу, в которой зрело недовольство.

Только в 1594 г. состоялась коронация шведской короной. Как управлять одновременно протестантской Швецией и находящейся далеко от нее католической Речью Посполитой? Причем перед его отъездом на коронацию поляки провели так называемый инквизиционный сейм – выступили с публичной критикой короля. Говорили о нарушении польских традиций, о том, что с Замойским поступили несправедливо, о недопустимом торжестве иезуитов, об ослаблении международных позиций своей страны. Сигизмунду было ясно: если он надолго задержится в Швеции, то Польшу потеряет.

Йозеф Зимлер. Екатерина Ягеллон с сыном Сигизмундом в тюрьме Грипсхольм. 1859. Национальный музей в Варшаве, Варшава

Ян Матейко. Стефан Боторий и его жена Анна Ягеллонка. ок. 1875. Электронная библиотека Вроцлавского университета, Вроцлав

Пришлось скрепя сердце назначить регентом в Швеции своего дядю, брата покойного Юхана III, герцога Карла Седерманландского, некогда участвовавшего в свержении Эрика XIV.

Сигизмунд вернулся в Польшу. А когда он в 1599 г. вновь прибыл в Швецию, его торжественно отстранили от престола. В 1604 г. его дядя стал шведским королем Карлом IX. Смириться с этим Сигизмунд не мог. Сигизмунд был лишен государственного взгляда, мыслил средневеково-монархически: его интересовали только собственные права, а вовсе не развитие государства, которым он правил. Он несколько десятилетий воевал за шведскую корону, пока не разглядел в сияющей дали другую – московскую. В борьбе за шведскую корону он использовал финансовый и военный потенциал Польши и в итоге наносил урон обеим странам.

Трудно сказать, как именно в сознании Сигизмунда зародилась мысль о короне Московского царства. Решающую роль в этом сыграла возникшая на Руси Смута. Прекращение династии, ряд стихийных бедствий, неурожаи, крайняя непопулярность Бориса Годунова... Такая нестабильность у соседей привлекательна для мощной державы, какой была в конце XVI века Речь Посполитая. После внезапной смерти Бориса Годунова в народе укрепилась мысль о воскресшем добром царевиче Дмитрие. Никто не задумывался о том, что сыну Ивана Грозного не в кого быть добрым. Важнее всего, что он настоящий, законный.

Шимон Богушович. Битва при Клушине (фрагмент). 1620. Львовская галерея искусств, Львов

Шимон Богушович. Битва при Клушине. 1620. Львовская галерея искусств, Львов

Со времени загадочной смерти в Угличе малолетнего царевича Дмитрия прошло четырнадцать лет. И вот в Литве, а потом в Польше объявляется юноша, утверждающий, что он наследник русского престола. Сигизмунд не сразу вступил с ним в контакт – проявлял осторожность. Он ведь был истинным мастером интриги.

Но в 1604 г. Сигизмунд лично принял в Польше Лжедмитрия вместе с его покровителем воеводой сandomирским Юрием Мнишеком. Может быть, даже оказал им некую материальную помощь. Во всяком случае, разрешил шляхтичам наниматься на службу к ожившему царевичу. В войско Лжедмитрия вступило около четырех тысяч поляков. Сигизмунд даже заказал для Дмитрия комплект парадной посуды, а это была очень дорогая вещь. Придворные сервизы с гербами в те времена были настоящим капиталом.

Означает ли все это, что сначала Сигизмунд не планировал занять русский престол, а лишь искал сильного союзника на Востоке? Не совсем так. Из его переписки с европейскими правителями и папой римским ясно, что он с самого начала имел в виду не так называемого Дмитрия и даже не своего сына Владислава – он прокладывал путь для себя. Сигизмунд писал, что ни Борис Годунов, ни Василий Шуйский не имели прав на престол, так как не принадлежали к царскому роду. А он – потомок великого литовского князя Ягайло, сына русской княжны Ульяны.

Не вмешиваясь напрямую, Сигизмунд поддержал установившееся в 1605 г. правление Лжедмитрия I в Московии. В дальнейшие события польский король тоже вроде бы не вмешивался. Но когда после убийства Лжедмитрия I новый русский царь Василий Иванович Шуйский заключил союз со шведским королем Карлом IX, Сигизмунд не мог больше оставаться в стороне. Он двинул войска на Москву и лично организовал осаду Смоленска. Город когда-то был в вассальной зависимости от Литвы, и Сигизмунд считал эти территории своими. Кстати, Лжедмитрий I обещал

Смоленские и Северские земли Речи Посполитой и даже обсуждал с Сигизмундом возможность введения на Руси католичества.

В 1610 г. объявился второй «чудом спасшийся» Лжедмитрий. В воспоминаниях польских участников событий сохранился такой диалог: «А он хоть похож на первого-то?» – «Настолько, насколько человек похож на человека». Сигизмунд, несомненно, хотел разобраться в этой путаной ситуации, чтобы не упустить свою выгоду.

Доминик Кустос. Портрет Яна Замойского. ок. 1600–1604. Рейксмюсеум, Амстердам

3 июня 1611 г. поляки взяли героически оборонявшийся Смоленск. Сигизмунд начал раздавать окрестные земли своим подданным. В одной из его грамот говорилось: «Назначили пожалование нашим льготную землю в Смоленском уезде: деревня Хотеево, деревня Полюхино, починок (новое сельское поселение) Моксаково, починок Кулагино, починок Панково, починок Техилево». Названия звучат отнюдь не по-польски! Владения передавались польским дворянам «с людьми, землями, лесами, борами, сенокосами, озерами, реками, звериными и рыбными ловлями, с бобровыми норами; бортными деревьями, медовой данью и со всякими иными выгодами и принадлежностями, которые теперь на тех землях имеются». Новым хозяевам король разрешал «владеть, пользоваться и иметь возможность давать, дарить, продавать, обменивать не без специального на то нашего позволения. Чтобы тешился награде за заслуги свои и для того, чтобы замок Смоленск во время опасности имел оборону». В общем, Сигизмунд был уверен, что он уже правит русскими землями.

В июле 1610 г. был низложен Василий Шуйский, возникла Семибоярщина – правление группы самых влиятельных бояр. В августе польские войска вступили в Москву. Сигизмунд предложил в качестве нового правителя своего сына Владислава, не царевича русского, а королевича польского. Некоторые города присягнули Владиславу, некоторые – нет.

Сигизмунд не торопился привозить пятнадцатилетнего Владислава в Москву. В письмах польский король чернил русских как дикарей. Например, он заявлял: «Это такой народ, которому уже из-за его религии опасно доверять. Это народ грубых обычаев и твердого сердца, у которого жестокость заменяет право, а несвобода стала его природой. Это страна, где грубые обычаи, а жизнь полна разврата». Власть, основанная на таком презрении и такой неприязни, не сулила Московии ничего хорошего.

Но относительные успехи Сигизмунда через два года были уничтожены народными ополчениями. В октябре 1612 г. состоялось освобождение Москвы. Польский гарнизон капитулировал, но все равно был полностью уничтожен.

Питер Саутман. Портрет короля Сигизмунда III Вазы. ок. 1620. Старая пинакотека, Мюнхен

Война на этом не закончилась. Несмотря на то что 21 февраля 1613 г. русским царем стал избранный боярами Михаил Федорович Романов и началась новая династия, в 1617 г. королевич Владислав с благословения отца пошел на Москву. Вместе с ним войском командовал опытный военный гетман Ходкевич, так что опасность была серьезная.

Обороной Москвы руководил князь Дмитрий Михайлович Пожарский, герой ополчения, отважный, порядочный, не мздоимный человек. Штурм начался 10 октября 1618 г. Пожарский командовал боем у Арбатских ворот и у ворот Земляного города. Атака была отбита. В тот момент Сигизмунд III не мог не понять, что русская корона ему уже не достанется. А вот за шведскую он продолжал бороться до конца своих дней.

Каковы были итоги 45-летнего правления Сигизмунда III? На северном фронте — полное поражение: Польша потеряла земли, которые перешли к Швеции. На восточном направлении кое-какие достижения все-таки были. По Деулинскому перемирию 1619 г. слабые еще русские правители уступили Речи Посполитой те земли, которые некогда принадлежали Великому княжеству Литовскому: смоленские, черниговские и северские. Они были возвращены позже, при Алексее Михайловиче.

В начале XVII века страны Северной, Центральной и Восточной Европы стали играть важную роль в мировых событиях. В Тридцатилетней войне активно участвовали и Швеция, и Россия. Вскоре после правления Сигизмунда в Речь Посполитую переместился и центр европейских гражданских войн.

Ближе к концу своего долгого правления Сигизмунд попытался проявить себя как защитник Центральной Европы от турецкой опасности. Османская империя действительно угрожала Австрии, Венгрии, Польше. Турки доходили до Вены. Тот, кто оказывался способен им противостоять, встречал в Европе безусловное одобрение. У Сигизмунда был шанс исправить свою весьма сомнительную репутацию, но это у него не получилось. Войско Сигизмунда потерпело поражение осенью 1620 г. под Цецорой, где погиб гетман, герой войны с Россией Станислав Жолкевский. А в битве под Хотинском в 1621 г. был убит великий литовский гетман Ян Кароль Ходкевич, тоже участвовавший в походах на Москву. Итогом польско-турецкой войны стал статус-кво — сохранение границы вдоль Днестра. Кроме того, султан обещал назначать в Молдавию правителей, «благосклонных к Речи Посполитой». Невеликое завоевание, как всегда в правление Сигизмунда III.

Человек великих притязаний, он не был наделен ни могучим интеллектом, ни особыми талантами. Король не провел никаких реформ, в которых так нуждалось тогда польское государство. Он пытался установить абсолютную монархию в стране с глубокими

традициями дворянской вольности. И главное: он суетливо боролся за короны, а остался в истории как совершенно непопулярный и безуспешный правитель.

Оноре Габриэль Рикетти де Мирабо Граф и революционер

Написанное о Мирабо кажется необъятным. В распоряжении специалистов есть бесценные источники – это письма самого графа, а также послания, обращенные к нему, его многотомные сочинения по истории Пруссии при Фридрихе II, полемические произведения, романы... Существует и огромная научная и популярная литература.

Интересна книга «Оноре Габриэль Мирабо. Его жизнь и общественная деятельность», вышедшая в 1894 году в серии «Жизнь замечательных людей» под псевдонимом Васильев. Автор – известный социолог, экономист и публицист

В.В. Берви-Флеровский. Талантливое перо сочетается у него с глубоким знанием предмета. Очерк о Мирабо входит и в книгу А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции», опубликованную в 1978 году. Замечательный научный текст, написанный ярким, живым языком. В так называемый период застоя труды Манфреда были интеллектуальной отдушиной для любителей истории. Стоит также обратить внимание на переведенную с французского книгу Р. Кастра «Мирабо. Несвершившаяся судьба».

Итак, кто же такой Мирабо? Легендарная личность начального этапа Великой французской революции. Считается, что Маркс назвал его львом революции, но, может быть, это выражение было известно и раньше. Мирабо прославился как выдающийся оратор, говорили даже, что он первый оратор мира. А еще он запомнился современникам как истинный *bon vivant*, склонный к аристократическому расточительству и бесконечным любовным историям. Но при этом он же – узник и мученик, который провел в заключении 15 лет с небольшими перерывами.

Жан-Жак-Франсуа ле Барбье. Декларация прав человека и гражданина 1789 года. ок. 1789. Музей Карнавале, Париж

Оноре Габриэль Мирабо родился в 1749 году, а его отец – маркиз Виктор Рикети де Мирабо – в 1715-м, в год смерти Людовика XIV. Это было начало эпохи Просвещения. Виктор Мирабо встречался и беседовал с Монтескьё, сам был в числе просветителей, особенно увлеченно занимаясь экономикой. Он доказывал необходимость экономических преобразований, что в конце концов привело его в 1760 году в тюрьму. Правда, сидел он совсем недолго: фаворитка Людовика XV мадам Помпадур убедила короля выпустить Виктора де Мирабо, чтобы слава этого человека, и без того известного, не стала еще больше. Ведь мучеников любят не только в России. Так что ученого отпустили и отправили в ссылку в поместье Биньон.

Мать Оноре Мирабо – Женестьева де Вассан, некрасивая, но знатная и богатая. Брак заключался по расчету. Виктору никак не удавалось дотянуться до богатств жены. Семейство Вассанов сумело сделать так, чтобы при жизни жены Виктор ничего не получил. Родители Мирабо всю жизнь ссорились, доходя до настоящей взаимной ненависти и втягивая в конфликт своих детей.

Несмотря на постоянные тяжбы и выяснение отношений, Виктор и Женестьева произвели на свет 11 детей. Первенец их умер, отравившись в раннем детстве чернилами, которыми отец писал свои экономические труды. Вторым родился Оноре. Это был уродливый ребенок – с огромной головой, вывернутой ногой и неким дефектом языка, который, как казалось, должен был помешать ему говорить. Правда, эти опасения Оноре со временем блестяще развеял. Ходил также слух, будто мальчик родился с двумя зубами. Нечто подобное сочиняли и об английском короле Ричарде III. В три года Оноре едва не умер от оспы. Мать, стараясь его вылечить, использовала какие-то притирания, которые навсегда испортили его кожу. Не отличался он и кротким нравом. Отец писал о своем десятилетнем сыне: «Это чудовище в физическом и нравственном отношении. Все пороки соединяются в нем». А брату сообщал: «Ваш племянник больше похож не на вашего племянника, а на племянника дьявола». Вероятно, в таком отношении к сыну отражалась и растущая неприязнь Виктора Мирабо к жене. Потому что именно Оноре оказался внешне похож на свою некрасивую мать и ее родню. Остальные дети пошли в отца и были хороши собой.

Бюст Оноре Габриэле Рикетти, графа де Мирабо. Филипп Дессанте (фотография). Версаль, Франция

В доме Мирабо была прекрасная библиотека, и Оноре читал античных авторов, изучал их стиль и старался ему подражать. С 1765 по 1766 год он обучался в пансионе аббата Шокера, где царили самые строгие нравы. Здесь впервые проявились необыкновенные способности некрасивого ребенка. Он написал речь в честь принца Конде, и она оказалась необычайно яркой. Надо сказать, что великий революционер Мирабо и родился, и умер монархистом.

Военную службу Оноре начал под именем Пьер- Бюффьер (так называлось одно из семейных поместий), потому что отец запретил ему носить фамилию Мирабо. Вероятно, Виктор чувствовал, что у него, известного интеллектуала, скоро появится опасный конкурент. Столь несправедливо униженный и наделенный при этом львиной натурой, Оноре рано научился всегда поступать по-своему, вопреки чужой воле. Он делал долги, соблазнил девицу, дочь своего начальника, а в 1768 году самовольно

покинул место службы в провинциальном городке Сенте и отправился в Париж. Строго говоря, это было дезертирство.

Поскольку он имел аристократическое происхождение, командиры готовы были посмотреть на все сквозь пальцы. Но отец заявил, что сам добьется для сына строгого наказания. Он исхлопотал у короля *lettre de cachet* – бланк с королевской печатью. Туда можно вписать имя любого человека, чтобы тот был наказан. Обычно жертвами произвола становились политические противники или просто нелюбимые соседи. Но поступить так со своим сыном! Виктор недрогнувшей рукой вписал в *lettre de cachet* имя Оноре, и тот был заключен в крепость на острове Ре.

Надо отметить: чем больше нарастал деспотизм отца, тем сильнее делалось сопротивление сына. Оноре отстаивал свою внутреннюю свободу. Он испросил разрешения прямо из заключения отправиться добровольцем на Корсику. Через год он уже был командиром гарнизона в Аяччо – городе, где в то же время родился Наполеон Бонапарт.

Эжен Делакруа. Свобода, ведущая народ. 1830. Лувр, Париж

Корсика только что была продана генуэзцами французам. Это событие подтолкнуло освободительное движение на острове под руководством знаменитого национального героя Паоли. Мать Наполеона Бонапарта в юности участвовала в борьбе за свободу Корсики, против французов, в войсках которых служил Мирабо.

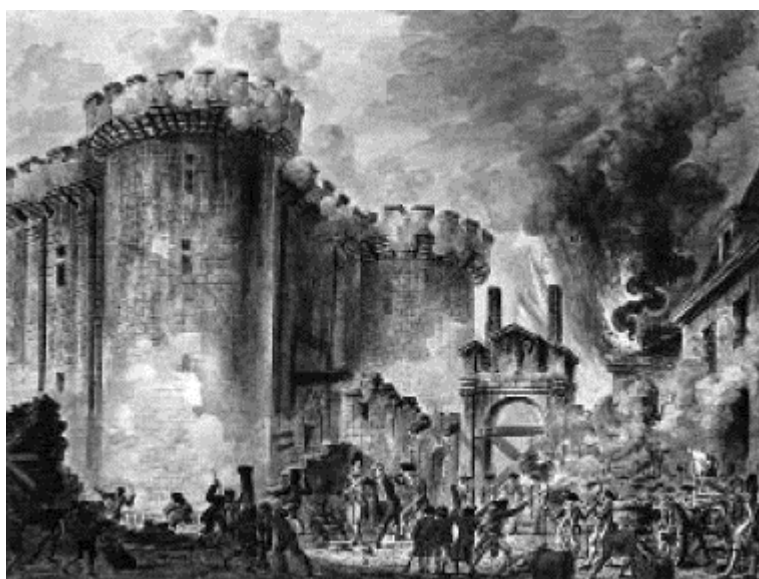
В возрасте 21 года Оноре впервые встретился с братом своего отца Жаном Антуаном де Мирабо. Тот не был ни так знаменит, ни так ревнив, как Виктор, и написал о племяннике: «Если он не будет хуже Нерона, он будет лучше, чем Марк Аврелий. Так как я еще никогда не встречал такой сильный ум. Или это будет величайший обманщик Вселенной, или самый великий деятель Европы, способный стать Римским Папой, министром, генералом на суше или на море, канцлером или замечательным сельским хозяином». Казалось, дядя предусмотрел все возможности. Но он не предугадал, что Оноре станет знаменосцем революции.

В 1772 году Мирабо в соответствии с волей отца женился на богатой наследнице Эмили де Мариньян. Празднества продолжались несколько недель. Деньги на них занимали под 100, 200, 300 процентов в расчете на огромное приданое. Оноре явно не учел опыт отца, до собственного приданого так и не добравшегося. Семейство Мариньян, как и семейство Вассан, не собиралось давать денег на роскошную жизнь зятя.

Через два года после свадьбы сына Виктор добился высылки сына на периферию, в городок Маноск в Швейцарских Альпах. По представлениям XVIII века это была страшная глушь. По расчетам Виктора Оноре должен был кануть в неизвестность. Но в это время у него обнаружился писательский талант. Он создал произведение, которое

сразу сделало его знаменитым – «Опыт о деспотизме». Благо опыт сопротивления деспотизму отца у него был. Высказывания Мирабо против власти почти дословно совпали с тем, что писал знаменитый публицист Марат в «Цепях рабства». Оба мыслителя заявляли, что долг, интерес и честь предписывают сопротивляться высшим распоряжениям монарха и даже вырвать у него власть, если его злоупотребления могут уничтожить свободу и не остается иных средств ее спасти.

23 сентября 1774 года Оноре Мирабо был заключен в замок Иф, расположенный на скале близ Марселя. В следующем столетии эту страшную тюрьму опишет Александр Дюма в романе «Граф Монте-Кристо». В заточении у 25-летнего узника обнаружился еще один талант – располагать к себе окружающих, даже тюремщиков. Комендант тюрьмы не стеснял его свободы – Оноре писал и отправлял письма. Ответа, правда, не было. Жена не хотела примирения. Что поделаешь! Тогда Оноре соблазнил супругу начальника.

Жан-Пьер Уэль. Взятие Бастилии. 1789. Национальная библиотека Франции.

За это и прочие прегрешения он был переведен в 1775 году в замок Жу в Юрских горах. Неподалеку находился городок Понтарлье. Мирабо было запрещено там бывать. Но он, как всегда, делал по-своему, и именно там у него начался самый знаменитый роман – с Софи де Моннье, молодой женой 70-летнего маркиза. Мирабо привлек ее как борец с деспотизмом, узник, жертва произвола, человек невероятного красноречия. Он сам удивлялся в зрелые годы тому, что, стоит ему потряхнуть львиной гривой и заговорить, – его начинают слушать. К тому же у него был оглушительный голос. После некоторых выступлений юная публика от восторга выносила его на руках.

Софи искренне полюбила Оноре. Их роман отражен в многочисленных письмах, близких по духу к «Новой Элоизе» Жан-Жака Руссо. Наверное, Софи и Оноре даже немножко играли в эту прекрасную, тихую, светлую любовь. Они решили бежать и обрести счастье в самой свободной стране тогдашней Западной Европы, первой республике – Голландии. Бегство удалось. Софи ждала ребенка. Но маркиз де Моннье оказался сильным противником и официально заявил в судебные инстанции, что Оноре де Мирабо похитил его жену и украл деньги. Последнее было чистой ложью.

Во Франции состоялся заочный суд, приговоривший Мирабо к смертной казни. Беглецов настигли в Голландии и арестовали. Исполнение казни было отложено. Мирабо заточили в Венсенский замок, а Софи – в монастырь до смерти мужа. Там она была объявлена порочной женщиной и, кажется, даже обрита наголо. В итоге несчастная покончила жизнь самоубийством.

Оноре жил в Венсенском замке на скудное содержание, которое определил ему отец. На казни сына он все-таки не настаивал. Одиноким, в истрепанной одежде, Мирабо сначала писал близким письма с жалобами. Но потом вновь решил бороться. Он создал книгу «Об указах за королевской печатью и государственных тюрьмах». Это было

яркое обличительное произведение о судьбе узников. Мирабо рассказал, насколько зависим заключенный от воли начальства, какие взятки у него вымогают.

**Шарль Тевенен. Штурм Бастилии 14 июля 1789 года. ок. 1793.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк**

Он вышел на свободу в 1782 году, уже сознавая свои таланты. Последовало несколько судебных процессов. Удалось добиться отмены смертного приговора. Причем маркизу де Моннье пришлось оплатить судебные издержки. Затем Оноре вмешался в бесконечную тяжбу матери и отца. Сначала он выступил на стороне Виктора, но мать пригрозила пистолетом, даже выстрелила (произошла осечка) – и сын перешел на ее сторону.

Выступая в залах суда, Мирабо постоянно оттачивал свое ораторское искусство. Он видел, что люди верят ему и идут за ним. Встретил он и свою последнюю знаменитую любовь – Жюли-Генриетту де Нейра. Это была интеллектуальная женщина, которая разделяла интересы Оноре. Вместе с ними жил один из его побочных сыновей, Люка, который потом написал биографию отца и был предан его памяти.

В 1785 году Мирабо получил дипломатическое поручение – отправиться в Пруссию и добиться там займов для французского правительства. Конечно, это был тупиковый путь для страны – брать в долг вместо того, чтобы развивать экономику. Займа Мирабо не получил. Но собрал материал для новой книги – многотомной истории прусской монархии под управлением Фридриха Великого. Она свидетельствует о том, что ее автор выходит на простор больших государственных решений.

Время этому вполне соответствовало. Начиналась Великая французская революция. Казна была истощена полностью, долги платить нечем, как нарочно, начались неурожаи, что привело к голоду. Безвольный Людовик XVI не был способен что-либо изменить. В отчаянии он объявил о выборах в Генеральные штаты, французский парламент, не собиравшийся до этого 175 лет – с 1614 года. Мыслящие люди понимали, что это великий шанс.

Мирабо не мог баллотироваться в парламент от дворянства: его отвергли, поскольку он славился дурным поведением. И тогда он пошел на революционный шаг – решил выдвигаться от третьего сословия. Невероятная дерзость для аристократа! Он был избран. А 17 июня 1789 г. именно палата третьего сословия объявила себя Национальным собранием. И Мирабо был среди этих людей в скромной одежде, которых впускали на заседания через черный ход. 9 июля они объявили себя Учредительным собранием и взяли власть в свои руки.

Монархия готовилась их разогнать. 23 июня к депутатам пришел обер-церемониймейстер двора маркиз Де-Брезе и зачитал тихим голосом распоряжение короля: немедленно разделиться по сословиям, никому ни с кем не смешиваться и заседать раздельно. Наступила тишина, все растерялись. И тогда Мирабо произнес знаменитую фразу: «Вы, кто не имеете среди нас ни места, ни голоса, ни права

говорить, идите к вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя удалить иначе, как силой штыков». Маркиз Де-Брезе попятился и вышел, не повернувшись спиной к этому дерзкому Мирабо.

А 14 июля последовал штурм Бастилии. Мирабо хватило мужества сказать, что народ имел право на проявление гнева. Аристократов, оказавшихся способными сделать такой выбор, было совсем немного.

Мирабо стал королем этого этапа революции, ее громогласным львом. Он внес, по-видимому, свою лепту в написание знаменитой Декларации человека и гражданина. Этот документ провозгласил прекрасные истины: свободу личности, защиту от произвола – все то, что было так важно для Оноре Мирабо. Аристократ, перешедший на сторону третьего сословия, выступал на заседаниях Национального собрания, потом Учредительного собрания и Конвента. Он последовательно отстаивал права личности, например, утверждал, что нельзя разрешать никаким инстанциям читать частные письма. Мирабо настаивал на том, что никому не следует запрещать выезд из Франции, ведь это было бы ограничением свободы личности! Последнее народу не понравилось – ведь он вступился за желавших эмигрировать аристократов.

Человек большого ума, Мирабо не мог не видеть, как поднимается страшная волна революции, способная уничтожить Францию. Позже стало известно, что уже тогда он вступил в тайные переговоры с двором. В советской историографии это называлось предательством. Но он просто искал выход из положения. Он хотел стать тайным советником короля, чтобы помочь ему действовать разумно. Мирабо заключил с двором договор о том, что ему оплатят долги, если он поможет королю наладить отношения с новыми правителями. Кто-то из современников сказал: «Вы говорите, Мирабо покупают. Нет, его не покупают, ему платят за то, что он... тайный министр». Он состоял с королевским двором в долгой тайной переписке (50 записок сохранилось), которая в итоге ничего не дала.

В одной из речей Мирабо говорил: «Да, я заявляю открыто, что я за королевское вето. Нет ничего ужаснее, чем владычество шестисот лиц, которые завтра могли бы объявить себя несменяемыми, послезавтра – наследственными и кончили бы присвоением себе неограниченной власти». Он как будто предвидел якобинскую диктатуру.

Конечно, львиная голова Мирабо упала бы под ножом гильотины. Но 2 апреля 1791 г. он внезапно умер. Причиной стал, видимо, запущенный аппендицит. Похоронили его с невероятной пышностью, в Пантеоне, под надписью «Великим людям – благодарное отечество». А через короткое время, год и четыре месяца, 10 августа 1792-го, в кабинете Людовика XVI, уже арестованного, были обнаружены письма Мирабо. Его сразу же объявили предателем, и толпа, которая его боготворила, принялась в него плевать. Останки были вынесены из Пантеона и перемещены на кладбище в предместье Сен-Марсо, где хоронили преступников. Место Мирабо в Пантеоне занял якобинец и его обличитель Жан-Поль Марат. Но и его тело пролежало там только до 1795 года, а после контрреволюционного переворота было перезахоронено на одном из парижских кладбищ. Даже посмертные судьбы этих людей так много говорят о революционной и послереволюционной эпохе!

Бронзовый бюст императора Гая (Калигулы). 37–41. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Тома Кутюр. Римляне времен упадка. 1847. Музей Орсе, Париж

Лоуренс Альма-Тадема. Встреча Антония и Клеопатры. 1888. Частное собрание

Лоренцо А. Кастро. Сражение при Акциуме. 1672. Национальный морской музей, Лондон

Герард де Лересс. Пир Клеопатры. 1675–1680. Рейксмюсеум, Амстердам

Лоуренс Альма-Тадема. Помпейская сцена. 1868. Национальный музей Прадо, Мадрид

Бюст Птолемея I. III век до н. э. Лувр, Париж

Генрих Семирадский. Отдых. 1896. Национальная галерея искусств им. Бориса Возницкого, Львов

Лоуренс Альма-Тадема. Коллекционер картин времён Августа. 1867. Местонахождение неизвестно

Даниэль Маклиз. Первая встреча Генриха VIII с Анной Болейн. 1836. Британский институт, Лондон

Дж. Бэзир. «Поле золотой парчи». 1774. По картине XVI века. Британская королевская коллекция, Лондон

Йос ван Клеве. Портрет короля Генриха VIII. 1540–1541. Хэмптон-Корт, Лондон

Тициан. Конный портрет Карла V. 1548. Национальный музей Прадо, Мадрид

Тициан. Портрет Изабеллы Португальской. 1548. Национальный музей Прадо, Мадрид

Висенте Боррас Момпо. Донья Мария Пачеко после поражения под Вильялар. 1881. Национальный музе Прадо, Мадрид

Франсуа Клуэ. Маргарита Валуа. ок. 1574. Национальная библиотека Франции. Париж

Поль Деларош. Детство Пико делла Мирандола. 1842. Музей изящных искусств, Нант

Пол-Кутан Амабль. Портрет Франциско Писарро. 1835. Версаль, Франция

Джон Эверетт Милле. Писсаро берет в плен перуанских инков. 1846. Музей Виктории и Альберта, Лондон

Петер Пауль Рубенс. Портрет Сигизмунда III Вазы. Частная коллекция живописи Кистерса Хайнца

Йозеф Брандт. Битва под Хотин. 1867. Национальный музей, Варшава

A portrait of a man, likely a cardinal, wearing a red cap and a red cloak over a white garment with a tassel. The background is dark and indistinct.

Матье Ленен. Портрет Джулио Мазарини (деталь). XVII век. Версаль, Франция

Герард Терборх. Заключение мира в Мюнстере. 1648. Рейксмюсеум, Амстердам

Дэвид Бэк. Портрет королевы Кристины. ок. 1650. Королевская сокровищница, Стокгольм

Жан-Этьен Лиотар. Портрет Морица Саксонского. 1748. Рейксмюсеум, Амстердам

Огюст Кудер. Открытие Генеральных Штатов. 1839. Версаль, Париж

Эмануэль де Витте. Интерьер церкви в Амстердаме. 1661. Амстердамский исторический музей, Амстердам

Бронзовый бюст императора Гая (Калигулы). 37–41. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Тома Кутюр. Римляне времен упадка. 1847. Музей Орсе, Пар